ЗНАНИЕ — СИЛА 1/92

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

№ 1(775)
Издается с 1926 года

Редакция:
Л. Бахнова
И. Бейненсон
Г. Бельская
В. Брель
Г. Вершубский
М. Курячая
В. Левин
Ю. Лексин
И. Прусс
И. Розовская
Н. Федотова
Г. Шевелева

Заведующая редакцией
А. Гришаева

Главный художник
М. Малисов

Художественный редактор
Л. Розанова

Оформление
А. Эстрина

Корректор
Н. Малисова

Технический редактор
О. Савенкова

Сдано в набор 06.11.91
Подписано к печати 30.01.92
Формат 70×100¹/₁₆.
Офсетная печать.
Печ. л. 8,0
Усл.-печ. л. 10,4
Уч.-изд. л. 14,21
Усл. кр.-отт. 42,6
Тираж 125 300 экз.
Заказ № 1907

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19,
строение 6
Тел. 235-89-35

Ордена Трудового
Красного Знамени
Чеховский
полиграфический комбинат
Министерства печати и информации
Российской Федерации
142300, г. Чехов
Московской области.

Индекс 70332

23-1-14

Следующий номер посвящен РОССИИ второй половины XIX века

В НОМЕРЕ

ISSN 0130—1640. «Знание — сила», 1992, № 1, 1—128.

ЗНАНИЕ — СИЛА 1/92

ISSN 0130—1640

„Knowledge is power" *(F. Bacon)*

ЗНАНИЕ-СИЛА 1/92

Дон Кихот
Дюма
Гюго
Робеспьер
М. Горький
Гамлет
Жуков
Есенин
Д. Лондон
Т. Драйзер
Наполеон
Бальзак
Штирлиц
Достоевский

КТО ТЫ?

ЗНАНИЕ — СИЛА 1/92

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

№ 1 (775)
Издается с 1926 года

Главный редактор
Г. А. Зеленко

Редколлегия:
Л. И. Абалкин
А. П. Владиславлев
Б. В. Гнеденко
Г. А. Заварзин
В. С. Зуев
Р. С. Карпинская
П. Н. Кропоткин
А. А. Леонович
(зам. главного редактора)
Н. Н. Моисеев
В. П. Смилга
Н. С. Филиппова
К. В. Фролов
В. А. Царев
Т. П. Чеховская
(ответственный секретарь)
Н. В. Шебалин
В. Л. Янин

© «Знание — сила», 1992 г.

Вглядитесь — перед вами групповой портрет человечества. Читайте в этом номере статью И. Вайсбанда «Кто я такой? Немного о соционике».

Художник Ю. Сарафанов

Дорогой читатель!
В нынешнем году
мы предлагаем новые
серии материалов:

**«Исторический детектив»,
«Провинциальная Россия»,
«Кто ты? Психологическая игра».**

В каждом номере мы будем публиковать для учащихся задачи по истории. В развлекательном чтении, кроме традиционной для журнала фантастики, откликаясь на интерес к магии и колдовству, мы опубликуем зарубежный бестселлер «Путь шамана». Любителям животных будут адресованы новеллы английского писателя и ветеринара Дж. Хэрриота. При этом мы остаемся верны своему основному выбору — делать аналитический, проблемный журнал.

Редакция принимает заявки на публикацию рекламы.

Г. Зеленко

главный редактор журнала «Знание — сила»

Быть? Не быть?

В хозяйственном хаосе, который безудержно нарастал в течение последних месяцев, положение периодической печати становилось все более тяжелым, пока не сделалось откровенно катастрофическим. Демократическая печать боролась за экономическую реформу — и наша редакция даже в это трудное время ни на секунду не усомнилась в ее необходимости,— однако, как говорится, «напоролась» на анархическую игру псевдорыночных сил, не сдерживаемых цивилизованным экономическим регулированием.

Вот лишь несколько примеров из экономического быта «Знание — сила». Цены на бумагу уже сейчас выросли в 15 раз и обнаруживают тенденцию расти дальше. Во много раз выросли полиграфические расходы. Рассчитываемый сегодня с большими неясностями 28-процентный налог сопоставим с платой за подписку, объявленную в прошлом году.

К сказанному следует непременно добавить, что периодическая печать стала еще и пленником неповоротливой государственной машины. В самом деле, подписная цена на наш журнал на 1992 год рассчитывалась весной 1991 года — что теперь подписные полтора рубля на фоне цен конца января и разгара процесса либерализации?

Конечно, сложившееся положение требует, по меркам цивилизованного мира, чтобы какая-либо официальная инстанция объяснила, что именно происходит с периодикой, и хотя бы принесла читателям и редакциям извинения. Но какая это инстанция? Союзное правительство, которое объявляло подписку и которого нет? Российское правительство? Министерство информации? Увы...

Стоит сказать, наверное, и об облике журнала, на который читатель, безусловно, уже обратил внимание. Формат журнала и его технологические характеристики редакции пришлось изменить из-за категорического требования Чеховского полиграфкомбината перевести журнал на другую печатную машину. Но потери, связанные с изменением формата, хотя бы отчасти компенсированы увеличением объема. Последнее обстоятельство, впрочем, тоже сказалось на росте себестоимости журнала.

Что же делать в сложившейся ситуации, где искать выход?

Чтобы смягчить остроту положения, редакция предпринимает действия в различных направлениях. Мы начинаем публиковать рекламу, используя для этого, в частности, дополнительный объем. Налаживаем отношения со спонсорами — фондами, организациями, фирмами, которые заинтересованы в работе редакции, согласны участвовать в таких журнальных программах, как «Лицей» или «Культурный мир российской провинции», и готовы финансово поддерживать эти программы и журнал.

Однако эти и другие меры создают, по крайней мере сейчас, лишь зыбкую основу для выживания журнала и не решают главного вопроса: быть ему или не быть? И тут главное слово должен сказать читатель.

Если журнал нужен, надеемся мы, читатели не оставят его в трудную минуту.

Перспективы журнала на 1992 год выглядят так. На сумму подписки, собранную в 1991 году, с учетом реально сложившейся к настоящему моменту себестоимости журнала редакция имеет возможность дать подписчикам только три номера. Мы намерены выпустить оплаченные подписчиками три номера в первом квартале. А начиная с номера 4, выпускать журнал по новой подписной цене — 13 рублей за номер. Конечно, редакция понимает, какую непростую проблему ставит перед своими читателями, но что делать? Эта цена — минимум того, что необходимо для нормального, без существенных потерь выпуска журнала сегодня. Да еще нам приходится учитывать в этой сумме возможный рост цен на предстоящие девять месяцев. Может быть, уже весной или летом, наконец, осенью, когда процесс изменения цен уйдет далеко от сегодняшнего уровня, читатель окончательно признает, что редакция была не так уж смела в своих запросах.

Кстати. В первом квартале журнал будет выходить только для подписчиков — на выпуск розницы по старой цене и при новой себестоимости у редакции нет финансовых возможностей. В дальнейшем журнал будет поступать в розничную продажу весьма ограниченным тиражом — в три-четыре раза меньше, чем в 1991 году, и по заметно увеличенной цене.

Мы надеемся на нашего постоянного читателя, который мы верим, поддержит журнал и в нынешнюю трудную пору.

Будем вместе надеяться и жить. Окончательно все эти наши проблемы решатся в феврале.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Землетрясение по команде, или Разговор о том, дано ли человеку повелевать земными стихиями

Земля дрожит.
Фото Джины Лоллобриджиды.

Летом 1991 года в прессе появились сенсационные сообщения: между ядерными испытаниями и сильнейшими землетрясениями существует прямая зависимость. Конечно, такие сообщения не могли оставить спокойными людей, особенно тех, что живут в сейсмически опасных районах.
Наш корреспондент обратился с вопросами по этому поводу к одному из ведущих сейсмологов нашей страны, члену-корреспонденту АН СССР, профессору Алексею Всеволодовичу НИКОЛАЕВУ.

Землетрясением можно управлять?

Корреспондент: — *В начале лета 1991 года в средствах массовой информации прошли сенсационные сообщения о возможности управлять землетрясениями с помощью мощных взрывов. Они основывались на вашем выступлении на международном симпозиуме в Баку в июне прошлого года и на сообщении в «Докладах АН СССР». Действительно ли существует такая возможность? Что такое наведенная сейсмичность?*

А. Николаев: — Впервые термин «наведенная сейсмичность» появился в связи с наполнением искусственных водохранилищ. Классический пример — строительство плотины и заполнение водохранилища в районе города Коина, в Индии, спровоцировало в совершенно спокойном, асейсмичном районе землетрясение с магнитудой шесть. Потом стали воздвигаться высокие плотины во многих районах, и там было замечено повышение слабой и средней сейсмичности. Правда, очень сильных землетрясений и катастроф при этом не было, но нарушения и неприятности как ответ на заполнение водоемов были.

Положительный эффект при этом состоял в том, что появилось знание, как эксплуатировать водохранилище, чтобы уменьшить опасность сильного наведенного толчка, — не надо слишком быстро наполнять водохранилище или слишком быстро сбрасывать из него воду.

Корреспондент: — *И вот тогда возникла идея искусственно разряжать тектонические напряжения?*

А. Николаев: — Идея это старая и далеко не наша. Она высказана в связи с горными ударами. И даже был произведен опытный ядерный взрыв, чтобы как-то встряхнуть горные породы, разрядить напряжение.

Мы уже более десяти лет занимаемся несколько иными, искусственными эффектами — влиянием вибраций на физические свойства горных пород и протекающие в них процессы. Так были обнаружены наведенные геофизические эффекты. Несмотря на то, что вибраторы излучают микродозы сейсмической энергии, получилось как бы моделирование более сильных воздействий. Отсюда можно идти к натурным масштабам. Основной результат: на породы влияют не только постоянные или очень медленно меняющиеся напряжения, но и сейсмические волны (говоря специальным языком, они не только тензочувствительны, но и виброчувствительны). Действуя упругими волнами, мы можем менять естественный ход развития процессов, видеть тонкие эффекты, которые существуют в природе, но незаметны в обычных условиях.

Обнаружив, что виброчувствительность пород высока, я подумал: не может ли сильное, хотя и удаленное землетрясение воздействовать на землетрясение в другой зоне? И взрыв — на землетрясения, на процесс подготовки землетрясения?

Корреспондент: — *Несмотря на слабость таких воздействий из-за большого удаления? Но при каких же условиях?*

А. Николаев: — Ну все-таки при большой энергии источника амплитуды смещения поверхности даже за тысячи километров от очага не так уж малы — единицы микрон. Но главное — землетрясение должно быть готово произойти. Его нужно лишь подтолкнуть, помочь нажать на «спусковой крючок». И оно произойдет раньше и не дозреет до большей энергии (магнитуды). Это то же, что, тряся яблоню, не давать яблокам расти дальше.

При обработке каталогов землетрясений и подземных ядерных взрывов была применена методика статистического анализа, позволяющая выявить даже очень слабые связи между явлениями. Как «наводящие» источники были взяты землетрясения Памиро-Гиндукушской зоны и подземные ядерные взрывы на полигонах Невада и Семипалатинск. Результаты были неожиданными.

Влияние землетрясений и взрывов на ситуацию в сейсмоопасных зонах было обнаружено на удалении до двух тысяч километров. Этот эффект проявлялся в разные сроки на близких и далеких расстояниях, был несколько разным при действии взрывов и землетрясений, но в принципе он сводился к одному: созревание очаговой зоны для сейсмического толчка заметно ускорялось. Скажем, в первую пятидневку после подземного ядерного взрыва произошли все землетрясения, которые должны были произойти не в первые пять, а в первые семь дней.

Таким образом, Земля стимулируется к ускоренному развитию. Скажем, идет в зоне будущего очага лавинонеустойчивое трещинообразование, вот оно как раз и ускоряется. Воздействие взрыва, хотя и слабое, но происходит в большой области и не мгновенно, а продолжается несколько минут при магнитуде 5,5—6. Этакая своеобразная гомеопатия, которая дает заметный эффект.

В принципе можно «облучать» сейсмоопасную зону и вибровоздействиями, но пока мы это сделать не успели. Мощности там меньше, но эффект можно получить за счет большой длительности воздействия.

Корреспондент: — *Можно ли считать слабые приливные лунотрясения моделью наведенной сейсмичности?*

А. Николаев: — В каком-то роде. Лунные землетрясения ведь происходят по «гравитационному расписанию», с известной периодичностью, через полмесяца — месяц. Изменяющееся притяжение Земли не дает накопиться там большим напряжениям. Если бы сброс на Луне был, скажем, раз в год, наверное, это были бы более крупные события.

Тектоническое оружие — существует ли оно?

Корреспондент: — *Что же такое «тектоническое оружие»? Можно ли ядерным взрывом спровоцировать землетрясение в заданном районе?*

А. Николаев: — Тектоническое, или сейсмическое, оружие — это то, что может, используя накопленную тектоническую энергию недр, привести к разрушительному землетрясению. Но здесь есть некоторая терминологическая путаница. Когда говорят о землетрясении, наведенном взрывом, то одни считают, что это только «спусковой крючок» для уже подготовленного природой события, другие — что район, никогда не знавший землетрясения, вдруг обретет его, если там взорвать ядерную бомбу. Я, разумеется, считаю, что ничего не вызовешь, если Земля не готова.

Корреспондент: — *Значит, землетрясения не может быть в Москве?*

А. Николаев: — Землетрясения не может быть в Москве, и нельзя применить против Москвы тектоническое оружие.

«Берлинский курьер»:
— Господин профессор, по-видимому, требуется большая гражданская смелость, чтобы вторгнуться в область, которую военные держат под большим секретом?..
— В чем вы видите выход?
А. Николаев:
— Сломить опасное замалчивание. Нельзя ждать, чтобы в Земле образовалась дыра, подобная той, что в озонном слое над нашими головами...

«Берлинский курьер», 17 июня 1991 года

«...Каспий в результате неконтролируемой промышленной активности... превращается в «станковый пулемет», обстреливающий залпами землетрясений все регионы по своему периметру».

И. Киримов,
доктор физико-математических наук,
«Когда дрожит Земля»,
«Труд», 19 июня 1991 года

Корреспондент: — *Помнится, два-три года назад в Москве была паника по этому поводу, нагнетаемая, кстати, и прессой. Ждали «дня икс». Сотрудники Института физики Земли успокаивали население со страниц газет и экранов телевизоров. Мне как лектору общества «Знание» даже довелось писать одной старшекласснице расписку для ее мамы, дескать, такого-то июля землетрясения в Москве не будет, можно спокойно отпускать ребенка в лагерь.*

А. Николаев: — Да, тогда мне и коллегам — А. Никонову, Г. Соболеву, Н. Шебалину, В. Шолпо, О. Старовойту — пришлось заниматься разоблачением устрашающих прогнозов. Ведь ученые обычно анализируют целый набор возможных сценариев будущего. Нам же предлагали один-единственный сценарий, состоящий из целой серии допущений и домыслов, причем каждое из звеньев цепи причин-следствий рассматривалось крайне пессимистически. Во всяком случае, не следовало выступать с категорическими непроверенными заявлениями в широкой печати, выносить научные споры на суд общественности, нагнетая страхи. Гласность гласностью, но она не отменяет научную этику, ответственность, здравый смысл, наконец. А Москва расположена вне сейсмоопасных зон, сильные землетрясения здесь не происходят. Другое дело, могут прийти волны от далекого очага — зазвенит посуда, люстры закачаются, – но это не опасно.

Корреспондент: — *Ну а там, где Земля готова? Скажем, Газли 1976 и 1984 годов? Не были ли эти землетрясения инициированы подземными ядерными взрывами на Семипалатинском полигоне?*

А. Николаев: — Вообще подземные взрывы дают весьма ощутимую добавку к естественной сейсмичности. Скажем, было около пятисот взрывов в Неваде, около трехсот — в Семипалатинске. В результате крупнейший регион — Анатолия, Иран, Средняя Азия — слегка перестроил свой сейсмический режим. Раньше там бывали очень сильные землетрясения (с магнитудой 8). Теперь наблюдается дефицит «восьмерок»: техногенное вмешательство людей с помощью взрывов заставило Землю дрожать почаще и послабее.

Что касается Газли. Да, там было одиннадцать землетрясений с магнитудой более пяти, в том числе три известных, разрушительных, и все они происходили непосредственно через несколько дней после взрывов на Семипалатинском полигоне. Но повлияли на них не только взрывы. Там было двойное воздействие. Во-первых, уже были накоплены естественные тектонические напряжения. Судя по геологическим данным, там бывали сильные землетрясения. Академик А. Яншин и профессор В. Уломов еще раньше писали, что это потенциально сейсмически опасный район. Кроме того, под влиянием добычи газа изменилось пластовое давление. На последней стадии подготовки землетрясений уже была потеряна устойчивость процесса, он стал чутким ко внешним воздействиям. И тут, чтобы переполнить, так сказать, чашу тектонического терпения, было достаточно последней капли — ядерного взрыва.

Корреспондент: — *Вспомним слухи, разговоры после Спитакского землетрясения 1988 года о том, что оно подстроено недоброжелателями, что это не землетрясение, а взрыв. Что бы вы сказали по этому поводу?*

А. Николаев: — Что это пустое занятие, домыслы, не имеющие оснований. Ведь все задокументировано. Если кто-то сомневается и не верит официальным данным, может посмотреть сейсмограммы, материалы регистрации геофизических полей и убедиться, что там не отмечается никаких аномалий, которые можно было бы идентифицировать как взрывы.

Проблема возможного воздействия на окружающую человека геофизическую среду занимает международное сообщество уже два десятилетия. Советский Союз внес на рассмотрение ООН предложение заключить конвенцию о запрещении воздействий на природную среду и климат в военных и иных целях, не совместимых с интересами международной безопасности, благосостояния и здоровья людей. Был представлен проект конвенции, где в числе прочего предлагалось запретить «возбуждение любыми методами и средствами сейсмических волн, приводящее к землетрясениям». Конвенция вступила в силу в 1978 году, к ней примкнуло уже около шестидесяти участников. Советский Союз стал одним из первых и неукоснительно выполняет конвенцию.

Корреспондент: — *Но ведь могут быть нарушители конвенции. Возможно ли, с научной точки зрения, инициирование сейсмического толчка? Например, в благих целях?*

А. Николаев: — Примеры благого воздействия мы уже обсуждали. Но поставить себе целью вызвать землетрясение — это затея крайне сомнительная. Известны в принципе сейсмоопасные зоны. Но непросто распознать, где толчок будет именно через десять дней, — это значило бы решить проблему прогноза землетрясений. Если проблема прогноза времени и места землетрясения решена, то можно в принципе использовать свои знания, чтобы подтолкнуть события. Аналогично тому, как камень на склоне вот-вот упадет, но мы не стали дожидаться, пока упадет, и подтолкнули его. А вообще, тектоническое оружие — надуманная проблема.

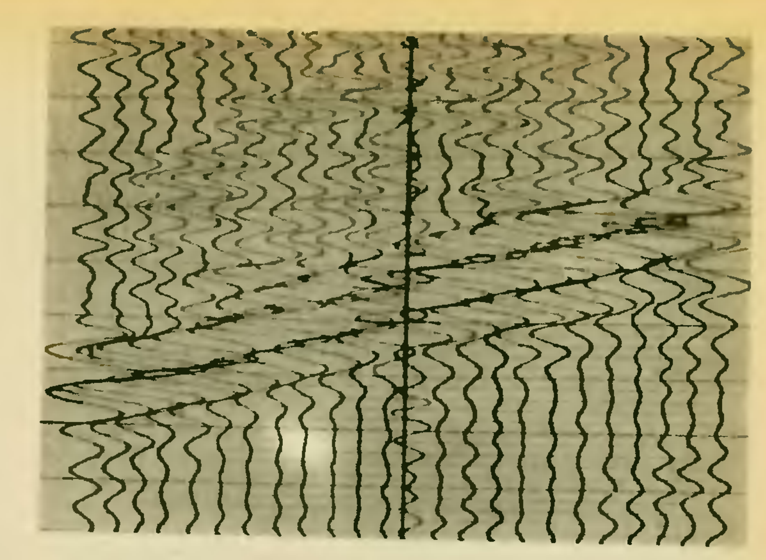

И все-таки: можно ли предсказать время землетрясения?

Корреспондент: — *В связи с выявленной возможностью разряжать тектонические напряжения не отодвигается ли на второй план проблема прогноза землетрясений?*

А. Николаев: — Проблема сейсмической опасности-безопасности включает в себя целый ряд аспектов: прогноз места, силы, времени, сейсмостойкое строительство, мониторинг, наведенная сейсмичность, сейсмическое оружие и сейсмическая защита. Проблема прогноза в известной мере остается главной. Вообще-то сейсмология развивается от одного сильного землетрясения к следующему сильному землетрясению. Первое «постановление правительства» по сейсмологии — Высочайшего Его Императорского Величества Закон об отпуске из Государственного Казначейства средств на содержание сейсмических учреждений России — принято после Вернинского катастрофического землетрясения в 1911 году. Следующее было связано с Ялтинским землетрясением (1927 год), потом с Ашхабадским 1948 года. Постспитакское еще не состоялось. Обещаны деньги на развитие современной системы сейсмологических наблюдений, но их пока нет.

Геологические вибрации от взрывной волны.

«...Три заявки Мартынова довелось изучать лично мне. Ни о какой секретности речи быть не может. Все известно с середины XVIII века и зиждется на принципе маятника Кавендиша.. Надежность прогноза невелика тут даже в идеале». О. Хаврошкин, член-корреспондент Академии естественных наук.

«Так хочется быть прорицателем», «Труд», 27 сентября 1990 года

Корреспондент: — *Какой эффект даст эта система, окупятся ли затраты на ее создание?*

А. Николаев: — Новая сеть наблюдений позволит улучшить качество сейсмического районирования — раз. Строить в соответствии с более обоснованными рекомендациями сейсмологов — два. Далее, принять во внимание долгосрочный прогноз, который по существу сливается с сейсморайонированием. Сейсморайонирование определяет общую вероятность сильного землетрясения в данном месте в расчете на сто — тысячу лет. А долгосрочный прогноз — на период до десяти лет. И, стало быть, можно соответствующим образом планировать и хозяйственную деятельность, и строительство, и антисейсмические мероприятия, и готовность гражданской обороны. Короче, жить по пословице «быть сильным там, где это нужно, и слабым там, где это можно».

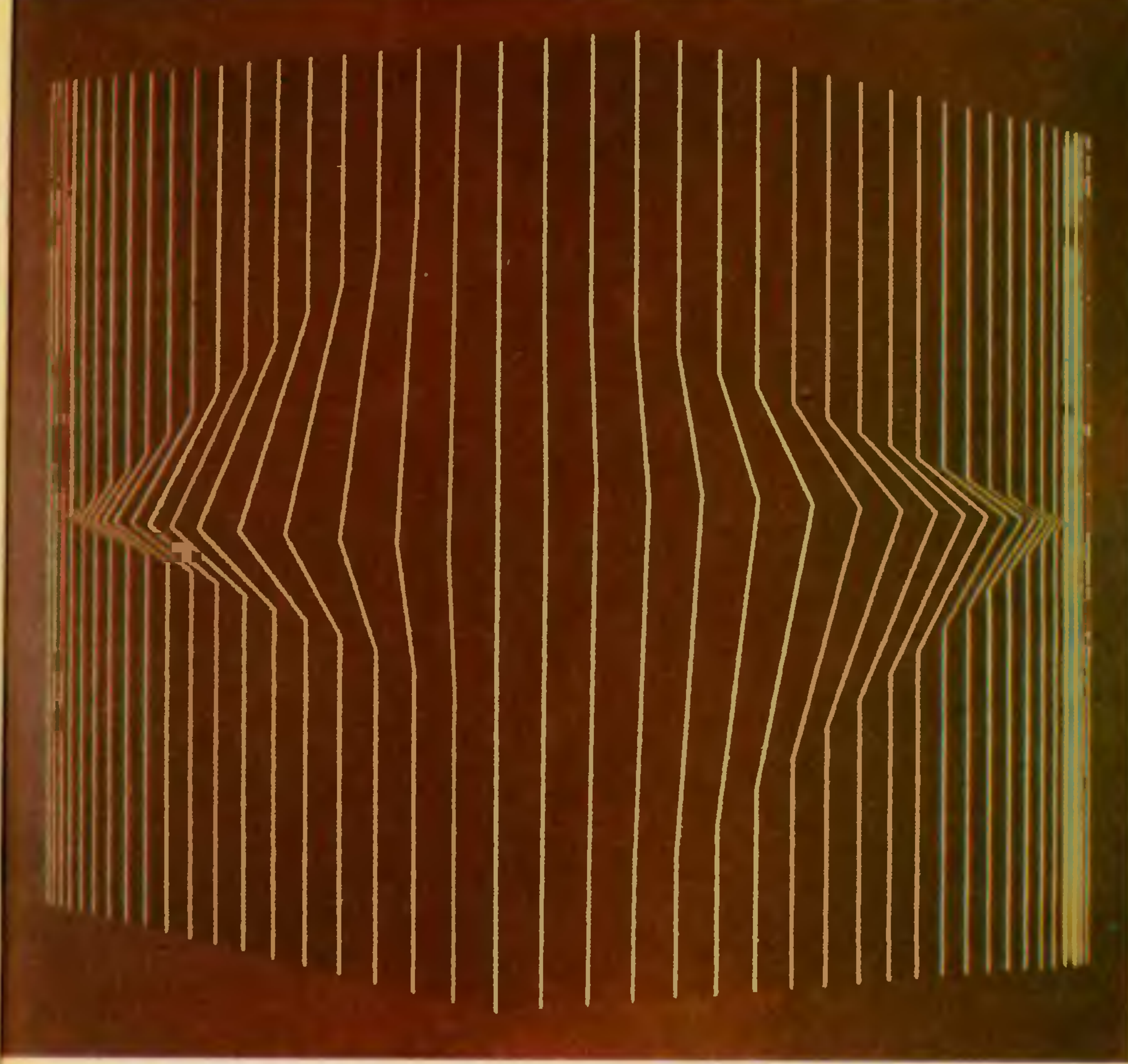
И если бы это делалось так, убытки от землетрясений были бы меньше. За сорок пять лет, включивших в себя Ашхабад, Спитак и Осетию, убытки составили около 20 миллиардов рублей. Они могли бы быть сокращены по меньшей мере процентов на тридцать. И если отсюда взять хотя бы процент на развитие сейсмологии, она жила бы безбедно.

Корреспондент: — *Некоторые ученые считают, что прогноз времени землетрясения невозможен, а значит, и не нужен..*

А. Николаев: — Не дело ученых решать, нужен прогноз или нет. Так можно считать, сидя в Москве. А скажи это кому-то, у кого ребенка в детском саду завалило во время Спитакского землетрясения... Мне странно, когда в Москве сидят и рассуждают, нужно или не нужно.

Корреспондент: — *А можно или нельзя?*

А. Николаев: — С какой-то вероятностью можно, прогноз-то у нас вероятностный. Скажем, на следующей неделе в данном районе с вероятностью ноль целых.. десятых произойдет толчок с магнитудой больше такой-то. А власти пусть решают, как поступить — предупредить, вывезти людей, мобилизовать спасателей или ничего не делать. А вообще-то решение проблемы прогноза — дело нескорое, а вот доброкачественно строить можно было бы и сейчас. Тогда и прогноз не будет такой больной проблемой.

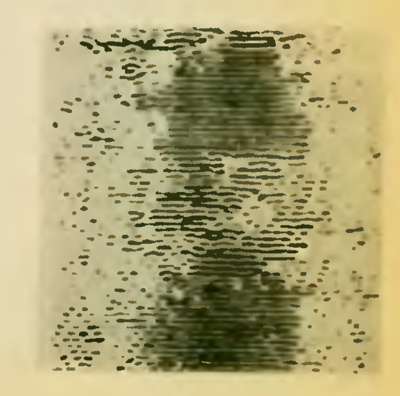

В. Вазарели. Илиль.

Теневая сейсмология

Корреспондент: — *В этой связи давайте затронем тему о сейсмопрорицателях, можно сказать еще — о теневом прогнозировании. Читатели газет и журналов последних, постспитакских, лет знакомы со шквалом прожектов, буквально атакой прогнозистов от и вне науки. В частности, ими завален Институт физики Земли, где вы являетесь заместителем директора. Каковы на сегодняшний день взаимоотношения с этими «сейсмотеневиками»?*

А. Николаев: — Да, было довольно много историй. Главные из них связаны с известными по печати именами таких предсказателей — Э. Несмеянович, В. Иванников, О. Мартынов. С ними Междуведомственному совету по сейсмологии и сейсмостойкому строительству

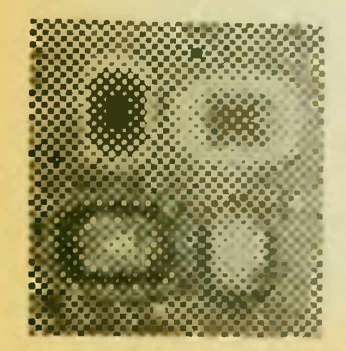

ISSN 0130 ...

«...Данный вами прогноз не подтвердился. Немалыми усилиями удалось предотвратить панику населения. Выставляем счета для возмещения затрат... Попытки отдельных личностей приобрести популярность на данном поприще обошлись государству значительными потерями. Прошу соблюдать установленные АН СССР правила и порядок прогноза землетрясения».

Академик АН Республики Таджикистан С. Негматуллаев (Телеграмма Мартынову.)

«Так хочется быть прорицателем», «Труд», 27 сентября 1990 года

и Институту физики Земли АН СССР пришлось вступить в длительный диалог.

История О. Мартынова, тульского металлурга, особенно показательна. Здесь тоже — большие претензии, сверхсекретность, новые физические поля и философские принципы. Началом истории явилась статья в «Правде» в июне 1989 года, рассказ трех корреспондентов о визите в небольшую подпольно-секретную лабораторию, где с помощью «бочки, пронизанной штырями», прибора, «разработанного на совершенно новой теоретической основе физики», концепции «разомкнутости систем, учитывающей прямые и обратные связи», якобы фиксировались предвестники землетрясений. Несмотря на сверхсекретность, удалось проникнуть в эту бочку. Как мы и предполагали, нет ни метода, ни прогноза. Возникает вопрос: а как же так, почему Мартынов получил финансирование от Совмина СССР (если верить «Правде», три миллиона рублей), почему, несмотря на ложные прогнозы землетрясений для Петропавловска-Камчатского и Алма-Аты, организует систему своих приборов в Казахстане? Есть еще много «почему», а ответ на вопросы лежит, оказывается, глубоко — в конверсии военной промышленности. В клубке проблем оказались связаны и Минсвязь, и газета «Правда», и Министерство обороны. Но это — отдельная увлекательная история.

Корреспондент: — *А как в последнее время шла «подпитка» финансами? Все продолжалось?*

А. Николаев: — Да, в Казахстане продолжается строительство полигона по прогнозу землетрясений, оснащенного совсекретными приборами Мартынова.

Корреспондент: — *Что отличает самодеятельных прогнозистов? Есть ли в них что-то общее, характерное?*

А. Николаев: — Пожалуй. Первое — они активно занимаются саморекламой. При этом хулят профессиональную науку. Часто их особую ненависть и раздражение вызывает Академия наук. Второе — под разными предлогами избегают экспертизы. Третье — легко манипулируют фактами: несостоявшиеся прогнозы объявляют удачными; после сильного землетрясения заявляют, что они его предсказали заранее. И последнее. Раньше в своих доказательствах они часто апеллировали к классикам естествознания и марксизма-ленинизма, теперь намечается переход к астральным мотивам и всякой чертовщине вроде полтергейста. Надо сказать, что все это характерно не только для наших прорицателей. Наша страна в этом смысле не исключение. Так бывало и в США, и в Японии, и в других странах... Теперь там пресса «подросла», вопрос о прогнозной информации взят под контроль. Но это лишь после «перуанской драмы».

В Перу американский сейсмолог Брэди, игнорируя мнение коллег, оповестил прессу о грозящей, по его предположению, сейсмической катастрофе. Началась паника, сократился поток туристов. По сути дела, свершилась экономическая диверсия, принесшая стране миллиардные убытки. Брэди к ответственности привлечь не смогли — не было соответствующих законов. Но впоследствии ООН рекомендовала ученым и властям не разглашать прогнозную информацию, касающуюся территории иного государства. Профессиональную тайну сообщает лишь специалист коллегам. Это касается, разумеется, и родной страны: проверенная экспертами прогнозная информация должна быть передана правительству. Власть, объявившая прогноз, берет на себя всю полноту ответственности.

Вот почему в АН СССР существует специальная система прохождения прогнозной информации. Экспертиза осуществляется в Междуведомственном совете по сейсмологии. К сожалению, эти правила нарушаются, специалисты не сохраняют тайну, власти не знают, что делать, прорицателям закон не писан. Кто ответит за необдуманные, ложные прогнозы, которые заполонили страну? По звонкам и письмам мы знаем их географию. Безответственных прогнозов хватает. А вот отменить их сложнее, нужны не только знания, но и мужество. Пресса, того, наверное, не желая, часто создает стрессовую ситуацию. Пресса, мы полагаем, должна ее и исправить.

Знать, чего бояться

Корреспондент: — *Какой же должна быть культура освещения в прессе сложных проблем науки сейсмологии, связанной с жизнью людей? Как проводить обучение населения, поднять его сейсмическую культуру? Мы живем в сложное, контрастное, психологически напряженное время, люди ждут облегчения, становятся падкими на слухи, сенсации. С другой стороны, наука ведь не преуспела с прогнозом землетрясений..*

А. Николаев: — Безусловно, пропаганда научных результатов в широких массах весьма важна, не всегда мы это сознаем, скорее не успеваем этим заняться. Писать о сейсмологии нужно регулярно и грамотно. Должна быть привита какая-то сейсмологическая культура как элемент общей культуры. Особенно это важно для тех, кто живет в сейсмоопасных зонах. Они должны знать, чего бояться, чего не бояться, как обстоит дело, как себя вести при опасности. В США, например, выпущена детская пластинка и книжечка, дети распевают и так запоминают, куда бежать, что делать. У нас, к сожалению, массовых изданий на эту тему нет.

Теперь о кредите доверия, о кризисе доверия. Кризис доверия был всегда — к интеллигенции, к ученым, к фундаментальным наукам. Дескать, сидят там, тратят деньги, неизвестно на что. Этот кризис связан не только с безусловным несовершенством наших знаний. Но еще и с тем, что у нас такая многолетняя «практика», что кто-то должен быть виноватым. Произошло сильное землетрясение. Почему произошло? Либо потому, что такие умные ученые, что они его спровоцировали, и так тонко и хитро, что подгадали прямо под Спитак. Либо, говорят, ученые такие дураки, пускают на ветер государственные деньги, а до сих пор не могут землетрясения предсказывать. Вот такие полярные точки зрения.

Надо понимать, чего можно ожидать от ученых, а чего нельзя. Существует принципиальная неоднозначность при решении ряда задач, есть определенный предел возможности исследования Земли геофизическими методами. Сейсмология обучается на сильнейших катастрофических землетрясениях. Когда они происходят, мы получаем шанс лучше их понять. Происходят они редко — материала для обучения мало. Это, конечно, не значит, что мы сожалеем, что они редки. Но надо осознавать: учиться мы будем всю жизнь. И внуки наши будут учиться.

Если бы такой уровень науки, как сейчас, существовал уже тысячу лет, мы бы очень многое знали —

«...Такой альянс, как кафедра сварки профессора О. Мартынова и НПО «Волна» Минсвязи, никакого отношения к сейсмологии не имеет. Обычно подобный союз приносит плоды удручающие... Я считаю, что нужна узаконенная ответственность за выдачу и публикацию любых сейсмических прогнозов...».

Е. Седова, кандидат физико - математических наук.

«Так хочется быть прорицателем», «Труд», 27 сентября 1990 года

«...В районе очага будущего землетрясения из грунтовых вод начинает интенсивно выделяться радиоактивный газ радон, углекислый газ, гелий, водород. Радон заполняет погреба, подвалы жилых зданий. Повышение концентрации, возможно, подавляет психику человека...

— Уж не хотите ли вы сказать, что...

— Вот именно. Землетрясения в Спитаке, Узгене, Молдове, Румынии и теперь вот в Грузии произошли после или на фоне массовых кровавых конфликтов, когда, как это кажется со стороны, поведение людей выходило за все рамки разумного...»

Беседа с членом-корреспондентом АН Республики Кыргызстан Ф. Юдахиным.

«Если «едут крыши», значит скоро рухнет и дом», «Комсомольская правда», 7 мая 1991 года

как ведут себя в каждом районе предвестники землетрясений, как их тонко выделить. Чему-то доверяли бы, чему-то — нет... А сейчас идет болезненный процесс обучения.

Корреспондент: — *Когда-то вы сказали, что для точного и детального знания устройства Земли и механизма землетрясений нужно так много всего, цитирую — «каждый булыжник нужно заменить сейсмометром». Каких же инвестиций заслуживает сейсмология сегодня, в наше время всеохватного дефицита и всеобщего кризиса?*

А. Николаев: — Думаю, что сейчас не время создавать сверхсистемы, а время сажать картошку и сеять хлеб. Надо пережить трудный период и сохраниться. Нужно хорошо работать с теми средствами, которыми мы уже располагаем, и улучшать их. Замах на сверхсистему — это, кроме прочего, попытка оправдать свое бессилие: «вот если у нас будет самая-самая аппаратура и вычислительная техника, тогда мы все сможем!» Известный экономист Терещенко называл это скрытым саботажем.

Вмешательство должно быть «бархатным»

Корреспондент: — *Давайте в заключение остановимся на том, что вносит в жизнь людей сейсмология. Может ли быть ее влияние позитивным и негативным? Уместно ли говорить о сейсмоэкологии?*

А. Николаев: — Да, если иметь в виду как раз наведенную сейсмичность. Если говорить о сохранении природы, то нужно думать о том, чтобы искусственное техногенное воздействие было деликатным, согласованным с ходом естественных геодинамических процессов и не приводило к нежелательным последствиям. Чтобы они не нарушали, а, возможно, и повышали природное равновесие.

Если мы сумеем регулярно разряжать тектонические напряжения, это поведет к экологическому благополучию, хотя тоже представляет вторжение в природу. И с этой, только с этой специальной точки зрения подземные ядерные взрывы вносят положительный вклад в сейсмичность. Способствуют тому, чтобы напряжения в земной коре разряжались толчками не с магнитудой восемь, а с магнитудой семь или, вместо семи, шесть.

Конечно, ядерные испытания должны быть запрещены по иным причинам — экологическим, нравственным. И тут сейсмология играет позитивную роль контроля.

Еще пример — сейсмическая разведка нефтяных структур. Дело крайне необходимое. Есть при этом и издержки: нарушается продуктивный слой почвы, равновесие грунтовых вод. Но сейсмологи ищут выход — используются естественные колебания Земли, применяются невзрывные источники волн, ударные, вибрационные. Кстати, вибрационные воздействия оказываются благотворными для стимулирования нефтеотдачи месторождений.

Ну и наконец — экология психики людей, что ли. Здесь наука сейсмология помогает подготовиться, может оградить от тревожных слухов и беспочвенных фантазий и страхов. Защитить от нервных перегрузок, сберечь и укрепить душевное здоровье людей. Это тоже не последняя задача сейсмологии.

Беседу вел И. ГАЛКИН

Пока верстался номер

В октябре 1991 года, когда номер был уже в наборе, объявили прогноз разрушительного землетрясения в Чечено-Ингушетии. Он добавил страстей и волнений к социально-политической ситуации. В те дни Алексей Всеволодович НИКОЛАЕВ выступил по телевидению с «антипрогнозом». Мы попросили его в дополнение к уже готовому интервью прокомментировать эту горячую ситуацию.

А. Николаев: — По-моему, и это мнение не только мое, но и экспертов-сейсмологов, в Чечено-Ингушетии никто не располагал данными для объявления краткосрочного прогноза разрушительного землетрясения. Те сведения, что имеются, не содержат признаков для объявления тревоги. Конечно, были бы нужны более детальные геофизические наблюдения в этом районе, но это дело будущего. Анализ же имеющихся данных и позволил сказать: основания для объявления краткосрочного прогноза на ближайший месяц в Чечено-Ингушетии нет.

Вместе с тем сейчас наблюдается сейсмическая активизация всего Кавказского региона, и сильное землетрясение на Северном Кавказе, в том числе и в Чечено-Ингушетии, возможно. Только ожидаемая вероятность его гораздо меньше, чем это предполагает краткосрочный прогноз.

Что касается «Политического заявления» исполкома ОКЧН (Общенационального конгресса чеченского народа) от 14 октября 1991 года, опубликованного в газете «Голос Чечено-Ингушетии» 18 октября 1991 года, где говорилось, что, дескать, о подготовке землетрясения знали сейсмологи России и что оно может быть искусственно инициировано, усилено, скажу коротко и твердо: не знали, не может!

Недоразумения здесь вызваны ложной информацией, опубликованной в газетах «Мегаполис экспресс» и «Комсомольская правда». Перефразируя известную французскую поговорку, скажу, «Ищите журналиста». К сожалению, пресса часто бывает неосторожной.

Корреспондент: — *А приходилось ли вам уже «отменять» землетрясения?*

А. Николаев: — Землетрясение не отменишь, а в отмене прогноза землетрясений участвовал много раз: отменял краткосрочные прогнозы сильного землетрясения в Пекине (по запросу советского посольства), в Петропавловске-Камчатском, Алма-Ате, Ставрополе, Крыму и даже в Москве. И в Чечено-Ингушетии, как видите.

Корреспондент: — *И как ваши «антипрогнозы»?*

А. Николаев: — Пока сбывались.

Корреспондент: — *Какие же чувства вызывают у вас авторы несостоятельных прогнозов?*

А. Николаев: — Сочувствие. В основном это люди, искренне заблуждающиеся, хотя и не все, конечно, о чем говорилось в интервью. Переубедить их нельзя. Единственно, что можно, — как-то умерить прессу, которая зачастую этих людей создает и поддерживает их.

Корреспондент: — *И поэтому к прессе вы относитесь...*

А. Николаев: — Как сейсмолог — настороженно, недоверчиво. Это не касается, конечно, журнала «Знание — сила», с которым я давно сотрудничаю. ●

«...За несколько дней до Спитакского землетрясения действительно был ядерный взрыв под Семипалатинском, но гораздо более сильное воздействие на очаг оказало землетрясение в Иране, происшедшее накануне. Говорить о злоумышленном инициировании грузинского землетрясения еще более нелепо, ведь ядерные испытания в СССР тогда были приостановлены».

А. Николаев, «Землетрясение вызывали?», «Поиск», июль 1991 года

Изучается нейтрино. Треки — результат одного из взаимодействий микрочастиц с образованием мюона. ***Фото ЦЕРНА***

МАЛЕНЬКИЕ СЕНСАЦИИ

А. Семенов

И все-таки нейтрино массивно?

Нейтрино — самая загадочная из сотен элементарных частиц — появилась на кончике пера теоретика Вольфганга Паули более полувека назад. И за столь длительное знакомство ученым мало что удалось о ней узнать. До сего дня непонятно, есть у нее масса или нет. Нейтрино не удается пока зарегистрировать непосредственно, оно практически не взаимодействует с веществом. Исследования ведутся косвенно: нейтрон распадается на протон, электрон и нейтрино и, тщательно измеряя энергию рождающихся протона и электрона, можно сделать вывод о массе нейтрино. Если бы у него не было массы, то спектр электронов (график распределения количества вылетающих электронов по энергии) представлял бы собой ровную линию. Если масса есть, то в спектре должен быть небольшой горбик.

В 1980 году московские физики сообщили, что у нейтрино есть крошечная масса — около двадцати электронвольт, у электрона — пятьсот тысяч электронвольт. Эксперимент невероятно сложен, при работе приходилось учитывать помехи от магнитного поля Земли и искр проходящего неподалеку трамвая. А после завершения измерений предстояла не менее сложная математическая обработка. Для образного сравнения представьте себе парусник во время шторма, на палубе его стоит капитан и пытается взвесить небольшой груз, скажем апельсин. Раз взвешивает — записывает результат, второй, третий, сотый, а потом сидит в каюте и анализирует свои замеры. Так сколько же весит апельсин? А может, он и вовсе невесом? После того, как москвичи опубликовали свои результаты, десять лет их никто не мог ни подтвердить, ни опровергнуть — красноречивое свидетельство их сложности. Но, когда через десять лет появились результаты нескольких установок, измеряющих массу нейтрино в США и Европе, оказалось, что москвичи ошибались. Грубо говоря, увидели массовый горбик не в том месте.

На четырнадцатой Европейской конференции по ядерной физике, проходившей в октябре 1990 года в Братиславе, выступил Эрик Норман из американского университета в Беркли. Норман и его коллеги измеряли спектр электронов из распадающегося изотопа углерода C^{14} при помощи полупроводникового германиевого детектора. Получив свой неожиданный результат, они планируют в ближайшее время увеличить размеры установки в десять раз, чтобы возросла точность измерений и их надежность.

Есть сообщение и о том, что результаты Нормана подтверждают экспериментаторы из Оксфорда и канадского университета в городе Гуэльфе.

Похоже, что сенсация состоялась, но физическое сообщество уже не раз и не два обжигалось на результатах, связанных с нейтрино, поэтому на сей раз никто не спешит дуть в праздничные трубы и устраивать фейерверк. Ограничиваются короткими информациями и планами будущих тщательных проверок. Пока даже теоретически любящие порассуждать по любому поводу не спешат со своими выводами и трактовками результатов. Подождем и мы. Ясно одно: если сенсация подтвердится и станет надежным научным фактом, это может означать большие перемены не только в физике элементарных частиц, но и в науке о Вселенной — в космологии, где тяжелое нейтрино может коренным образом изменить некоторые представления о развитии космоса. Подождем — увидим. ●

Еще раз к вопросу о Магомете и горе

Говорят, главный тормоз экономических реформ — неготовность к ним народа. Поскольку поменять народ затруднительно, может, придать самим реформам облик и содержание, в которых они стали бы более приемлемыми? Именно так считает наша собеседница К. КАСЬЯНОВА, автор еще не вышедшей книги о русском национальном характере. Беседу ведет И. Прусс.

— Рынок — везде рынок. Что к чему должно приспосабливаться: культура к нему или наоборот? И возможно ли это «наоборот»?

— Не только возможно — необходимо. Иначе люди, носители определенной национальной культуры, будут сопротивляться новому. Оно просто не приживется.

— О какой культуре вы говорите — русской или советской?

— А вы верите в существование «новой исторической общности» — советского народа? Есть народ французский, английский, японский — и советский?

Другое дело — влияние идеологических стереотипов большевизма на отношение, которое общественное сознание вырабатывает к тому же рынку, или демократии, или понятиям свободы и равенства. Только мне кажется, что слой этих стереотипов довольно поверхностный; под ними — глубокий пласт действительных национальных ценностей, которые, не имея другого языка, порой выражают себя этими стереотипами. Исключительно важно понять, где сопротивление, например, даже тем жалким элементам рыночных отношений, которые у нас появились, идет действительно из глубины национальной культуры, а где оно, только оформленное привычными идеологемами, идет от плохой организации дела, несовершенства законов или от каких-то других, более или менее просто решаемых обстоятельств.

— Вы считаете, самое серьезное сопротивление рынку оказывает национальная культура, остальное — «более или менее просто решаемые обстоятельства»?

— Пожалуй, да, хотя и законы, и экономическая политика государства — вещи очень важные. И все-таки законы будут любым способом обходить, политику — извращать, если они противоречат главным ценностям, составляющим ядро культуры.

— То и дело мы узнаем: там односельчане спалили двор фермера, тут снесли

«Третьяковская галерея — художественная коллекция, собранная братьями Павлом и Сергеем Третьяковыми в Москве из картин преимущественно русских художников и вместе с помещением принесенная в дар Московской городской думе в 1892 году. По воле дарителей «Городская художественная Павла и Сергея Третьяковых галерея» должна быть открыта на вечное время для бесплатного обозрения ее всеми желающими не менее четырех дней в неделю в течение всего года».

«Энциклопедический словарь» Ф. Павленкова, Санкт-Петербург, 1913 год

«Знание — сила». Январь 1992

торговый ларек кооператора; опросы общественного мнения систематически обнаруживают довольно большую группу наших сограждан, которые не приемлют предпринимательскую деятельность, не считают труд предпринимателя общественно полезным, с удовольствием отправили бы его если не в тюрьму, то «на картошку» или на завод. Простите, если это и есть сопротивление национальной культуры рынку, может, ее распад — не такая уж трагедия? Традиционная, патриархальная культура во всех странах распадалась, на ее развалинах выросло современное общество. Может быть, мы слишком поздно вступаем на этот путь культурных преобразований, отсюда и многие наши трудности?

— Современное общество выросло не на развалинах «традиционной культуры», а на развалинах средневекового общества же. И новые социальные формы складывались в каждой стране при активном содействии национальных культур. Вообще процесс формирования современных обществ в странах Западной Европы и Америки (нельзя говорить о «современном обществе», как и о «западной культуре», ибо таковых не существует, это — теоретические абстракции) совпал именно с процессом формирования наций и национальных государств, то есть с оживлением национального самосознания и национальных культур. Импульс к созданию и преобразованию исходит всегда от ценностей, а ценность — это культурная категория. Распадающаяся культура дает мало импульсов к преобразованию, она, наоборот, становится «вялой» и «вязкой».

Здесь нужно сделать одно важное различение, необходимое для всех дальнейших рассуждений: культура — явление многослойное и многоэтажное. В ней есть нормы-правила, предписывающие конкретные формы поведения, и принципы, и системы представлений, включающие мнения, убеждения, идеологию, а также есть ценностное ядро. В развитой культуре очень много норм-правил. Ими охвачены все сферы жизни: и трудовые процессы, и семейные отношения, и досуг, и воспитание детей, ухаживание, заключение брака, рождение ребенка, похороны — все приведено в систему, соотнесено друг с другом, украшено обрядами, то есть представляет настоящий культурный космос.

Вот этими-то своими конкретными формами культура непосредственно соприкасается с внешней ситуацией — с природой, с человеческими потребностями, с другими обществами и культурами. Внешняя ситуация подвижна. Естественно, на эти «подвижки» культура должна отвечать изменением, модернизацией своих внешних форм. За такую трансформацию «отвечают» «средние этажи» культуры — представления, убеждения, принципы. Им адресуются вопросы при введении новых форм: если в нашем обиходе появится такая-то новая форма, это будет правильно или неправильно с точки зрения наших ценностей? И принципы, и представления (если в этой сфере все в порядке) должны дать ответ: вот эта форма не подойдет и эта не подойдет, а вот эта — пожалуй... Процесс модернизации в здоровой культуре в принципе идет постоянно, только интенсивность его может возрастать и снижаться в зависимости от потребности.

И только на этом фоне становится ясен процесс культурного заимствования. Не все ведь формы изобретаются, иногда, и даже часто, заимствуются. Но механизм проверки «на представления и принципы» (то есть в конечном счете на соответствие культурным ценностям) тот же самый. Некоторые заимствуемые формы легко и органично вписываются в контекст заимствующей культуры, другие — «со скрипом», с изменениями, а третьи вообще не принимаются. Если же эти неприемлемые формы продолжают настойчиво навязываться людям, наступает ценностная реакция отторжения. Это очень сильная эмоциональная реакция, типа той, что выдает любой живой организм на ожог, — судорожный рывок с последующими агрессивно-защитительными действиями. И тут, конечно, возможны всякие эксцессы — с поджогом фермеров и разгромом лавок.

Дальше: если мы говорим о распаде культуры, скорбим над тем, что она погибает, то как оказывается она способной на такие сильные ответные реакции? Выходит, что тихо и мирно распадаться она не собирается?

Дело в том, что распадается культура не вся одновременно, а начиная с внешних своих форм, с этих самых норм-правил на конкретные виды поведения. Это отчетливо видно на нашей культуре: в течение XX века у нас почти начисто «раскультурились» трудовые процессы (одного младшего научного сотрудника, когда он вернулся «с картошки», это было еще лет десять назад, спросили: «Ну как там было, тяжело?» Он ответил: «Да нет. Что там тяжелого? Но противно: грязно, неудобно, некультурно...» И, подумав, добавил: «Трудовые процессы, по-моему, требуют глубокой ритуализации и эстетизации»). Проведение досуга все «усохло» до застолий, выпивок и походов в кино. Семейно-родственные отношения, да и все другие конкретные сферы нашей жизни, утеряли всякую обрядность и эстетику. По-видимому, поврежден также и «средний слой» культуры (но это особый и длинный разговор). А ценностное ядро не распадается. Оно внутри каждого из нас и сильно защищено нашими эмоциональными реакциями, «нравственными чувствами». Чтобы оно погибло, нужно уничтожить народ. Или завоевать его и полностью ассимилировать с другим народом. Но последний способ требует нескольких поколений, и то еще неизвестно, какая культура возьмет верх. Так что с «развалинами» пока все не совсем просто. Когда говорят о распаде «традиционной культуры», то имеют в виду распад именно внешних слоев, форм поведения. Они-то и бывают «традиционными» и «нетрадиционными», к ценностному ядру нельзя вообще применять это понятие.

Один мой знакомый несколько лет назад написал статью, в которой доказывал, что если программистам разрешат торговать своими программами, то все сразу пойдет хорошо. У нас с ним был по этому поводу очень любопытный разговор. Я ему сказала, что статья содержит идеи, реализация которых, наверное, была бы полезна для развития программистской деятельности, но общественное мнение встретит их в штыки (так оно и оказалось впоследствии). Это его очень удивило. Он попросил разъяснений. А объяснение простое: одна из генеральных ценностей нашей культуры — бескорыстие. Как умный и рефлексирующий человек он это понял. Понял и то, что реакция действительно будет отрицательной. Он очень обиделся на нашу культуру и сильно ее ругал. Такая реакция вполне понятна, но я сказала ему, что ругаться глупо, потому что этим делу не поможешь. Если главная ценность — бескорыстие, то ничего с этим не поделаешь и надо жить с этой ценностью.

Заимствования нужны, но они должны осуществляться в формах, совместимых с нашими ценностями. Этот постулат следует принять. А пока рынок в тех формах, в каких он у нас вводится,— вне культуры. И не следует уповать на то, что рыночные отношения как таковые сами по себе будут порождать какие-то новые ценности и автоматически возникнет новая культура. Когда говорят об этом, то имеют в виду некий довольно абстрактный образец — западный рынок. В последнее время специалисты все чаще говорят о том, что такового не существует, есть рыночное хозяйство Америки, Франции, Швеции, Японии и все это — во многом разные явления. Их разность объясняется многими причинами — и экономическими, и геополитическими, но в том числе и, думаю, в первую очередь — разностью национальных культур.

Эти культуры не распадались, ничего там не возникало «на развалинах», на развалинах культуры может возникнуть только полная дезориентация поведения, потеря основных ориентиров и, следовательно, хаос. Наоборот, чем интегрированнее, крепче национальная культура, тем легче она осваивает новые образцы поведения, приспосабливает к своим ценностям новые цели. Застойность, полная замкнутость культуры — тоже свидетельства ее болезни, ибо в ней как в системе всегда действует и тенденция сохранения целого в основных его чертах, и тенденция освоения нового.

Так вот, не рынок создавал новые ценности и образцы поведения в Англии, Америке или Японии, а национальная культура этих стран осваивала рынок, создавала и моральное оправдание «рыночного поведения», и ограничивала это поведение культурными запретами, придавая ему цивилизованный характер.

Англосаксы выработали для свободного рынка, для всех рыночных ситуаций специальные культурные формы. У англосаксов есть своя рыночная мораль, свои ценностные доминанты в этой сфере. У нас же ценностные доминанты устроены так, что рынок — тот, который существует, например, в Штатах,— в них не вмещается. Это, может быть, не вполне доказанный на сегодня факт, но считаю, что он доказуем. Известный американский социолог Парсонс говорит, что «дозволенность частных интересов» в различных культурах разная: в одних частные интересы допускаются в большей степени, в других — в меньшей. К этому, последнему типу относится и наша культура, которая вынуждена «репрессировать» слишком индивидуалистичный генотип.

А свободный рынок требует, чтобы за человеком признавалось право в широких пределах действовать, исходя из своих личных интересов. В условиях рынка человек должен иметь моральное право добиваться своих целей, вступать в конкретную борьбу, стремиться к прибыли. Все это англосаксонская культура разрешает. Она в других отношениях очень требовательна, например к выполнению обязательств — здесь она не терпит никаких отклонений (а наша культура склонна, наоборот, прощать). Но самое главное — у нас сфера морально дозволенных личных интересов сильно сужена. А что из этого проистекает, я вам покажу на примере.

Я знаю семью, где жена и муж — представители разных культур. Когда началась перестройка, муж организовал кооператив,

средства на переквалификацию. Но зато возникает громадный выигрыш в формировании трудовых мотиваций, лояльности к компании, добросовестности работников.

Взвесив все «за» и «против», японцы выбрали не американский, а свой собственный, национальный вариант организации производства. И не прогадали. То же самое должна сделать у себя любая страна, которая хочет иметь эффективную экономику. И не только экономику, но и общественное устройство в целом.

— Вы говорите, что рыночное хозяйство в нашем обществе должно быть специфичным образом преобразовано культурой. Иными словами, вы говорите о необходимости создания национальной модели капитализма. Согласны ли вы с такой формулировкой?

— Да, согласна. Необходимо создать именно национальную модель, как это сделала, к примеру, Япония. Ни в коей мере я не предлагаю копировать японский опыт, как не предлагаю копировать американский, шведский или какой-либо еще. Элементы этих систем можно и нужно заимствовать, но сама система должна быть своя, национальная. Причем национальная не в том смысле, что не похожая на другие, а такая, чтобы соответствовала культурным ценностям и чтобы людям в ней удобно жилось.

— Но я так поняла: рынок вообще противопоказан нашей национальной культуре. Не может же он держаться на бескорыстии.

— Если для экономического выживания страны необходим рынок, значит, к нему нужно переходить. Вся проблема в том, чтобы рыночное хозяйство органично соединилось с нашей культурой, ее не разваливая. Как это сделать в полном объеме, увы, никто не знает. Могу привести лишь некоторые разрозненные замечания на эту тему.

Для того чтобы рынок не причинял вред культуре, предприниматель должен быть ценностно к ней адаптирован. Да, у нас действует норма: человек не должен активно стремиться к получению больших денег как таковых. Но он может это делать ради каких-то иных, более высоких и бескорыстных целей. Если предприниматель будет действовать именно, так, он получит очень высокую оценку и признание общества.

— Как конкретно должен вести себя такой предприниматель?

— Во-первых, он не должен демонстрировать свои высокие доходы. Культурный предприниматель во всем будет руководствоваться чувством меры. С другой стороны, он должен проявлять бескорыстие, оказывать помощь людям, находящимся в трудном положении. Это сейчас начали делать кооперативы. Они организуют бесплатные обеды для неимущих людей, они пытаются возродить национальную кухню, то есть занимаются делами, которые маскируют и дополняют их денежный интерес. Это дает человеку маленькую отдушину: он старается не только для обогащения. Потому что чистое стремление к обогащению любыми средствами ужасно в любой культуре, и любая культура стремится не допускать этого, хотя делается это различными методами.

Есть в русском национальном характере черты, которые — при условии «окультуренности» рынка — могут стать сильной стороной нашего предпринимателя. Это склонность к устойчивым, глубоким связям с людьми, упорство в отстаивании своего дела даже в тяжелых, почти безнадежных условиях. Но я не случайно постоянно повторяю, что все эти качества могут стать полезными рынку только в культурном пространстве, только в деле, которое соотнесено с его основными ценностями, ими оправдано.

Мне кажется, что в конце XIX и начале XX века (до 1917 года) у нас в стране начали вырабатываться культурные модели предпринимательства. Появились купцы-филантропы, Бахрушин например, и многие другие. Они содержали бесплатные дома, бесплатные гостиницы, бесплатные общежития для студентов. Они строили на свои деньги дома для сирот. Так делал, например, брат Третьякова, основателя галереи.

Шел процесс культурной адаптации предпринимателя. Потом он оборвался.

Сегодня же культурная адаптация предпринимателей в принципе возможна, но фактически не идет.

Сама культура сейчас много слабее, чем была тогда. Среди наиболее активных предпринимателей много людей некультурных или на время как бы вырвавшихся из-под контроля культуры. К примеру, кооператоры, приезжающие из других республик. У себя дома они так не безобразничают, как здесь. Когда же они попадают в нашу среду, то своя культура их не контролирует, а нашу они не признают. Не все, конечно, но многие. Очевидно, среди кооператоров немало маргиналов. Это люди, которые «зависли» между двумя культурами. В спокойные времена застоя такие маргиналы вроде бы ничем особенным себя не проявляли, но как только началась перестройка, они гораздо быстрее других высвободились из-под контроля культуры, которая их стесняла. Высвободились и готовы ее разрушать.

Один мой знакомый, экобиолог, привел такую аналогию. Если на каком-то участке содрать весь дерн, весь слой почвы, обжитый растениями, и так оставить, он на какое-то время останется голым, ничего расти на нем не будет, потом его начнут обживать сорняки. Именно сорняки. И когда несколько поколений сорняков удобрят почву, фактически создадут заново пригодный слой, тогда на этот участок придут и поселятся другие, более требовательные, например луговые, травы. Так вот, говорил этот человек, и мы сейчас переживаем в обществе период сорняков. Это... как закон природы, надо потерпеть и пережить.

— Аналогия наводит на грустные мысли. Сегодня активен некультурный элемент в обществе. А что должен делать элемент культурный, если он не может жить на этой голой и дикой земле?

— Культурный элемент, насколько мне известно, тоже активизируется, он изобретает себе ниши и убежища и как бы заново открывает уже известные. Например, монастыри. Они открываются десятками — от Москвы до самых до окраин. Народ туда стремится. А там не только молитва, но и труд, причем интенсивный. Это же совершенные развалины, когда их только передают церкви. Там нужно все восстанавливать, иногда от самого основания. Интересно: и на развалинах монастыри быстро процветают. Кормят себя, паломников, передают продукты детским садам, больницам — бесплатно, конечно. Вы бы видели, как там паломники трудятся — тоже бесплатно, для одной душевной пользы.

— Насчет труда задаром — это мы большие специалисты. У нас это хобби семьдесят

Нижний Новгород. Открытие ночлежного приюта Бугрова. Фотография Максима Дмитриева.

с лишним лет процветало. Так что ваши монастырские правила странно напоминают...

— ...те принципы, на которых пытались в нашем государстве осуществить построение социалистического общества? Совершенно верно. Но, строго говоря, это не принцип социализма. Принцип социализма — это все-таки воздаяние, возмещение по труду. Просто идеологи пытались использовать этнический архетип как очень эффективный, дешевый и удобный. Хотя если они хотели его «приспособить к делу» надолго, не следовало разрушать тот религиозно-культурный контекст, в котором он только и может существовать. Без контекста он по инерции еще существовал некоторое время, а потом засох и увял. Но не исчез, как можно было подумать. Как только возродился контекст,— и архетип восстал и развернулся. Архетипы — страшно устойчивая вещь.

— *Однако все это никак не работает на рынок. В монастыри идет народ, который не хочет заниматься предпринимательством.*

— Это неверно. То есть не о народе, который действительно не хочет заниматься предпринимательством. Но ведь сам монастырь может быть предпринимателем. И крупным. Он — коллективный предприниматель. Он уже сейчас может поставлять на рынок часть своей продукции, а дальше, если будут возможности культурной, так сказать, реализации, сможет поставлять больше и разнообразнее. И эта продукция в отличие от кооперативной будет высокого качества.

Мне кажется, что если в нашей стране разовьется структура, основанная на индивидуальном предпринимательстве, то структура типа монастырей была бы ей хорошим противовесом. И убежищем для людей — а таких в нашем обществе немало,—

Семен Фридлянд, В ночлежке. Двадцатые годы.

для кого индивидуальное предпринимательство в принципе неприемлемо.

Есть люди, которым неприятно вступать в конкурентную борьбу. Мне, к примеру, было бы неприятно вступать в борьбу на выборах. Я понимаю, что демократия нужна, понимаю, что демократия — это борьба мнений, борьба лидеров, но сама я в этом никогда участвовать не буду. И в нашем обществе есть довольно много таких людей.

Наши ценностные системы не мотивируют нас к индивидуальному предпринимательству, но коллективными предпринимателями мы всегда были неплохими. Вспомните русские артели, которые уже в застойный период возродились в виде широко распространившихся «шабашек», «рабочих отрядов».

— *Какие еще специфические черты русского рыночного хозяйства вы можете назвать?*

— По существу все они названы в книге, хотя без непосредственной связи с рынком. Здесь следует перечислить выявленные тестом специфичные личностные качества.

Начнем с интровертности, «повернутости в себя». Это характерная наша черта. Вообще-то хороший рынок требует экстравертности, открытости и интереса к миру вокруг. Но у интроверта есть свое сильное качество: он стремится иметь глубокие и прочные отношения с окружающими. Может быть, их будет меньше, зато связи будут глубже и прочнее. В рыночных условиях это означает: «Я стремлюсь иметь стабильный круг поставщиков, с которыми мы договариваемся на душевных основаниях». Нечто похожее, насколько я могу судить, существует в Японии.

Другое качество — это специфичность отношений лидерства, личностный статус. Совершенно очевидно, что предприниматель должен быть лидером. Но в наших условиях лидерство не может опираться на величину денежного дохода или денежного состояния. В наших условиях материальное богатство скорее вредит лидеру, поэтому он должен будет доказывать общественному мнению, что признает и соблюдает генеральные ценности нашей культуры.

Если предприниматель хочет быть лидером, он должен понимать, какие качества человека формируют в нашей культуре его высокий личностный статус. Многие ощущают это интуитивно, по крайней мере частично ощущают, но такую интуицию необходимо развивать. Это требует рефлексивного отношения к культуре.

Человек ощущает себя неуютно, если он чувствует, что его действия не соответствуют установленной культурной ценностной модели. Это чувство может быть подавлено, может не проявлять себя годами, но кончается оно срывом, например в форме внезапного (для окружающих) самоубийства. Психиатрам известен такой феномен — самоубийство на вершине карьеры. Внешне карьера у человека могла быть успешной, но внутренне он ощущал, что достигает ее недозволенными методами. (Недозволенными не юридически, а культурно!)

«Что будет с человеком, если он приобретет весь мир, но повредит душе своей?» — спрашивал Христос. Если человек начинает ощущать, что «повредил душе своей», то никакая высокая зарплата ему не поможет. Ему нужно нравственное очищение. Если он его не найдет, он начнет пить, или покончит с собой, или сделает еще что-нибудь в этом роде. Поэтому рыночная система должна быть построена таким образом, чтобы у человека не возникало внутреннего раздвоения и чувства вины. Важно, чтобы не было нравственного барьера для тех, кто желает в ней работать. Иначе она станет подсистемой, аккумулирующей в себе асоциальные личности.

— ***Итак, мы должны строить свою модель рыночной экономики, а вместо этого стремимся подражать какой-то выбранной модели, оцененной нами как классическая?***

— Да. Такая тенденция сильно выражена сейчас. Есть еще одна, выраженная слабее, но приблизительно такого же характера. Ее можно назвать «универсалистским» таким «синтезом». Если есть две или три разные системы, нужно взять их все и объединить в одно, а потом еще из оставшихся «неоприходованных» систем позаимствовать те элементы, которых нет во взятых нами ранее, все это сложить вместе и как-то упорядочить. И тогда уж душа будет спокойна, что ничего вне нашего синтеза не осталось. Но культура — явление целостное и органическое. Она таким искусственным конструированием не создается и не трансформируется. Только та культура жива, сильна и эффективна, которая вся находится под воздействием своего ценностного ядра, когда не только все принципы и представления в ней, но и каждая внешняя форма — правило, норма, закон, обычай, обряд — дают возможность для реализации основных культурных ценностей. ●

Курьер науки и техники

Кофе из одуванчиков
Рукотворный клондайк!
Землетрясение от ветра

Не ешьте мясо, колбасу, сахар, конфеты, белый хлеб, макароны — и вы точно похудеете. По нынешним временам это легко сделать. А что взамен? Ответы можно найти в энциклопедии «Домашний доктор», издаваемой Народным институтом натуропатии, объединяющим ведущих специалистов страны в области естественных методов профилактики и лечения разных заболеваний.

Председатель правления института кандидат медицинских наук Валентин Николаевич Сергеев, создавший одну из основных научно-исследовательских баз института в подмосковном городе Истра, разработал целую систему питания, основанную на использовании доступной всем и каждому биомассы растений — культурных и сорных. Они содержат большое количество питательных и лечебных веществ, надо только знать, как их взять и употребить в пищу. Не случайно ведь средний американец съедает в день около девятисот граммов растительной пищи, включая сто пятьдесят граммов моркови. Для наших условий ученые рекомендует, например, «жаркое из трав», не менее, а даже более полезное, чем из говядины. Рецепт его включает ботву свеклы, моркови, редиски, листья гороха, чеснока, а также еще и листья березы, липы, малины, лебеды, крапивы, клевера и других растений общим количеством более тридцати наименований. Всего этого пока еще хватает в окружающей нас среде.

Интересно, что лечебники «Домашний доктор» издавались в России до революции и были очень популярны, но их выпуск прекратили в 1918 году, а возобновили в 1990.

Система доктора Сергеева предусматривает еще много оздоровительных мер. Среди них, кроме лечебного питания, большую роль играют физические процедуры — бег, плавание, гимнастика, самомассаж. Их комплексное применение дает неожиданный «экономический эффект»: взятые на вооружение работниками одного из истринских предприятий — НПО «Углемаш», они за два года позволили вчетверо уменьшить здесь количество заболеваний.

Где-то в нашей таежной глуши ученые Сибирского отделения АН СССР обследовали работу одной фабрики, извлекающей золото из руды. Местоположение производства не указывается по понятным причинам. Известно только, что расположено оно в зоне вечной мерзлоты, на берегу речки. Исследователи приехали сюда из Иркутска и Улан-Удэ, собрали пробы почвы, камней, воды и растений и вернулись в свои лаборатории. И только здесь, в окружении приборов и таблиц, они смогли разобраться в той обстановке, которая сложилась вокруг месторождения и разрабатывающего его предприятия.

Сразу скажем, что золото обнаружилось везде, в каждой привезенной пробе. В целом же картина получается такая. Если пройтись от фабрики вверх по течению, то больше всего его будет в красной смородине, а меньше всего — в воде речки. У самой фабрики за четверть века ее успешной деятельности образовались обширные отвалы, прямо-таки насыщенные драгоценным металлом. Здесь выросли деревья, кустарники, мхи с содержанием золота, в десять с лишним раз большим, чем в окружающих лесах. Такая «золотоносная роща» тянется на полкилометра вдоль речки вниз по течению. А вот в почве след от фабрики заметен даже через двенадцать километров, причем эти расползшиеся отвалы несут в себе до трех граммов золота на тонну грунта.

Заинтересовавшимся самочинным золотоискателям можно было бы порекомендовать обратить внимание и на мхи — даже в четырех километрах от предприятия они содержали до пяти граммов металла на тонну...

В целом же наличие микроскопических количеств золота в листьях, хвое и коре растений довольно точно отражает распределение в земле потоков рассеянного золота, и по ним можно вести геологоразведочные поиски новых месторождений.

Замечены удивительные совпадения между показаниями барометра и случаями разрушительных землетрясений. Есть какая-то непонятная связь между скачками атмосферного давления и подземными толчками. Например, в 1960 году перед самым началом землетрясения в Чили разность давлений между Западным и Восточным полушариями планеты вдруг достигла максимума. Отмечены и другие взаимосвязи между перепадами давления воздуха и сейсмическими событиями. Тут явно должен быть какой-то физический механизм, переводящий энергию из воздуха в недра Земли. Какой — неизвестно. Выявлением его занимаются в Институте экспериментальной метеорологии в Обнинске.

Для анализа нужны частые перепады давлений, а они всегда имеются в зоне тропических циклонов в открытом океане. Ученые взяли данные наблюдений атлантических и тихоокеанских циклонов и сопоставили их со статистикой землетрясений в прибрежных странах, начиная с 1958 года. Обобщение всех сведений дало возможность построить по годам две кривые — суммарной интенсивности тропических циклонов и суммарной же сейсмической энергии. Нанесенные на один график, они временами повторяли друг друга, а временами нет. Изучив дополнительно энергетический баланс обоих процессов, ученые приходят к такому пониманию их взаимосвязи. В земной коре тектонические процессы развиваются по своим законам, где-то успевают разрядиться, а кое-где ведут к накоплению энергии. Когда она доходит до некоторого критического уровня, то уже достаточно небольшого внешнего воздействия, того же циклона, чтобы запустить весь механизм быстрого высвобождения энергии. И только тогда и происходит землетрясение. Ну а если тот же циклон пронесся «не вовремя», то ничего и не случается.

Все рассказанное подтверждает открытую советским ученым А. В. Шнитниковым закономерность: все земные оболочки — водная, воздушная, земная кора — связаны между собой природными ритмами.

Антинаучная наука!
Энтузиазм миллионов
Всеобщий закон — в капле воды

«Все это очень далеко от науки» — так еще совсем недавно некоторые «научные генералы» оценивали опыты по влиянию магнитных полей на живые организмы. Избегая прямо называть такие работы «антинаукой», они тем не менее отказывали им в праве на жизнь, причем на том основании, что неизвестны — пока! — какие-либо механизмы влияния слабых магнитных полей на живую клетку. Но вот в 1989 году пущинские ученые из Института биофизики АН СССР предположили один такой возможный механизм. Согласно ему, поле должно влиять на ионы металлов в клеточных мембранах, чем может достигаться резонансное воздействие слабой энергии поля на живую систему.

Очень скоро были проведены эксперименты, подтверждающие эту гипотезу. Их выполнили совместно сотрудники Института биохимии имени А. Н. Баха АН СССР и Института биофизики АН СССР. Из мышечной ткани кролика выделили препараты миозина — мышечного белка. Далее его подвергли фосфорилированию, причем по ходу этой химической реакции включали и выключали слабое переменное магнитное поле, близкое по величине к магнитному полю Земли. И вот выяснилось, что на некоторых его частотах реакция сильно замедляется. Так, на частоте в шестнадцать герц скорость реакции падает почти в десять раз. Эта «биологическая эффективная» частота по расчетам точно соответствует резонансу для иона кальция, связанного с одним из белков мембраны. Так что первичным «рецептором» магнитного поля, видимо, можно считать именно ионы кальция, встроенные в мембранные белки клеток и внутриклеточных структур.

Надо полагать, что это не единственный механизм биологического действия магнитных полей, ибо кроме биохимического пути, кажется, есть еще и ферромагнитный — во многих биологических структурах обнаруживаются скопления каких-то магнетитовых частиц.

То, что трудно внедрить на необъятных колхозных полях, видимо, вполне возможно сделать на миллионах личных садово-огородных участков, на тех самых пятишести сотках земли. Речь идет о почти индивидуальном подходе к отдельному растению, в данном случае — картофелю. И тут весьма тонкие опыты ученых, «доцентов с кандидатами», чьи результаты так и не востребованы гигантами агропрома, могут найти неожиданное воплощение в практике. Например, в Институте физиологии растений имени К. А. Тимирязева АН СССР давно уже изучают различные нюансы влияния света на интенсивность фотосинтеза (заметка «Кванты всякие важны» в номере 5 за 1991 год). На этот раз ученые выясняли, как действует продолжительность светлого времени дня и цвет освещения на картофель. Маленькие опытные делянки с искусственным освещением — вещь реальная в теплицах у частников, и потому их вполне могут заинтересовать полученные данные. Изучалось действие двух факторов в двух градациях — длинный день (двадцать два часа) и короткий день (двенадцать часов освещения), а также синий и красный цвета ламп. И результаты получились такие.

Длинный день вызывает бурный рост и развитие надземной зеленой части растения, его стебля, листьев, цветков, но совсем не дает клубней на корнях. Притом синее освещение дает вдвое больший эффект, чем красное. Наоборот, короткий день характеризуется слабым развитием зеленой надземной части куста, но одновременно интенсивным ростом корней и клубней. Причем опять-таки синий цвет дает преимущество перед красным как по количеству клубней, так и по их массе.

Выводы для увеличения урожая или получения семян, похоже, ясны, они определяются длительностью освещения. А разные цвета его, вероятно, стимулируют синтез различных гормонов, усиливающих или ослабляющих процессы роста и развития растения.

Не далее чем в 1989 году в отечественной науке разразился небольшой скандал. Тогда группа биофизиков из Пущина во главе с профессором С. Э. Шнолем предположила, разумеется, на основе экспериментальных данных, что квантование процессов и явлений существует не только в микромире, к чему мы привыкли, но и, так сказать, на макроуровне, что в этом есть проявление неких «внешних сил», разрешающих или, наоборот, запрещающих определенные значения массы, длины, температуры и так далее у окружающих нас объектов.

Ученый мир немедля разделился на два лагеря: из одного утверждали, что этого не может быть, из другого — что очень даже может. Началась переоценка множества ранее известных фактов из разных областей науки в поисках периодических закономерностей. Первой, разумеется, вспомнили таблицу Менделеева, затем, уже в астрономии, обнаружили, что почти сорок пять тысяч звезд на небе подчинены именно такому закону — одна из их важнейших наблюдаемых характеристик синусоидально меняется в зависимости от массы звезды.

В поисках более близких проявлений феномена ученые из Ростовского-на-Дону гидрохимического института Госкомгидромета СССР обратились к гидробиологии. Есть многолетние данные по контролю уровня загрязнения в реках, в которых одновременно имеются и сведения о состоянии в пробах планктона — водорослей, бактерий, простейших, мелких беспозвоночных. Ученые взяли данные для рек республики Молдова, провели их статистическую обработку и выявили новые, ранее не замеченные факты. Так, например, логарифм числа клеток водорослей периодически возрастал каждые три с половиной месяца. Количество клеток увеличивалось с ростом биомассы, но не плавно, а ступенчато. И, наконец, сама биомасса также ступенчато зависела от температуры воды, достигая максимума через каждые шесть градусов. Все это, по мнению авторов, свидетельствует в пользу гипотезы о существовании всеобщего периодического закона. Он, этот закон, видимо, действует одновременно в физике, химии и биологии.

Что нам мешает лучше жить?

Кипят политические страсти. Но в шуме жарких дебатов о власти, демократии, свободе все отчетливее слышатся голоса тех, кто напоминает: прогресс человечества и, стало быть, благосостояние людей напрямую зависят от технико-экономического развития общества.

Напоминает об этом и заведующий лабораторией Центрального экономико-математического института РАН тридцатилетний доктор экономических наук Сергей ГЛАЗЬЕВ. С ним беседует корреспондент журнала Григорий ВЕРШУБСКИЙ.

— Сергей Юрьевич, вы разработали теорию технологических укладов. Если можно, расскажите о ней хотя бы в общих чертах.

— Вопреки широко распространенному представлению, будто научно-технический прогресс — это единый эволюционный процесс, нам он видится чередой сменяющихся комплексов сопряженных производств — технологических укладов. Друг от друга они отличаются набором лидирующих отраслей, видами доминирующих энергоносителей, конструктивных материалов, обрабатывающего оборудования, средств транспорта и связи.

Трансформации частей технологической структуры происходят — и это очень важно понимать — более или менее синхронно. Если хотя бы одна из них не поспевает за другими, то резко замедляется продвижение вперед всей технико-экономической системы.

— И тогда происходит энергетический или какой-нибудь иной кризис?

— Энергетический кризис начала семидесятых годов — самое заметное и характерное структурное потрясение после войны — в определенной степени направлялся совместными действиями американского правительства и небольшого числа крупнейших корпораций США, которые были заинтересованы в широком внедрении в экономику страны относительно новых энергосберегающих технологий. Это привело к импульсивному изменению ценовых пропорций, что послужило прекрасной почвой для быстрого распространения микроэлектронных технологий и сопутствующих им базисных производств очередного технологического уклада — третьего в мировой экономике за последние сто лет.

Первый из них зародился, когда начали развиваться электроэнергетика и электротехническое машиностроение. Это сопровождалось механизацией основных технологических процессов, для чего потреблялось много стали и изготовляемого из нее проката. Важнейшим энергоносителем стал уголь, а главным видом транспорта — железные дороги.

Производства этого уклада ориентировались на массовые ресурсы, универсальное станочное оборудование. Происходила быстрая урбанизация, динамично менялась структура потребления населения, его образ жизни.

Где-то в первой четверти нынешнего века одновременно с концентрацией хозяйственной активности появились и начали завоевывать свое место под солнцем химическая промышленность, автомобилестроение, телекоммуникации. Прокладывалось все больше асфальтированных шоссе, расширялись телефонные сети, жидкие энергоносители начали вытеснять твердое топливо.

Но пока не было реорганизовано производство, существовали старые стереотипы потребления, пока большинство ресурсов концентрировалось в воспроизведенном контуре прежнего уклада, новый развивался медленно. Он завоевал прочные позиции лишь после того, как в тридцатые годы в результате острого структурного кризиса обесценился капитал, задействованный в традиционных производственных цепях. И тогда же произошел структурный сдвиг в сырьевой базе и качестве оборудования.

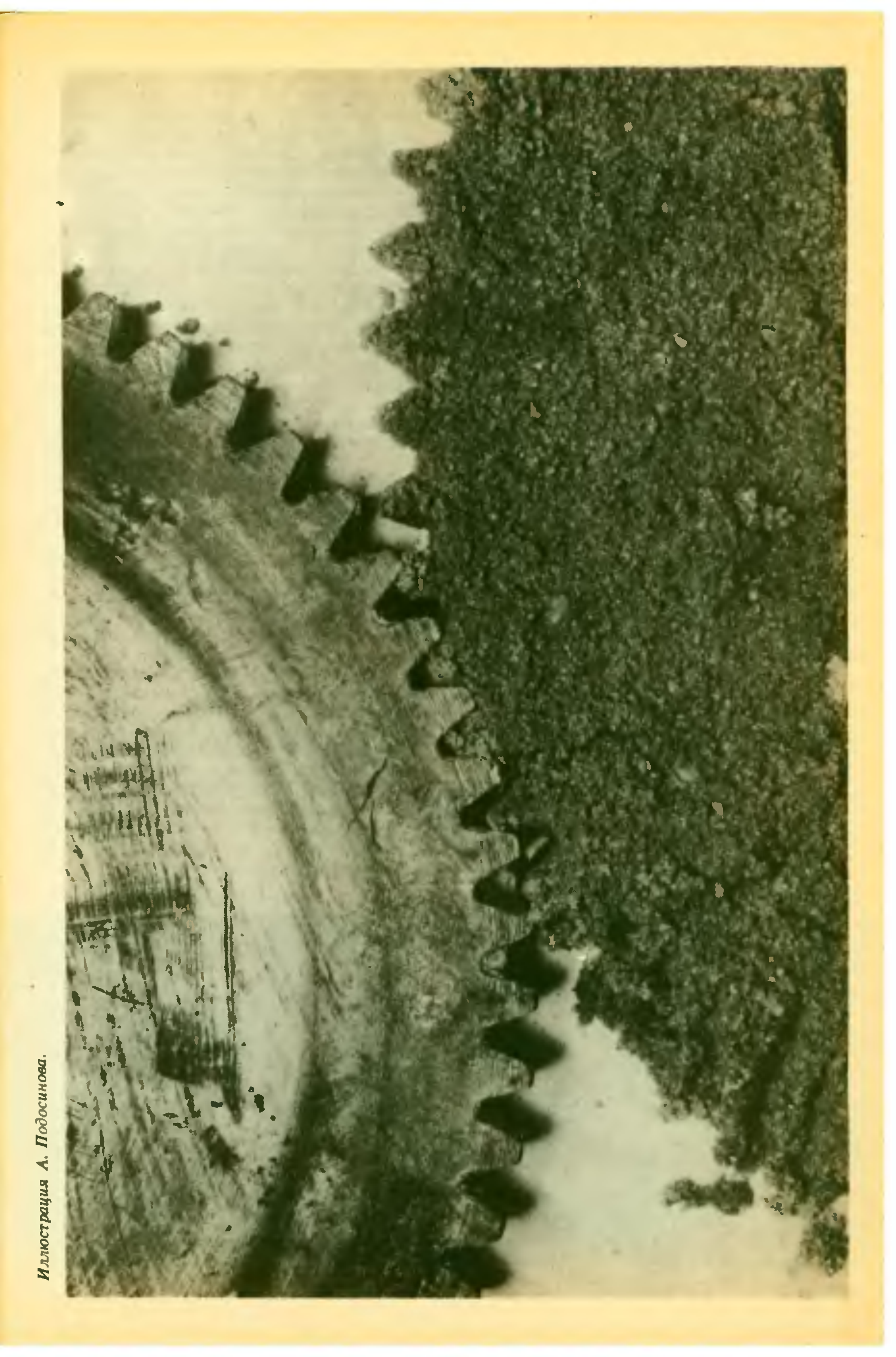

Иллюстрация А. Подосинова.

Резко выросла доля новых материалов, качественной стали. Получило широкое распространение среднее образование, повысился уровень квалификации работников и культура производства. Тейлоровско-фордовские методы управления новыми технологиями позволили наладить массовое изготовление потребительских ценностей. На рынок хлынул поток бытовой электроаппаратуры, автомобилей и других сложных товаров длительного пользования, на которые уже образовался огромный спрос.

Все это обусловило в пятидесятых — шестидесятых годах быстрый экономический рост развитых капиталистических стран.

К середине семидесятых годов этот технологический уклад достиг пределов расширения. А на смену ему уже спешил следующий этап технико-экономического развития, «замешенного» на таких детищах научно-технического прогресса, как микроэлектроника и мехатроника, которые позволили резко расширить комплексную автоматизацию трудовых процессов, а появление материалов с заранее заданными свойствами повлекло за собой глубокую специализацию производства. Вычислительная техника и космические средства связи помогли обновить систему коммуникаций. Резко повысилось значение творческого начала в трудовой деятельности персонала. Это дало возможность быстро распространить гибкие формы организации производства материально-технического снабжения и так называемые «органичные» структуры управления.

Есть все основания полагать, что и нынешний этап технико-экономического развития в постиндустриальных странах достиг или вот-вот достигнет вершины. Все заметнее стали пределы его расширения. Но на горизонте уже видны проблески новой зари. Наука предлагает новые идеи. Уже сегодня можно предвидеть, что следующий скачок в развитии производительных сил будет связан с биотехнологиями в информатике, химической, пищевой, горнодобывающей промышленности, с нейрокомпьютерами и их программным обеспечением, архитектурой параллельной обработки данных. Специалисты американского Агентства передовых оборонных исследований считают технологию нейросетей более важной, чем даже атомная бомба.

Основная сфера приложения этой технологии — автономные интеллектуальные роботы, которые служат искусственной рабочей силой. На это нацелена программа создания пятого поколения компьютеров. Специалисты считают, что уже через два-три года нейромашин будет продаваться на один — три миллиарда долларов. Если новейшая технология докажет свою эффективность, то она начнет распространяться так быстро, что технологическое окружение, которое основывается на универсальной микроэлектронике, быстро обесценится, как это случилось около двадцати лет назад с энергоемким оборудованием.

— Но ведь может статься, что научно-технический прогресс пойдет в другую сторону и будут развиваться производства, связанные, предположим, с реализацией эффекта высокотемпературной сверхпроводимости или термоядерного синтеза?

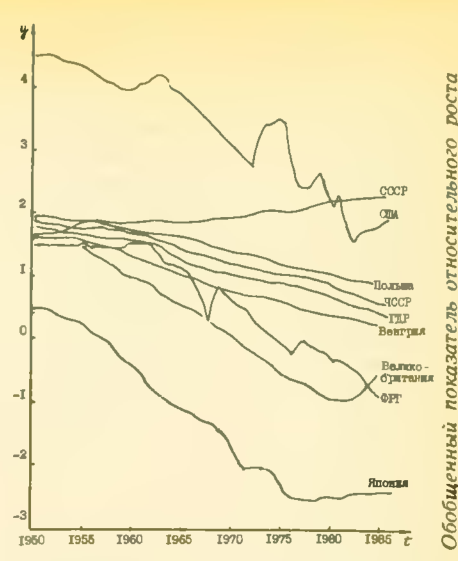
— Не исключено. Но так или иначе научно-технический прогресс выведет общество на новый виток развития. Одна траектория сменится другой, нынешний технологический уклад уступит место преемнику.

— Вы рассказывали, как это происходило в странах, которые занимают сейчас передовые позиции в мировой экономике. У нас этого не получилось. Почему?

— В России начавшееся было в конце прошлого века бурное становление первого технологического уклада прервала первая мировая война, революция и разрушительное, братоубийственное сражение «красных» и «белых». Общественное производство оказалось дезорганизованным. Восстанавливать его начали лишь в годы индустриализации. Но вместо того чтобы попытаться встроиться в тот технологический уклад, который уже проявил себя в цивилизованном мире, мы принялись воссоздавать производства, основанные на универсальном металлообрабатывающем оборудовании, низкокачественных сталях, угле, то есть на том, что развивалось еще до четырнадцатого года. Чего стоит хотя бы форсированное строительство водных каналов — транспортной инфраструктуры времен первой промышленной революции.

С опозданием на двадцать лет мы спохватились и задумались о химизации производства, опережающем развитии нефтяной промышленности. Во время Великой Отечественной войны, когда потребовалось наращивать боевую мощь страны, обратились к некоторым новым технологиям. Однако, когда после победы оказалось, что значительная часть народного хозяйства снова разрушена, мы опять не нашли ничего лучшего, как восстанавливать довоенную структуру промышленности, поднимать из руин угольные шахты, старые домны и мартены, железные дороги. Огромный комплекс угле-металлургической промышленности воспроизводится по сей день. Причем, как отметил в не столь давнем интервью Иван Степанович Силаев, тяжелая промышленность и топливно-энергетический комплес составляют в РСФСР 76 процентов мощностей.

Воспроизводство давно устаревших технологий потребовало, да и сейчас еще продолжает требовать, огромных затрат и поистине героического труда советского народа. Употреби мы хотя бы часть усилий на то, чтобы выйти на современную технологическую орбиту, мы не оказались бы на задворках мировой цивилизации. Исследования и подсчеты показывают, что уровень технико-экономического развития, которого США добились еще лет двадцать назад, когда там процветал предыдущий технологический уклад, наша страна достигнет, — если не изменится тенденция, — лишь через пятнадцать — двадцать лет. Но к тому времени там не только закончит-

Обобщенный показатель относительного роста третьего технологического уклада. (На данном и последующих графиках обобщенных показателей y — значение соответствующей главной компоненты.)

Т. Х. Бентон. На рубеже веков.

К. Карра. Коляска.

П. Дельво. Трамвай.

ся и нынешний этап, но окрепнет тот, что еще только зарождается. И наше отставание лишь увеличится.

Беда даже не столько в отставании по циклам развития, сколько в технологической многоукладности нашего народного хозяйства. Сегодня воспроизводятся три уклада. Первый из них связан с электрификацией общественного производства. Он сложился еще в годы индустриализации и давно превысил разумные пределы роста. Второй, связанный с химизацией экономики, начал развиваться примерно в пятидесятых годах и сейчас находится в середине фазы роста. И наконец, идет становление третьего уклада, в основе которого лежат автоматизация и компьютеризация производственных процессов.

В результате такой разорительной технической политики общество оказалось в глубоком кризисе. Трещит экономика, нищает государство, нищает население.

Осуществить социальные программы, улучшить здравоохранение, систему образования сегодня нельзя, не раскручивая и дальше инфляционную спираль. Справиться с этим можно, лишь отказавшись от рутинных производств и технологий, радикально изменив структуру народного хозяйства.

— Готово ли к этому наше общество? Мы ведь издавна гордились тем, что «англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину. А наш русский мужик, коль работать невмочь, он затянет родную „Дубину“.

— О чем вы говорите? Вспомните, сколько изобретений и открытий было сделано русскими учеными и инженерами! Российская империя славилась очень высоким профессионализмом технической интеллигенции. Многих ее представителей в начале века пригласили в США для работы по контрактам, чтобы помочь американской промышленности перестроиться на военный лад. И они со своей миссией блестяще справились.

Большинство этих людей по известным причинам на родину не вернулось, а те, кто не выехал, были почти поголовно уничтожены во время революции, гражданской войны и воцарившейся затем диктатуры. Однако понадобилось совсем немного времени, чтобы снова появилось поколение талантливых ученых и инженеров. Это они создали и современное вооружение, и космическую технику, вытащили страну из того, казалось бы, отчаянного положения, в котором она оказалась после первых пятилеток.

С другой стороны, те, кому мы навязали определенный путь развития (скажем, Чехо-Словакия), за два-три десятилетия тоже оказались в нелепейшем положении.

Так что нечего пенять на национальный характер. Дело не в нем, а в нашем государственном строе, в тоталитарном характере, надеюсь, теперь умирающей ведомственно-бюрократической системы управления народным хозяйством, которая была просто не в состоянии — это ее объективное свойство — радикально менять воспроизводящую структуру, осуществлять серьезные технологические сдвиги.

В. Кандинский. Облегченная конструкция.

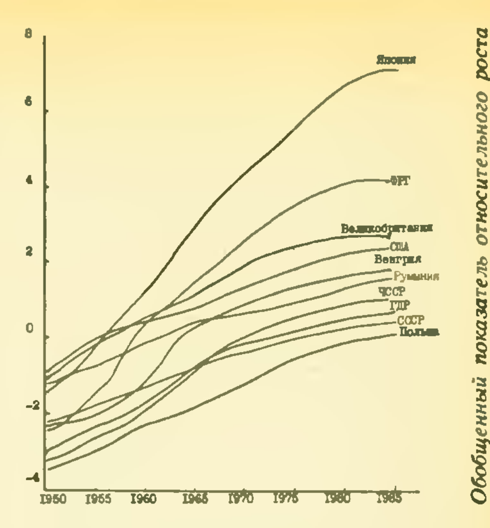

К. Малевич. Точильщик.

По решению высшего политического руководства возникали все новые и новые бюрократические структуры, которые затем воспроизводились автономно, сами по себе. Это еще можно было бы как-то понять в периоды эволюционного развития народного хозяйства. Но то же самое происходило и в годы крупномасштабных структурных изменений.

— Почему?

— Потому, во-первых, что сильно лоббирование ведомствами выгодных им проектов в центральных органах народнохозяйственного управления. Вторая причина — это некомпетентность последних, а специализированных аналитических служб долгосрочного прогнозирования мирового социально-экономического развития и последствий принимаемых решений у них нет. Как нет и самостоятельных, свободных от номенклатурного диктата и потому объективных «фабрик мысли», формирующих важный элемент инфраструктуры централизованного управления любого высокоразвитого государства.

Обобщенный показатель относительного роста четвертого технологического уклада (по десяти странам).

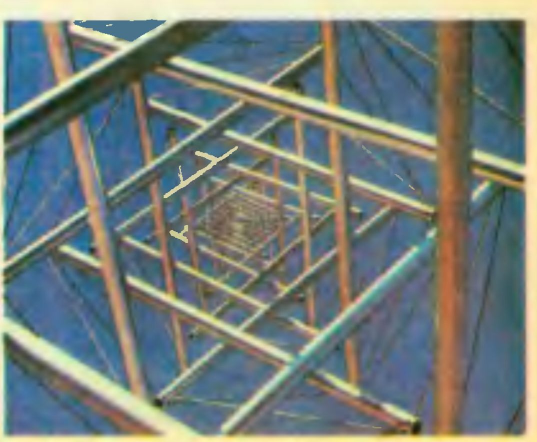
В тисках административного диктата оказалась и наука, которая призвана подсказывать варианты технических и социально-экономических решений, определенным образом влиять на власти. Созданная за многие десятилетия система развела научно-исследовательские силы и производственников по разным лагерям и сделала так, что хозяйственные структуры, предприятия не были заинтересованы в технологическом совершенствовании. А нет спроса на нововведения — нет и предложения.

Это с одной стороны. А с другой — посмотрите, кто руководит подавляющим большинством исследовательских, проектных, конструкторских коллективов,— ставленники этой самой системы. Воспитанные в недрах иерархически-номенклатурной структуры, они послушно выполняли «волю партии и правительства», неплохо ориентируются в запутанных коридорах власти, но не умеют самостоятельно мыслить, создавать и внедрять в жизнь новые идеи.

Р. Раушенберг. Картина.

К. Снелсон. Остроконечная башня.

Да и зарплата руководителей зависит не от количества и качества научной продукции, а от численности возглавляемого коллектива. Вот и разбухали институты до невиданных в мире размеров, а если и случались какие-то теоретические или инженерные находки, то они пылились в архивах, зачастую секретных.

— Похоже, что диктат центральных ведомств после августовского путча почил в бозе. Зато открывается широкая дорога перед рыночными отношениями. Изменит ли это научно-техническую ситуацию в стране?

— Можно создать сколь угодно развитую фундаментальную науку, но она не даст практической отдачи до тех пор, пока не будет достаточно развитой предпринимательской среды, спроса на научно-техническую продукцию. Дельцов и производственников подгоняет конкуренция, которая обеспечивает состязательность, ориентирует на удовлетворение конкретных предпринимательских предпочтений, стимулирует снижение издержек. Другими словами, настоящий научно-технический прогресс невозможен без нормальной рыночной экономики.

Но давайте не забывать, что рынок обладает рядом внутренних противоречий. Главное из них заключается в том, что частные и общественные интересы нередко противоречат друг другу.

Конечно, деловых людей не может не волновать собственная перспектива, которую им сулят изменения технологического и, стало быть, экономического окружения. Получишь ли когда-нибудь прибыль, если откажешься от устаревшего оборудования, внедришь новые технологии и произойдут связанные с этим организационные перестройки? Какую? Когда? Все это весьма проблематично. А немало предпринимателей, когда речь заходит о максимальных дивидендах, готовы повторять слова «Нет, нет, нет, нет — я хочу сегодня. Нет, нет, нет, нет — я хочу сейчас» и не торопятся вкладывать большие деньги в дорогостоящие на первых порах новации. Сомнительно и то, что монопольное положение многих предприятий будет способствовать конкуренции, ведущей к технологическому обновлению.

Отсюда следует, что рыночные отношения могут и должны сосуществовать с централизованным (не путать с административно-директивным) управлением научно-техническим развитием. Известны различные формы такого сосуществования. Однако во всех вариантах, наблюдаемых в индустриально развитых странах, есть некоторые постоянные черты, обязательные для всех.

Пожалуй, самое главное — это то, что централизованное регулирование не замещает рыночные отношения, а, наоборот, рационально использует их в интересах общества. Наибольшего эффекта удается добиться именно тогда, когда централизованное управление не подавляет, а усиливает рыночные сигналы о том, куда следует вкладывать капиталы и ресурсы. Его роль меняется на каждом этапе технико-экономического развития общества.

Когда технологический уклад еще только зарождается, перспективы тех или иных производств туманны и не поддаются точной количественной оценке. Вместе с тем именно в этой фазе развития определяются основные направления технико-экономической системы на несколько десятилетий вперед.

Д. Сирайт.
Электронная скульптура «Неволя».

Г. Ронер. Человек и машина.

Ошибки здесь, как показывает печальный опыт нашей страны, приводят к колоссальным народнохозяйственным потерям. Кто, как не централизованные структуры, может провести поэтапные конкурсы и финансировать научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, отобрать лучшие варианты, отсеять не оправдавшие себя образцы?

На следующем этапе технологического уклада государство обеспечивает льготные экономические условия производствам, которые широко применяют нововведения, непосредственно участвует во внедрении и распространении новой техники и развитии соответствующей технологической инфраструктуры, активно влияет на сферу потребления.

По мере того, как народившиеся производства набирают силу, падают цены на их продукцию и технологические цепи замыкаются на все большие слои населения. Растет спрос на новые товары — расширяются объемы производства. Развитому технологическому укладу централизованное управление уже не нужно. Оно даже вредит. «Власть» переходит в руки свободного предпринимательства.

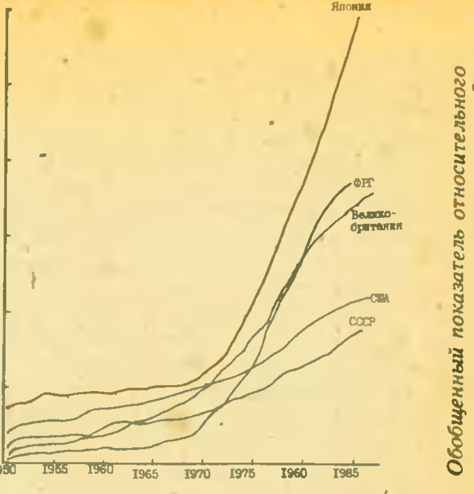
Но и преждевременное вторжение рынка в технико-экономическое развитие не всегда полезно. Посмотрите, что сейчас творится во многих НИИ и КБ. Новоявленные кооперативы стали активно использовать научно-исследовательские и конструкторские разработки, которые были сделаны в институтах и бюро.

— Во всем мире государство активно содействует освоению собственных научно-технических достижений и очень часто передает их в частный сектор бесплатно.

— Это в нормальных условиях. У нас же это превратилось в настоящее хищение интеллектуальной собственности, и может случиться, что, когда придет черед приватизировать прикладные исследовательские и конструкторские учреждения, их научная «казна» окажется пустой и они не смогут существовать.

А. Дрекслер. Двадцатое столетие.

Обобщенный показатель относительного роста пятого технологического уклада

Сейчас наука переживает трудные времена. Ведомства, отвечающие за научно-технический прогресс, перестают существовать. Научные организации остаются без опекуна. Коллективам-прикладникам и то понадобится несколько лет, чтобы приспособиться к потребительскому спросу, найти его на внутреннем и мировом рынке. Тот же, кто ведет фундаментальные исследования, без государственной поддержки вообще выжить не сможет. И если по мере разрушения существующих каналов финансирования науки не будут созданы новые, то мы очень быстро лишимся многих исследователей,

Ф. Пинабия. Парад любви.

конструкторов, проектантов. Они уедут туда, где смогут реализовать свой интеллектуальный потенциал.

— Как централизованное в рамках страны управление научно-техническим развитием соотносится с провозглашенной независимостью и суверенностью бывших союзных и автономных республик? С одной стороны понятно, что наука не может замыкаться в национальных границах. С другой — опыт Южной Кореи, Тайваня, Гонконга показывает, что и отдельные регионы могут добиться больших успехов.

— На все происходящее в стране я смотрю со своих научных позиций. По мне, благо все то, что помогает ликвидировать технологическую многоукладность и тем самым приближает всех нас к лучшей жизни. Остальное — от лукавого, отвлекает внимание общества, энергию людей, силы, средства от действительно насущных действий.

Разве мы не убедились, что тот механизм пространственной передачи технологий, который сложился в СССР за долгие десятилетия, не обеспечивает равномерное научно-техническое и социально-экономическое развитие территорий? Исследователи и инженеры зачастую дублируют своих коллег-соседей. Специалисты различных дисциплин почти не взаимодействуют друг с другом.

Без общегосударственных информационных сетей и банков данных, региональных центров междисциплинарных исследований и передачи технологий не обойтись.

Понятно, что разрабатывать современные технологии можно, только опираясь на все более разнообразные научно-технические знания. Для синтеза их необходимо интенсивное общение специалистов разного профиля и тесное взаимодействие с промышленностью. Мировой опыт показывает,— если разработчики и изготовители новой техники находятся рядом, то им не приходится долго искать друг друга. А время — ключевой фактор успеха в наукоемких отраслях. Вот почему в цивилизованном мире все более заметную роль в развитии наукоемких отраслей играет территориальный принцип. В Японии, скажем, к концу века намерены создать девятнадцать городов-технополисов. Аналогичные программы существуют и в других странах.

— Видимо, и нам без этого не обойтись, хотя потребуются дополнительные капиталовложения. Создание технополисов — дорогое удовольствие.

— Не дороже, чем научно-техническое прозябание. Технопарки, конечно, не средство спасения, но они помогут нам быстрей встроиться в научно-техническое содружество наций. А инвестиционную нагрузку можно снизить за счет конверсии военно-промышленного комплекса. Не секрет, что в стране есть немало закрытых городов, где функционируют не только оборонные предприятия, но и соответствующие НИИ и КБ, опытные производства. В них накоплен уникальный интеллектуальный потенциал, создана соответствующая социальная структура. Чем это не база для преимущественно гражданских технологических парков, скажем, в Калининграде, Днепропетровске, Переславль-Залесском, Минске, Ульяновске, в некоторых городах-спутниках вблизи Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Екатеринбурга, Новосибирска и других научных и образовательных центров страны?

Разумно было бы разместить комплексы территориально-сопряженных высоких технологий в Приморском и Хабаровском краях, на Камчатке. Там достаточно развита социальная инфраструктура, благоприятный климат, есть квалифицированные трудовые ресурсы.

Есть у советского Дальнего Востока и еще одно немаловажное преимущество. Можно с большой долей вероятности предположить, что на предстоящем этапе научно-технического прогресса именно Япония займет одно из лидирующих мест, а азиатская часть Тихого океана станет важнейшим экономическим регионом в складывающемся сегодня новом международном разделении труда. Импорт технологий, производственных знаний, культуры организации труда из Японии, Кореи, Сингапура, Тайваня может определить долгосрочное техническое развитие народного хозяйства в ближайшие пятьдесят лет. Было бы грешно не воспользоваться такими преимуществами.

— Сегодня деловые круги за рубежом вроде бы готовы нам помочь. Но трудно отделаться от впечатления, что они не очень-то хотят, чтобы мы встали вровень с ними. В чем они действительно заинтересованы, так это, пожалуй, в том, чтобы у нас не было голода, полной разрухи, способных вызвать такой социальный взрыв, который пагубно повлияет на всю мировую систему. Привлекает их еще одна перспектива: если мы останемся «на плаву», то они смогут продавать нам то, что у самих в избытке. Каким, на ваш взгляд, должно быть наше внешнеэкономическое поведение, чтобы подтолкнуть научно-техническое развитие страны?

— Нельзя сказать, что мы и раньше совсем уж пренебрегали зарубежными инновациями. Но если японцы и другие новые индустриальные страны покупали в США лицензии, совершеннейшее оборудование, для того чтобы на их основе создавать более качественные продукты и выходить с ними на мировой рынок, то наша электронная и иные наукоемкие отрасли промышленности ограничивались обычно упрощенным копированием для внутреннего потребления. Теперь положение меняется.

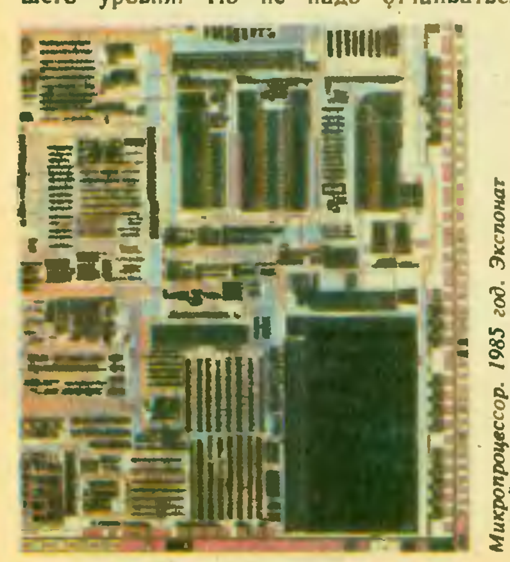
Как правило, приобретать новые технологии намного дешевле, чем создавать их самостоятельно. Велик соблазн компенсировать недостающие звенья нового воспроизводящего контура за счет импорта. Но платить-то за него приходится эквивалентным по существующим ценам количеством собственной продукции. А она может быть принята нашими торговыми партнерами лишь в том случае, если ее качество отвечает требованиям того технологического уклада, который доминирует в стране-покупателе. Конкурентоспособного новейшего оборудования у нас для продажи, за очень небольшим исключением, нет. Можем предложить в основном только сырье и оружие. Вот и приходится наращивать и без того большие мощности добывающей промышленности, на что уходит и значительная часть закупаемого оборудования. Получается замкнутый круг: экспорт ради импорта — импорт ради экспорта. Так мы, по-существу, обмениваем потенциальные темпы роста на темпы инфляции.

— А как выбраться?

— По степени распространения высоких технологий сегодня можно все государства разделить на три группы: высокоиндустриальные, развивающиеся и стагнирующие. В зависимости от того, какую экономическую политику предпочтут бывшие союзные республики, они смогут присоединиться ко второй либо третьей.

— А первая заказана?

— Поодиночке — и думать нечего. Даже всем вместе в отличие от азиатских «тигров» нам предстоит начинать с самого низшего уровня. Но не надо отчаиваться.

Микропроцессор. 1985 год. Экспонат Нью-Йоркского музея современного искусства.

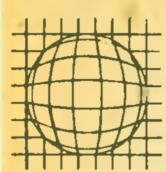
У нас есть некоторый задел в сфере высоких технологий, который можно использовать, добившись сразу преимуществ в ряде секторов мирового рынка наукоемкой продукции. Опыт же Японии, Южной Кореи, Сингапура убеждает, что перейти со ступени на ступень можно довольно быстро, а если продвижение по первому прорывному направлению технико-экономического развития будет успешным, то не исключается и возможность перехода через определенные фазы.

Мы должны стремиться завоевывать передовые позиции на мировых рынках наукоемкой продукции с высокой добавленной стоимостью. Одновременно целесообразно постепенно сворачивать энергоемкие и экологически вредные производства, переходя к консервации имеющихся природных ресурсов.

В связи с этим четко просматриваются три направления экспортно-импортной политики. В стране еще есть потенциал ученых, инженеров и экономическая ситуация, позволяющая его реализовать. Есть сравнительно дешевая рабочая сила и значительная бесполезная производственная деятельность, которую можно переориентировать на изготовление экспортной продукции. Это сравнительные преимущества советской экономики, и грех было бы их не использовать.

Думаю, что нам следовало бы, поелику возможно, воздерживаться от массовых закупок товаров, которые производятся приоритетными сферами нашего долгосрочного экономического развития. Зато есть резон всячески стимулировать импорт готовой продукции, произведенной с помощью органического синтеза, химического и сельскохозяйственного машиностроения, автомобилестроения, машиностроения для пищевой и легкой промышленности — то есть продукции тех отраслей, которые в мировом хозяйстве уже перешли пик зрелости, исчерпали свою потенцию и потому стоят не слишком дорого, а в советской экономике так и не смогли обеспечить конкурентоспособность. Время упущено. Гнаться сейчас за лидерами технико-экономического развития — значит просто терять время, обрекая себя на вечное отставание. Не лучше ли поискать такие ниши рынка — пока небольшие, но уже существующие,— которые связаны с реализацией новейших образцов техники, базирующейся на принципиально новых идеях?

Структурная перестройка народного хозяйства не может пройти безболезненно. Но альтернативы ей нет. Не избавившись от технологической многоукладности, мы будем все больше удаляться от цивилизованного мира и жить все хуже. ●

Почему на левой?

Ученых давно интересует, почему 80 процентов женщин, баюкая детей, держат их на левой руке? Недавно английские исследователи из Ливерпульского университета обнаружили, что самки горилл, шимпанзе и орангутанов поступают точно так же. Ученые Джон Маннинг и Эндрю Чемберлен предполагают, что обезьяны делают это вовсе не для того, чтобы оставлять правую руку свободной или чтобы дитя находилось ближе к материнскому сердцу. Объяснение такого факта связано с устройством нашего мозга. Сигналы, воспринимаемые левым глазом и ухом, посылаются в правую часть мозга, отвечающую за переработку информации эмоционального характера. Таким образом, когда ребенок находится на левой руке, информация о его поведении будет передаваться в ту часть мозга, которая лучше приспособлена для ее расшифровки и выдачи соответствующей команды. Исследования ученых показывают, что ребенку полезно именно такое положение, поскольку он видит левую, эмоционально более выразительную сторону лица матери.

Кто виноват?

В исследовательском центре японского Управления по контролю за чистотой морских вод создан специальный анализатор, позволяющий обнаруживать 150 загрязняющих веществ. Этот своеобразный робот представляет собой устройство, которое устанавливают на патрульном судне. Через него непрерывно проходит морская вода. Он делает спектральный анализ содержащихся в ней примесей и с помощью компьютера определяет вид и концентрацию их. Сохранившаяся порция загрязненной воды в сочетании с данными анализа превращается в вещественное доказательство, дающее однозначный ответ на вопрос, какое судно или промышленное предприятие виновато в загрязнении. По мнению конструкторов, это устройство позволит в будущем контролировать морскую воду и на содержание опасных микроорганизмов, способных вызывать так называемые «красные приливы».

Найти убийцу!

Готовясь к нашествию африканских пчел-убийц, продвигающихся из Мексики на север, американские пчеловоды и государственные организации столкнулись с проблемой, как отличить агрессивных африканских пчел от спокойных европейских, также распространенных теперь в Северной Америке. В этом поможет специальный прибор, изобретенный американским инженером-атомщиком Говардом Т. Керром, страстным пчеловодом. Это приспособление, похожее на автомобильный радиолокационный детектор, распознает пчел по их жужжанию.

Так как африканские пчелы машут крыльями быстрее, чем европейские, их жужжание звучит по-другому, и прибор легко его отличает.

Паучья дружба

В каждом уголке Земли — от жаркой экваториальной зоны до холодных полярных областей — обитают пауки самых разных видов. Обычно пауки ведут одинокий образ жизни. Но из любого правила есть исключения. Недавно экологи провели интересные наблюдения в тропических районах, где некоторые пауки живут объединенными в колонии — иногда более тысячи экземпляров. По мнению Барнарда Крафта, директора лаборатории сравнительной биологии при университете во французском городе Нанси, они объединяются для совместной охоты. Общими усилиями они плетут гигантскую паутину — более пяти квадратных метров,— которая обычно висит горизонтально и крепится на расположенных отвесно нитях. В отличие от паутины они нелипкие и предназначены лишь поддерживать сеть, в которую должны попасться насекомые.

«Цитрус» в саду

Робот «Цитрус» — результат совместного сотрудничества испанских и французских ученых. Предназначен он для сбора апельсинов. Машина снимает плоды с деревьев с помощью управляемой «руки», снабженной видеокамерой. Апельсины тут же сортируются по размерам.

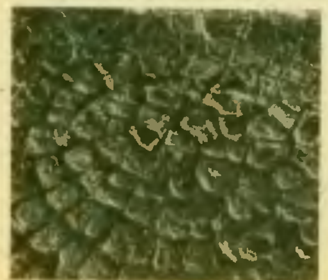
Спасательное дело кораллов

Когда говорят о парниковом эффекте, обычно выстраивают такую цепь: рост концентрации двуокиси углерода — потепление воздуха — повышение уровня моря. Однако, как утверждает журнал «Нью сайентист», цепь имеет свое спасительное продолжение: повышение уровня моря — рост коралловых рифов — поглощение ими большого количества двуокиси углерода — ослабление парникового эффекта. Словом, круг замыкается.

Это дополнение не лишено оснований, поскольку кораллы преобразуют двуокись углерода в карбонат кальция, являющийся их основным строительным компонентом. Сейчас коралловые рифы поглощают два процента всей выделяющейся в атмосферу двуокиси углерода. Через пятьдесят лет этот процент возрастет до четырех, а спустя несколько столетий — до десяти. Но все будет так, разумеется, если не помешает другая цепь: загрязнение Мирового океана — массовая гибель кораллов...

Что это такое?

На снимке — один из участков тундры американского штата Аляска. Тысячи квадратных километров северных районов этого штата покрыты так называемыми тундровыми многогранниками. Такой природный «рисунок» местности получается в результате многократного замораживания и оттаивания почвы. Канавки, в которых летом постоянно скапливается вода, при замерзании расширяются, так как их распирает лед. В центре отдельных образуемых многогранников иногда возникают озера, соединяемые с канавками протоками. Когда смотришь на подобный участок тундры с самолета, то и видишь представленную на снимке картину.

Микроскоп на ладони

Английские конструкторы создали один из самых маленьких микроскопов, хотя по оптическим качествам он не уступает нормальному. Новый микроскоп умещается на ладони и может быть использован в больницах и частных врачебных кабинетах.

Увеличение — в тысячу раз. Микроскоп оснащен также приспособлением для подсчета клеток крови и адаптером для микрофотографирования.

Там за горизонтом...

Жители американского города Москоу, что в штате Мэн, были немало удивлены, увидев однажды необычные конструкции, которые возводили военные строители. По заказу ВВС США здесь устанавливалось передающее устройство новой «загоризонтной» радиолокационной станции. В отличие от РЛС обычного типа эта система могла зондировать объекты, находящиеся за пределами прямой видимости, то есть за горизонтом. Правда, для успешной работы излучающие антенны должны были иметь километровые размеры, а принимающие — полуторакилометровые. Разнесенные на 175 километров, они управляются с помощью двадцати восьми ЭВМ, которые регулируют излучение сигнала, направляют его в слои ионосферы на высоте 75 километров и улавливают его отражение.

Вся система «загоризонтной» РЛС, способная следить за самолетами, удаленными на расстояние более 3000 километров, предназначена для борьбы с контрабандой наркотиков.

Пластмассовое шоссе

Варшавские химики предлагают новую технологию дорожных покрытий, при которой используются отходы пластмассы. Если в горячий асфальт добавить восемь процентов пластмассовых отходов, его качество значительно повысится и прочность асфальтового покрытия вырастет почти вдвое, он не будет размягчаться летом и растрескиваться зимой.

Сила внушения

Врачи и прежде подозревали, что пациенты, находящиеся под наркозом, слышат все, что говорят окружающие. Современные исследования ученых США и Англии показали, что усыпленные пациенты не только слышат, но и «впитывают» идущую извне информацию, будь то какой-либо шум или разговор между хирургом и медсестрой. Анестезиологи Эванс и Ричардсон из лондонской больницы Святого Томаса еще раньше пришли к выводу: внушение, сделанное пациенту под наркозом, существенно влияет на послеоперационный процесс выздоровления. Пациенты, которым внушается положительный настрой, скажем, такой: «Вы не ощущаете боли!», выздоравливают быстрее и практически без осложнений. Хотя феномен еще недостаточно изучен, этот метод можно использовать в качестве одного из средств воздействия на организм в сложный период послеоперационного восстановления.

Рисунки Э. Кирилловой, В. и Ю. Сарафановых, Е. Силиной

Людвиг Круг. Падение.

Так что и как мы все-таки в своем поведении наследуем у животного мира, из которого вышли наши предки?

О. Севастьянов

Невидимые колеи

Сегодня принято говорить, что грядущее столетие станет «веком биологии», а ее вклад в человековедение позволит избавиться как от пробелов в наших знаниях о самих себе, так и от умозрительных построений говорливых гуманитариев. Лично мне глубоко симпатична предложенная Л. Ландау классификация наук на естественные и неестественные, и сам я испытываю пиетет к дарвинизму. Но все же хотелось бы предостеречь от некоторых крайностей, которые подстерегают охваченных энтузиазмом биологов при осознании ими этологии человека.

Джорджо де Кирико. Метафизика мужчины и женщины.

1 **«Не очень плохо иметь три жены, гораздо хуже, с другой стороны...»** — напевает «кунак» в одном из лучших фильмов уходящей эпохи. Интерес ученых к вопросу более прозаичен. «Существование у человека нескольких брачных систем для биолога удивительнее, чем для остальных людей, ибо он знает, что брачная система — видовой признак, один вид животных имеет одну какую-то систему (или несколько ее вариантов) и никакую другую систему принять не может, она будет противоречить его естеству, его инстинктам», пишет В. Дольник в статье «О брачных отношениях. Заметки этолога с вопросом и эпилогом» («Знание — сила», 1989 год, № 7). Автор объясняет многообразие наших брачных отношений — полигамии и моногамии — сосуществованием противоречивых врожденных программ, унаследованных нами от предков. У всех нормальных видов новые программы реализуются четко, а древние, которым они пришли на смену, либо подавлены, либо подправлены. Только у нас, «недоделанных», процесс подавления не завершен — помешала свалившаяся как снег на голову

«Знание — сила». Январь 1992

культурная эволюция. «Сосуществование программ моногамного брака и группового позволяет, комбинируя их, получать и полигинию (женщины живут по программе моногамного брака, а мужчина — по программе группового), и полиандрию (женщина живет по программе группового брака, а мужчины – моногамного), и, конечно, моногамный брак или групповой в чистом виде. Поэтому в дальнейшем, при изменении условий жизни, люди так легко могли переходить к разным системам брачных отношений».

Наши ближайшие сородичи – шимпанзе, орангутаны и гориллы – имеют отличающуюся от нашей систему брачных отношений: самки спариваются со многими самцами, самцы доминируют над самками, а о потомстве ничуть не заботятся. У нас же, да простят меня феминистки, мужик какое-никакое участие в последнем деле принимает. Правда, если спуститься чуть вниз по древу родства, то наблюдаются утешительные для нас аналогии с гиббоном, это животное — моногамное. Наша первая программа чем-то напоминает программу этого примата, считает Дольник. Об этом говорит «инстинкт ревности», а также «наличие у мужчин, пусть слабой, но все же несомненной потребности заботиться о своей женщине и ее детях, чего начисто лишены человекообразные». Переход гоминид в открытые пространства поставил перед парной семьей неразрешимые требования. Смертность у самцов высокая, потому на единственного супруга рассчитывать нельзя: слишком мало шансов, что он доживет до растягивающегося периода беспомощности детеныша (младенец с большим мозгом рождается недоношенным, иначе он не пройдет через таз, который у прямоходящей мамаши сузился). Волей-неволей эволюция подталкивает самку гоминида к групповому браку: «...на каком-то этапе эволюции предки человека свернули к групповому браку с заботой прамужчин о праженщинах... Более вероятно, что в рамках группового брака праженщина стремилась к компромиссному варианту — иметь одну более прочную связь и сколько-то вспомогательных; возможно также, что ввиду ревнивости прамужчин ей было удобнее скрывать некоторые связи».

В основном заставить самцов заботиться о самках мешает далеко зашедшее доминирование представителей сильного пола. Таково мнение Дольника. Чтобы найти выход из сложившейся ситуации, эволюция меняет перед спариванием роли партнеров, притом

по-разному: у всех видов, в которых самец не участвует в заботе о потомстве, самец переходит в подчиненное положение лишь на краткосрочный период (пока не получит желаемого), там же, где ему предписано заботиться об отпрысках, терпеть это состояние приходится дольше (пока чада не подрастут). Используя врожденную тягу самца к подчинению перед спариванием, естественный отбор, полагает автор статьи, начал продлевать ее, «делая самку перманентно привлекательной для самца, способной к поощрительному спариванию». А позже, в условиях группового брака, такая временная смена лидера в отношениях полов подтвердила свою адаптивную ценность.

Однако есть и другое мнение по этому вопросу: в тупик наших предков загнало не доминирование самцов, а неравномерное распределение родительского вклада. Казалось бы, в обоих случаях речь идет о «несправедливости» эволюции, но во втором случае причины «эмансипации» слабого пола понимаются несколько шире.

При половом отборе гены конкурируют на уровне организмов-носителей, имеющих разный уровень соответствия «генетическому идеалу» — образцово-показательному самцу или самке. Там, где вклад одного пола в реализацию генов больше, там существует ярко выраженный половой диморфизм, внешнее различие полов, способствующее конкуренции за представителя «нужного» пола. У высших животных нагрузка на самку-воспитательницу возрастает, и вклад ее в потомство подвергается специализации: детенышей в помете рождается меньше, но вот затраты на каждого увеличиваются. Умение брать не числом, а умением называется в популяционной биологии К-стратегией. Наиболее наглядно это проявляется у человекообразных обезьян, которые рожают одного детеныша и вынуждены длительное время ухаживать за ним (отсюда и более длительный временной промежуток между родами).

Однако, утверждает американский антрополог Оуэн Лавджой, есть пределы для дальнейшего увеличения вклада самки, делающие его просто бессмысленным. Слабый пол уже не в силах в одиночку держать на своих хрупких плечах будущее вида. Например, при сохранении полигамной безотцовщины и ярко выраженного полового диморфизма самок К-стратегия загоняет человекообразных обезьян в тупик низкой рождаемости: шимпанзе вымирает и без нашей помощи именно потому, что рожают слишком редко. Чтобы выбраться из этого тупика, нужно рожать чаще, не дожидаясь, пока детеныш станет половозрелым. Но чтобы одновременно заботиться о нескольких отпрысках, необходима «эмансипация»: к постоянной заботе о чаде нужно подключить и самца. Понятно, что на пути этого стоит ярко выраженный половой диморфизм самки — набухающая в течке половая кожа, которая служит источником острой конкуренции между самцами. Следует както избавиться от этого и привязать к себе партнера постоянной связью.

Читатель догадался, что в предлагаемом объяснении в качестве палочки-выручалочки выступает не смена доминирования, а процесс открытия овуляции (формирования яйцеклетки). Эстральный цикл (течка) особей женского пола – сигнал к срочному оплодотворению сформировавшейся яйцеклетки, в этом биологический смысл набухания седалищных мозолей. Тем не менее читатели «Плейбоя» с таким феноменом не знакомы. У многих приматов эстральный цикл заменяется менструальным, гарантирующим не сезонную, а постоянную половую рецептивность. У человека же овуляция вообще становится скрытой. Это отражает тенденцию к стиранию полового диморфизма и способствует переходу от полигамии к моногамии.

Кстати, сегодняшние антропологи придерживаются гипотезы «от полигамии к моногамии», – а не наоборот, как это делает Дольник, – именно из высказанных соображений. Ведь скрытая овуляция может рассматриваться не только как поощрение связей на стороне, но и как барьер для проникновения чужого генетического материала. В условиях К-стратегии это уступка в пользу постоянного партнера. (В других условиях самке все равно, от кого понести: уж ее-то гены будут представлены в потомстве в любом случае.)

При скрытой овуляции далеко не всякое соитие приводит к оплодотворению. Постоянная же связь с каким-то самцом повышает шансы последнего стать отцом своего ребенка, особенно, если он охраняет свою партнершу. Одновременно связи на стороне становятся репродуктивно нецелесообразными как раз по причине их эпизодичности. Постоянство парной связи закрепляется индивидуализацией притягательных для обоих партнеров стимулов: в супруге нравится нечто такое, что других оставляет равнодушным. Такое возрастание нагрузки на психологию восприятия порождает любовь, или, как говорит Лавджой, эпигамную дифференциацию.

Трудно сказать, какая из приведенных гипотез в большей мере соответствует истине. Все-таки эволюционные сценарии — дело довольно темное. Несомненно лишь одно: генетически фиксированными могут быть только некоторые косвенные подсказ-

ки, которые, в конечном счете, позволяют подключать самца к заботе о потомстве и превращают самку в менее возбуждающий объект для мужской половины популяции.

Никаких существенных доказательств того, что наличествуют жесткие врожденные брачные программы, которые предписывали бы, сколько иметь партнеров, просто нет. Ведь видовое вовсе не обязательно врожденное. Хоть, как мы видели, часто считается наоборот.

Однако при такой постановке вопроса в тени врожденных программ остаются другие, невидимые для эволюционных генетиков, характеристики. Они также тождественны для особей данного вида и вносят свой вклад в его характерный образ. Видоспецифичны не только передаваемые потомству программы: вид способен «таскать за собой», передавая из поколения в поколение, стабильные традиции: пищевые предпочтения, реакции на врага, миграционные пути. К воспроизводимым в поведении потомства элементам традиции следует отнести и наши типы брачных отношений: где-то это моногамия, где-то — полигамия. Они не программируются генами, а лишь являются культурными вариациями решения общей задачи: мужчина должен обеспечить выживание потомства, а женщина — постоянную связь с кормильцем. В одних экономических условиях с этой задачей успешно справляется моногамный Иван, в других — многоженец Абдулла.

2 «Ничего не вижу, ничего не слышу...» —

весело напевала молодежь шестидесятых. Почему же традиции зачастую оказываются невидимыми для этолога?

Известио, что классическая этология К. Лоренца, Н. Тинбергена и их последователей начиналась с изучения инстинкта и близко примыкала к синтетической теории эволюции. Последняя же представляла эволюцию как проблему изменчивости и отбора генетических программ. Традицией же по сути дела не интересовалась, а если и делала это, то отводила ей второстепенную роль. Получилось, что неодарвинизм, соединивший генетику и идею естественного отбора, выплеснул вместе с ламаркизмом и традицию. Отсюда — переоценка значения генетического детерминизма, роли инстинктов.

«Основной парадигмой этологии стало представление о том, что многие поведенческие признаки животных преобразуются в ходе филогенеза путем накопления мелких фенотипических изменений, обязанных таким генетическим событиям, как мутации и структурные перестройки внутри генных комплексов, ответственных за данный поведенческий признак»,— отмечает советский этолог Е. Панов. Получив самостоятельную жизнь, эти представления, первоначально выдвинутые для объяснения достаточно четко очерченного специфического круга явлений (в основном — фиксированных схем действий), позже приобрели в руках теоретиков почти что универсальное значение. «Логика здесь такая: раз имеется какой-то признак, значит, он адаптивен, закреплен естественным отбором и напрямую контролируется генами. Подобную логику еще называют «аргументом от конструкции».

Вообще-то понятие «чистого инстинкта» — такая же идеализация, как и понятие «идеального газа» в физике. В классической этологии «фиксированные схемы действий» подчинены жесткому генетическому контролю и не подвержены влиянию прижизненного опыта: уже с рождения организм способен адекватно отвечать на важные для него «знаковые стимулы». «Схемы» выстреливаются в присутствии «стимула», была бы достаточной активность особи: голоден — хватай, пришло время любить — спаривайся. Это, однако, завершающий отрезок поведенческого акта. Сначала надо найти пищу или партнера. И здесь, на этапе поиска, возрастает роль индивидуального и видового опыта, научения правилам ориентации в среде.

Видовой интеллект — «прокладка» между врожденным стимулом и врожденной реакцией. Под его воздействием «знаковый стимул» превращается из безусловного в условный, а врожденная «схема» обрастает более гибкими формами поведения. Разумеется, гибкое поведение не отменяет инстинкт. Скорее, оно является «подходными путями» к завершающемуся инстинктивному акту. Нагрузка же на эти «пути» в ходе прогрессивной эволюции возрастает. Генетическая память вида освобождается от мелочной опеки за деталями поведения (что есть, чего бояться, как строить гнездо), но при этом увеличивается роль традиции, в первую очередь схем родительского поведения. Ведь своей заботой родители создают упрощенную структуру среды, и лишь постепенно, по мере взросления детеныша, усложняют ее, убирая подпорки и приближая чадо, оснащенное уже какими-то навыками, к столкновению с реальностью. Тогда чаду не будет страшно, ибо к этому времени оно усвоит схемы видового гибкого поведения.

Так в ходе эволюции организм попал в большую зависимость от постоянно поддерживаемых видом традиций и стал более чувствителен к нарушениям их организации. Как показали, например, опыты американского приматолога Г. Харлоу, выращенные в изоляции детеныши обезьян не способны к уходу за собственными детьми. Такая патологическая традиция передается от матери к дочери, от одного поколения другому. Подобные цепные реакции пробегают, кстати, и через поколения гомо сапиенсов. Еще пример: в условиях прогрессивной эволюции половой отбор испытывает метаморфозу: снижается значение физиологических половых признаков и усиливается роль психологических стереотипов поведения «идеального партнера». У человека выбор партнера в большой степени зависит от усвоенной им половой роли. Агрессивность, ум, доминирование связываются с образом мужчины; кротость, общительность, способность к сопереживанию — с образом женщины.

Чаще всего подразумеваемые различия гипертрофируются («Все девчонки — трусихи и болтуньи»). И все же смысл в таком преувеличении есть: упрощающий дело контраст полезен при половом воспитании потомства, подчеркивает британский этолог Р. Хайнд. Он разграничивает стереотипы полового поведения. Плохо бывает тогда, когда усваивается чужая половая роль. Когда сформировавшийся стереотип и физиология пола тянут в разные стороны, возникают нарушения полового поведения — транс- и гомосексуализм, эти побочные эффекты прогрессивной эволюции.

«Прокладка» интеллекта есть у всех видов. Вопрос — в «толщине» ее: в одних случаях, скажем, говоря о беспозвоночных, ею принято пренебрегать, тогда как в других — нет. Когда, например, начинают проводить аналогии с человеком, у которо-

го роль «прокладки» велика, не стоит забывать о наших начальных допущениях. Так что при создании этологии человека следует быть предельно осторожным.

«Сама по себе теория эволюции имеет зооцентрическое основание. Общие принципы нельзя выводить из поведения одного вида и все-таки все виды должны подчиняться каким-то общим принципам, — пишет известный американский эволюционист Джей Стивен Гулд. — В истории человеческой мысли слабая версия зооцентризма была великим завоеванием: она сломала существовавшие до Дарвина загородки. Вместе с тем зооцентризм может выродиться в карикатуру, в логическую ошибку: «всего лишь»... (люди всего лишь животные)». Это происходит, например, в социобиологии, которая задается целью выяснить эволюционные истоки общественного поведения (в том числе и нашего). Читатель, вероятно, догадался, что в этом случае, говоря «эволюционные», подразумевают «врожденные». Действия животных с простым устройством нервной системы — генетический продукт естественного отбора. Следовательно, и поведение человека — «всего лишь животного»! — имеет сходный генетический базис. Таков главный просчет социобиологии, замечает Гулд.

Опасность прямых аналогий с человеком усугубляется тем, что помимо игнорирования роли научения и интеллекта забывают следующее: у человека разум часто направляет инстинкты в «неестественное для естественного отбора» русло, переадресует биологическую целесообразность. Там, где путь к завершающему инстинктивному акту опосредован интеллектуальной «прокладкой», всегда есть опасность отклонения от биологической цели. Промежуточные звенья сами по себе начинают давать удовлетворение, а до конечного, например, репродуктивного результата можно и не дойти. Он устраняется. А ведь вначале эволюция «задумала» «центры удовольствия» для того, чтобы подсознательно подводить организм к выполнению нужных действий — размножению, поглощению пищи и т. д. Погоня за окультуренными стереотипами смешала все карты биологической эволюции... В чем, скажем, адаптивная ценность «секса по телефону» или обжорства?

Далеко не всегда аналогии с животными полезны для изучения человека, часто они уводят в сторону. У уток селезень нередко принуждает самку к насильному спариванию. Аналогия — с изнасилованием женщин у хомо сапиенса? Однако селезень увеличивает свою репродуктивную активность, и поведение это биологически целесообразно, тогда как в случае «человека разумного» мы имеем дело с социальной патологией: демонстрацией физического доминирования, перенесенной в область сексуальных отношений, подчеркивает Гулд. На первый взгляд, такие словосочетания, как «рабство у муравьев» или «изнасилование у уток» кажутся относительно безобидными, пишет он. Всего лишь удобные выражения. Но вся беда в том, что со временем мы забываем об их метафоричности. И наша забывчивость оказывает нам медвежью услугу, когда позже мы наталкиваемся на «отличную» мысль: если эти признаки есть у «низших», то наличие их у нас «также» объясняется естественным отбором, гомологией или конвергенцией адаптивных генетических программ. Что ж, саркастично замечает Гулд, социобиологи весьма преуспели в сочинении историй «вот так» (возникло то-то и то-то), где любой признак выдается за биологическую функцию и зачастую изобретаются сложнейшие адаптационные сюжеты. Единственный сдерживающий фактор при этом — сила воображения биологов.

«Аргумент от конструкции», таким образом, дает двойной эффект: с одной стороны, мы часто создаем ложные аналогии, а с другой — переоцениваем роль генетического детерминизма в своем поведении.

3 **«Делай с нами, делай, как мы...»** — соблазняла некогда популярная спортивная телепередача для детей. Некоторые примеры естествознания оказываются для гуманитариев весьма заразительными. Частично виной тому — существующий у последних «комплекс неполноценности» по отношению к точным наукам. Частично — естественное для всякой науки желание обогатиться за счет междисциплинарных контактов.

Подобно прямохождению, скрытой овуляции и многообразию брачных систем, язык — видоспецифичный признак человека, выделяющий его из животного царства. Не случайно теория, предложенная американским лингвистом Ноэмом Хомским, обрела известность именно в период популярности этологии, в конце шестидесятых и начале семидесятых годов этого столетия. В немалой степени этому способствовал акцент Хомского на видоспецифичности языка: организм человека запрограммирован на рост рук, а не крыльев, и точно так же он запрограммирован на созревание «языкового органа», которого нет и не может быть у других животных. В отличие от психологов-бихевиористов, далеких от эволюционной проблематики, биологи сочувственно отнеслись к планам Хомского нацелить лингвистическое сообщество на решение новой для лингвистики задачи: объяснить, в чем заключается видовая уникальность языка хомо сапиенса. Например, французский биолог лауреат Нобелевской премии Жак Моно в своей книге «Случайность и необходимость» положительно оценил перспективы предложенного Хомским поворота.

К сожалению, для Хомского тезис о видоспецифичности языка оказался почти равнозначным тезису о его врожденности. Усвоение языка, полагал он, гораздо больше зависит от врожденных языковых структур, нежели от подражания взрослому. Ребенок слишком быстро овладевает языком, и процесс этот напоминает созревание физиологического органа, для которого речевая среда — лишь своеобразный катализатор генетически детерминированной программы. Одним подражанием этот процесс не объяснить: уж очень фрагментарны данные «на входе», уж очень насыщена речь взрослого грамматическими ошибками. Опыты с человекообразными обезьянами, которых удалось обучить многим словам, настаивал позже Хомский, ровным счетом ничего не доказали. «Языковый орган» есть только у нас, погружение других приматов в языковую среду не привело к быстрому и естественному формированию языка. Потому-то и понадобились изощренные методики обучения животных, такие, в которых ребенок совсем не нуждается. Другими словами, у всех людей на уровне генпрограммы существует некая «универсальная грамматика», а у всех детей — врожденное «устройство усвоения языка».

Время шло, а гипотеза Хомского оставалась в виде теоретических выкладок. Тем временем практики от психолингвистики, придерживавшиеся несколько иных взглядов на роль научения, вели наблюдения за развитием речи детей и попутно ощипывали красивую гипотезу о врожденных «языковых структурах». Спасти ее могли только факты. Вот если бы врожденная грамматика дала о себе знать в условиях дефицита внешних стимулов! Если бы провести опыт, который бы устранил образцы для подражания у развивающейся особи... Несмотря на свое несовершенство, такой опыт дает приблизительное представление о доле инстинкта в поведении испытуемого. Действие, сформировавшееся в изоляции, считают контролируемым генами, врожденным.

В истории человечества несколько «просвещенных» монархов рискнули провести подобные опыты с детьми. Так, египетский фараон Псамметих Первый заставил своего немого пастуха растить двух младенцев в изоляции от других. Как сообщает нам Геродот, первым словом этих детей было «бекос» («хлеб» по-древнефригийски). Из чего любознательный фараон сделал вывод о первичности этого языка, из которого якобы и развились все остальные...

Понятно, что такие опыты бесчеловечны, и тем не менее, заявил американский лингвист Дерек Бикертон, в более мягкой форме они велись человечеством в массовых масштабах уже на протяжении сотен лет с рабами, а позже — с завербованными на плантации работниками, например.

Поскольку, как полагает Бикертон, языковые контакты цветных эмигрантов с высокомерными белыми хозяевами сведены к минимуму, то усвоить правильную грамматику, скажем, английского языка взрослые не могут. Вместо этого у них складывается своеобразный эрзац-язык, так называемый «пиджин», с которым читатель знаком по рассказам Джека Лондона о «страшных Соломоновых островах». Для «пиджинов» характерна весьма вольная грамматика, пропуск глаголов, отсутствие служебных слов и окончаний, произвольный порядок слов в предложении.

Самое интересное происходит с детьми этих рабочих. Язык предков и местного населения им недоступен, как недоступен и язык белого меньшинства. «На входе» у ребенка только ломаная речь родителя, говорящего на «пиджине». Тем не менее во втором поколении эмигрантов появляется более упорядоченная грамматическая структура, происходит «креолизация» «пиджинов», которые превращаются в более симпатичные «креольские языки». Причем, утверждает Бикертон, грамматики таких языков оказываются сходными несмотря на то, что один складывается, скажем, в Суринаме, а другой где-нибудь в Полинезии. Следовательно, сходство это никакими языковыми контактами — с местными жителями, а тем более с носителями географически удаленного «креола» — объяснить невозможно.

Откуда же берется более правильная грамматика «крестьянских языков»? Ведь не было же ее в исковерканном «пиджине» взрослых! Может быть, все объясняется какими-то общими особенностями, присущими всем людям? И тогда прав Хомский со своей «универсальной грамматикой»?

Так Бикертон пришел к идее врожденной «креольской грамматики». «Если крестьянская грамматика каким-то образом запечатлена в мозгу ребенка, то крестьянские языки должны усваиваться легче, чем другие языки, — писал он. — Почему же тогда все дети, вырастая, не говорят на каком-

нибудь креольском языке? Но ведь как раз это они и пытаются делать! Однако люди вокруг них «упорно» говорят по-английски, по-французски или еще на каком-нибудь языке, и детям приходится модифицировать грамматику своего родного креольского языка, пока она не будет соответствовать грамматике местного языка».

В 1984 году на страницах международного журнала «Науки о мозге и поведении» появилась статья Бикертона «Гипотеза о биопрограмме для языка», где автор излагал свой взгляд на проблему. Как принято на Западе (но, увы, не у нас), после статьи были напечатаны критические замечания ведущих специалистов. Самое существенное — форменный «удар под дых» — принадлежало авторитетному психолингвисту Элизабет Бейтс. Креолизация — следствие процесса овладения языком в детском возрасте, соглашалась она, а результат креолизации — сближение структур различных креольских языков.

Однако универсальность не обязательно вытекает из врожденности. Многие одинаковые признаки просто неизбежны при сохранении повторяющихся, стабильных условий решения проблемы. Если такие условия постоянно воспроизводятся в поведении вида, то организм волей-неволей изобретает сходные решения. Обстоятельства сами подталкивают его к общему выходу. Например, люди едят при помощи рук, но отнюдь не потому, что для этого есть врожденная программа: это неизбежно, так как имеются свободные передние конечности, находящиеся в непосредственной близости ко рту. Конечно, некоторая генетическая обусловленность необходима для придания начального импульса, но там, где дорожка накатана, настроена на данное решение, и поддерживается в постоянном порядке, там «шарик» не может не покатиться в нужном направлении. При этом детальный контроль со стороны генов совсем не обязателен, все равно траектория будет выдержана.

Тут пора возвратиться к тому, что уже говорилось выше о родительском поведении, последовательно создающем своему потомству заботливым участием сначала простые, а потом все более сложные структуры среды. Полемизируя с предложенной Хомским идеей врожденного «устройства усвоения языка», которым якобы располагает ребенок, известный психолог Джером Брунер предупреждает: увлекшись этим «устройством», мы недооцениваем значение другого, которое можно условно назвать «устройством поддержки усвоения языка». Ежедневное общение матери и младенца — повторяющееся изо дня в день кормление, одевание, купание и т. д.— создает предсказуемые сценарии. Эти стереотипные, стабильно повторяющиеся процедуры — своеобразные «строительные леса», с помощью которых мать помогает своему ребенку овладеть языком. Взял одну высоту — переходи к другой. Научился привлекать внимание указательным жестом — переходи к слову.

Организация наших «строительных лесов» в общем-то консервативна, стабильна и предсказуема: во все времена и у всех народов мы не можем не любить детей, не можем не нянчиться, не общаться с ними. И каждый раз, когда мы делаем это, мы незаметно для себя ставим новорожденных в ситуации с невидимыми для нас постоянными колеями, направляющими «шарик» к наиболее вероятному выходу...

4 **«Как быть нам, султанам...»** — вопрошает озадаченный Юрий Никулин. Да, лет двадцать пять назад все казалось легко и просто. Этологам представлялось, что достаточно провозгласить приоритет методов, практикуемых генетикой поведения,— и успех в изучении хомо сапиенса гарантирован. «Нас не интересует,— заявлял в 1967 году британский зоолог Десмонд Моррис,— взрыв культуры и полный драматизма прогресс от первого костра к конструированию космических кораблей, которым голая обезьяна (то есть человек.— *О. С.*) столь гордится ныне. Конечно, все это впечатляет, однако есть опасность, что обезьяна окажется ослепленной этим великолепием и забудет, что за внешним лоском скрыт все тот же примат. Но даже летающая в космос обезьяна должна мочиться...» Поразительное открытие, не правда ли?

Вся беда в том, что «голая обезьяна» не пожелала ограничиться изучением упомянутого удивительного свойства, а попыталась разобраться в самых сложных формах поведения, влияние на которые со стороны научения и культуры огромно. Пожелаем же ей в будущем быть более внимательной к невидимым условиям, благодаря которым она говорит, пишет статьи, выдвигает оригинальные теории и... конечно же, вступает в многообразные брачные отношения. ●

В прошлом номере журнала мы уже познакомили вас с Ю. И. Кулаковым, автором теории физической структуры*. Можно ли рассказать о сути его работы, не прибегая к формулам и расчетам? Наш корреспондент Ю. Лексин сделал такую попытку. Перед вами — не очерк в обычном понимании этого слова и тем более не реклама. Скорее, это разговор с человеком, воспринимающим гармонию мира как главный фактор своего существования.

Ю. Лексин,
наш специальный корреспондент

Гармония для избранных

Не доверяя ни себе, ни Юрию Ивановичу — виноват,— я однажды попросил его: «Хорошо, что-то я понял, что-то чувствую интуитивно, но давайте поставим перед вашей теорией зеркала. Что говорят о ней люди?»

Естественно, все «зеркала» оказались доброжелательными. Хитрость не удалась, да и не могла удасться.

Но однажды в дом к нему пришел молодой человек, оказавшийся его учеником. Кулаков сбивал нам мороженое с вареньем, а молодой человек с ходу стал поучать своего учителя. Делал он это, по-моему, не впервые; Юрий Иванович, конечно же, улыбался.

Смысл поучения был прост: Юрию Ивановичу не следовало никому рассказывать о том, что его теория значит для него лично. Говорить надо было только о математической и физической основе. Тогда доверие возникало и было полным. Но как только он начинал «философствовать», то есть говорить, на мой-то взгляд, о самом главном, доверительность пропадала, все становилось скользким, полутемным, и смысл исчезал. Это сразу портило все дело.

Едва услышав это, я понял, что так и следует поступить: отделить теорию от «философствования». Теперь передо мной как бы два рассказа: один, который нужен, другой — вполне вредящий этой пользе. Но, кажется, без него вся эта польза мало чему нужна. Итак...

Рассказ Кулакова, полезный делу, хотя, может быть, не во всем

— Представьте себе большую пещеру. В центре ее горит костер. И перед ним танцует женщина. Мы сидим спиной к костру и к женщине, не видим ни ее, ни костра, а перед нами на стене мечутся тени. Они ведут себя очень причудливо: то вдруг возникает профиль, но намек на руки, то все исчезает в хаосе. Ничего, кроме теней, мы не видим, но очень хотим понять смысл их игры, потому что тени — это и есть мир, и ничего, кроме них, у нас нет. В мире нет ничего, кроме движущейся материи в пространстве и времени. Это слова Ленина. Они золотыми буквами написаны на мраморной плите при въезде в Дубну. Не уверен, что та плита до сих пор там, но это неважно. Во всяком случае, мы с детства убеждены, что весь мир сводится к тому, что можно увидеть, потрогать, даже пощупать приборами.

Мое первое утверждение: тени, то есть наш видимый мир, есть отражение чего-то более простого и фундаментального. И задача науки, по убеждению большинства уче-

* Ю. Лексин. «Учитель». «Знание — сила», 1991 год, № 12.

Для создания теории недостаточно просто набора фактов, всегда требуются еще свободные конструкции мысли, проникающей в самую суть вещей. Кроме того: физик не должен удовлетворяться чисто феноменологическими соображениями об известных фактах. Он должен прибегать к умозрительному методу, чтобы выявить глубинные закономерности.

А. Эйнштейн

М. Эрнст. Правое и левое.

ных, состоит в том, чтобы по одним теням предсказать появление других, то есть связать их меж собой — предсказать новые эффекты.

Но невозможно связно говорить о тенях, оставаясь лишь в мире теней. Поэтому ученые, сами не отдавая этому отчет, пытаются восстановить по этим теням ту танцующую женщину. Они называют ее физической теорией, формулируют ее простые законы, а потом снова — уже по этим законам — восстанавливают поведение теней. То есть хотят или нет, но они вырываются из области осязаемого реального мира в область идеального. Для описания реального мира им нужно вспомогательное средство. «Мы строим модель», — говорят они. Это своего рода леса при постройке дома. Дом построен — их можно убрать.

Но где больше основательности, простоты, гармонии? Не в хаосе же теней! Там, в женщине. Она и есть структура. Наш же физический мир — это только ее тень. В структуре нет той неопределенности, противоречивости, которые пронизывают мир теней. В нем много лишнего, много зыбкости. В структуре же все стабильно, все точно. Даже только поэтому она первична.

Но структура не одна — их множество; это целая иерархия структур, от самых простых до очень сложных. От находящихся у самой стены до тех, что у костра. Тут усложнение и подчиненность. Математики, например, давно уже открыли «женщину», которая находится где-то посередине. Это так называемые математические структуры. Конечно, они были открыты из наблюдения внешнего мира — теней. То есть люди заметили, что если брать совокупность разных предметов, тех, что мы называем конечными множествами, то эти совокупности обладают некими свойствами, не зависимыми от свойств самих предметов. Стулья ли, камни, но пять плюс три всегда будет восемь. Это все то же развлечение древних на песке, только все усложняющееся и усложняющееся.

Где-то в центре этого платоновского мира есть область, напоминающая удивительный часовой механизм. Все шестеренки там идеально зацепляют друг друга, и если повернуть одно колесико, тут же начинает вращаться все. Вот этим согласованным механизмом и занимается математика. В этом мире огромное количество жителей, зачарованных той самой согласованностью. Это бессчетное число томов, людей, идей, мыслей, открытий. Это само по себе диковинно. Тут аромат цельности, взаимосвязанности. Каждый объект в этом мире индивидуален, но и входит в единство. Притяжение этого мира поразительно. В нем можно жить всю жизнь.

Во время немецкой оккупации во Франции молодые, в будущем очень крупные ученые собрались возле памятника генералу Бурбаки и дали друг другу клятву изучить этот мир на самом современном уровне. Генерал прославился тем, что не одержал в жизни ни одной победы, и благодарные французы поставили ему памятник. Группа и назвала себя «Бурбаки». Под этим псевдонимом они начали выпускать одну книжку за другой, исследуя основания современной математики. И выяснили, что математический мир сводится как бы к трем видам атомов. Все это обилие исчерпывается тремя структурами.

Первая — алгебраическая. Та, что в школе ассоциируется со сложением и умножением. То есть когда двум объектам сопоставляется третий. На самом деле это лишь очень частный случай.

Вторая — структура порядка. В школьной математике она соответствует понятиям «больше — меньше». То есть это отношения уже между двумя объектами.

И наконец, топологическая структура. Она связана с понятием непрерывности, близости, дифференцированности. То есть это уже не только некие А и В, а уже и поверхности, многообразия.

Из этих трех структур, оказывается, можно собрать любую отрасль математики. Из них, как из атомов, математика и строит новые понятия и изучает их. Это свой удивительный мир. Он не нуждается в выходе в мир физический. Математики в нем — у себя дома. Мир их математических струк-

Если говорить честно... мы хотим не только знать, как устроена природа (и как происходят природные явления), но и по возможности достичь цели, может быть, утопической и дерзкой на вид, — узнать, почему природа является именно такой, а не другой. В этом ученые находят наивысшее удовлетворение. В этом состоит прометеевский элемент научного творчества.

А. Эйнштейн

В теории невозможно каждый раз прибегать к опыту. Развитое чувство прекрасного помогает выделить в теории то, что шероховато, что чуждо природе.

Ю. Кулаков

тур — это и есть сама «женщина». Кто-то из математиков не отдает себе в этом отчет, не всякий склонен к философскому осмыслению, он просто доказывает какую-то теорему, но все равно фактически воссоздает связь между абстрактными структурами.

Теперь вернемся к нашему физическому миру. Есть две очевидности. С каждым кругом физических явлений связана своя теория — механика, термодинамика, электродинамика, квантовая механика. Вторая очевидность: все эти физические теории совершенно не похожи друг на друга.

Занятия мои как раз и заключались в том, чтобы разрушить эту, вторую очевидность. То есть попытаться понять, есть ли у этих теорий что-либо общее. Оказалось, что и механику, и термодинамику, и электродинамику, и квантовую механику можно формально переписать в похожем друг на друга виде, через так называемые определители. Для этого — вспомните Бурбаки — следовало лишь подняться еще на одну ступеньку: изучить не собственно предметы — теории, а отношения между ними. То есть, не внося ничего нового, переформулировать законы этих теорий, внести новую математическую формулировку. Так я и пришел к понятию физической структуры, к тому общему, что присутствует в любой физической теории. Мало того, теория физической структуры — ТФС — настолько содержательна, что фактически определяет сам вид физических законов. Короче говоря, надо было отодвинуться от стенки дальше, чтобы увидеть такое объединение. Большое, действительно, видится на расстоянии.

Отодвинувшись, мы перешли в другую область, в область метатеории, то есть теории теорий. Это и есть путь увидеть весь мир в целом, увидеть пружины, которые движут миром.

Взгляните на такие абстрактные понятия, как масса, время, энергия, температура. Эти понятия туманны и неопределенны. Ни один физик в мире не ответит вам, что же такое время. Ему и не нужно отвечать на такой вопрос. Время для него — это то, что обозначается буквой «t». Для его конкретной работы этого ему вполне хватает. Но если вы хотите понять весь мир в целом, тогда нужно понять, и что такое время, и что такое энергия, энтропия. Но, находясь внутри теории, этого не понять, нужно посмотреть со стороны, сверху, ведь эти категории многое объединяют. Так, время присутствует и в квантовой механике, и в электродинамике, и в механике. Значит, это что-то более универсальное, чем частная деталь. Так что же это такое?

Математики занимались и занимаются тем, что выводят из одной математической структуры другую, и так далее. Но необходимо связать эти математические структуры с самим реальным миром. Как? Перейти непосредственно от математических структур к реальному миру невозможно. Нужно нечто промежуточное. А если воспользоваться для этого уже созданными гигантами науки — Галилеем, Ньютоном, Максвеллом, Эйнштейном, теми физическими островками теорий, которые расположены, можно сказать, совсем близко к стенке пещеры? Это богатейший мир. Поппер называет его третьим миром. И это не только физические теории, это и другие произведения рук и ума человека. Это собственно культура, созданная человечеством.

Итак, есть мир математических структур, он совершенно реален, только незрим. Он благополучно существовал и до человека. Ведь понятие, например, натурального ряда чисел — вещь совершенно объективная, существует человек на свете или нет. Есть третий мир — мир физических теорий, открытых человеком. И есть, наконец, мир физических структур, объединяющий эти миры. Он иерархически распространяется от очень простых структур, находящихся вблизи стенки, уходя к самым сложным структурам, которые находятся вблизи костра. И мир этот совершенно объективен. Эти структуры можно открыть, но их нельзя придумать, как Колумб не мог придумать Америку, он мог лишь открыть ее.

Оказалось, что при помощи теории физических структур можно объединить все уже открытые физические законы. Больше того, доказать, что других в области физики не может быть в принципе. В этом самая удивительная часть ТФС — в точном математическом доказательстве существования и единственности физических законов. Они должны быть такими и только такими. И никакими иными. То есть если бы сам Господь Бог хотел создать какие-то иные физические законы, если бы он отдельно придумывал законы механики, электродинамики, термодинамики, то эти законы оказались бы взаимопротиворечивыми. Но шестеренки должны зацепляться друг с другом совершенно идеально, без трения. Эти идеальные шестерни нельзя изобрести или изменить, их можно только открыть. Уже существующие.

Значит, шестерни должны обладать неким универсальным свойством взаимного зацепления. Это очень жесткое требование. На другом языке, это жесткие условия на вид самого закона. Тут нет места произволу. И даже сам Бог при всем его могуществе не может передвинуть в этом мире буквально ничего, иначе все разрушится. Зацепление может быть осуществлено лишь единственно возможным образом. Вот в чем главное содержание ТФС.

Человек дерзает совсем не для создания каких-то новых, доселе неизвестных вариантов физических законов, их нет и не может быть, он должен понять и открыть уже существующие и единственные. И если бы мы даже прилетели куда-нибудь на альфу Центавра и начали изучать тот мир, и если тот мир представляет собой такую же самосогласованную непротиворечивую систему, то есть в ней нельзя получить, что два равно нулю, то и там законы должны быть точно такими же, как у нас. Иными словами, ничего не зная о происходящем там, мы можем сказать, что физические законы там — наши. И это, быть может, самое сильное утверждение.

Впрочем, трудно говорить о самом сильном. Каждый заинтересованный видит в ТФС свое. Владимир Кузьмич Ионин видит, что это открытие новых миров. Если математики сами как бы придумывают предмет своего исследования, то с физическими структурами дело иное: открыв какую-то физическую структуру на бумаге, мы имеем возможность если не сейчас, то через какое-то время, увидеть реализацию этой структуры в виде реальных физических законов. То есть это потенциальные физические законы, а значит — иные миры. И Геннадий Григорьевич Михайличенко, например, с абсолютной математической точностью вывел, что, кроме трех уже открытых геометрий — евклидовой, сферической, Лобачевского, существует еще семь геометрий, не известных миру. Но их именно семь, не больше и не меньше. Пожалуйста, их можно открывать. А можно и не открывать. Это зависит только от нас, от нашего желания. Но они все равно существуют.

Профессор кафедры теоретической физики МГУ Юрий Сергеевич Владимиров видит ТФС по-иному. Физики давно уже поняли, что в основе всех физических законов лежит понятие симметрии. Дайте мне симметрию, и я построю все эти законы. Особенно это стало очевидно, когда стали изучать элементарные частицы. Ведь вся физика элементарных частиц строится не столько на опыте — на опыте она только проверяется,— сколько на представлении, что мир устроен симметричным образом. Сейчас, по-видимому, эта групповая симметрия уже себя исчерпала. Ее выжали, как половую тряпку, до предела. А теория физических структур представляет собой новый, не известный до сей поры вид симметрии. И значит, из нее снова можно получать новые законы совершенно нового типа. Это источник для построения уже иных моделей мира. И Юрий Сергеевич Владимиров очень эффективно использует ТФС в теории элементарных частиц.

Но на самом-то деле ТФС гораздо шире, чем симметрия. Главным содержанием ее, как и мира, являются не предметы, не множества, а отношения. Важно только, чтобы эти отношения были описаны числом. Например, я не могу описать отношения любви или ненависти, потому что у меня нет числовой характеристики этих отношений. Но там, где такие характеристики есть, теория физических структур универсальна. Так, закон Ньютона одинаково хорошо работает и для пера, которое я держу в руке, и для всей Земли в целом. Сама универсальность накладывает очень жесткие ограничения на вид закона. Потому он и не может быть произвольным. ТФС как раз и доказывает эту непроизвольность физических законов.

Поэтому она и применима там, где обыч-

...Когда ощутишь всю глубину отчаяния, с которым умные и доброжелательные люди науки реагируют на требование изменить структуру мышления, приходится, собственно, только удивляться тому, что революции в науке вообще оказались возможны.

В. Гейзенберг

Высшим долгом физиков является поиск тех общих элементарных законов, из которых путем чистой дедукции можно получить картину мира.

А. Эйнштейн

ные методы уже не годятся. Ведь что такое обычные методы? Как обычно ученый изучает то или иное явление? Он пытается установить механизм этого явления, то есть проследить длинную цепочку с предположениями, многими допущениями, идеализацией. И все равно цепочка никогда не может быть полной. Такой аналитический подход — вообще свойство европейской цивилизации. Он сводится к тому, что берется целое, разбивается на части, части изучаются и из них восстанавливается целое. Но хорошо известно, что целое — это далеко не всегда сумма частей. Есть некий неуловимый остаток, который возникает только в целом, и он не может быть выведен из частей.

Восточное мышление использует синтетический способ. Это попытка увидеть законы целого, не расщепляя его на части. Это путь принципов. Он прекрасно виден, например, в законе сохранения энергии. С каким бы сложным взаимодействием ни была система, мы всегда знаем: этот закон — для нее закон. Так что всегда можно сказать заранее, что такая-то, например, ситуация в принципе невозможна, хотя вы и не знаете всех тонкостей взаимодействия частей.

Нечто подобное представляет собой и ТФС. Она отказывается от построения конкретных механизмов, но говорит о законах системы в целом. И законы эти практически абсолютны. Если, например, физик хочет построить теорию твердого тела, он строит механизм и безумно рад, если его теория совпадает с опытом процентов на тридцать. Когда же речь идет о принципах, то если отклонение теории и эксперимента будет где-то в восьмом знаке, то это уже катастрофа, это уже нарушение законов. Представьте, что в законах термодинамики обнаружено нарушение. Надо было бы искать совсем новый закон. Так вот, в ТФС подход, с точки зрения принципов, доведен до своего логического завершения.

Признаться, с детства меня мучили «наивные» вопросы. Как устроен этот мир? Почему, например, атомы так малы, а Вселенная так велика? Почему постоянная Планка такова, какова она есть, а скорость света именно такая, а не иная? Откуда вообще берутся эти числа — большие и малые? А ведь они, сами эти числа, составляют фундамент всей физики. Так могли бы быть числа иными? В миллионы раз больше или меньше? Это опять вопросы из числа запрещенных.

Правда, есть так называемый антропный принцип, и он будто бы что-то проясняет. Мол, эти константы именно таковы, чтобы существовал мир, а в нем мог бы жить человек. То есть все связано с тем, что если человек существует, то константы должны быть именно такими. Но мне такой подход не нравится. А главное — я могу предложить совершенно естественный подход: независимо от человека мир **должен** иметь такие и только такие константы. И вообще ответить на вопрос, **почему** так устроен мир.

Вся физика говорит, **как** он устроен. И только Эйнштейн как-то высказал совершенно еретическую мысль, что теоретическая физика в конце концов должна отвечать на вопрос, почему он так устроен. Конечно же, большинство физиков не разделяют его точку зрения, ведь непонятно, что вообще это значит, ответить **почему.** ТФС же как раз и отвечает именно на этот вопрос. Мир не может быть устроен иначе, он уже устроен. Если бы Творец действительно когда-то хотел создать этот мир, он, видимо, сделал бы так: созвал своих ангелов-теоретиков и сказал им: «Извините, но я не знаю, каким должен быть мир. Однако я вам сейчас изложу принцип, по которому он может быть построен. Этот принцип один, и он прост. Я даю его вам, а вы уж из него, как из аксиомы, выводите теоремы. И какой мир у вас получится, таковым ему и быть. Мое дело — дать вам одно-единственное зерно. Вот оно: да будет так!»

И оказалось, теоретики нашлись. Более того, они доказали теорему о существовании единственности. То есть из того зерна при одних условиях можно было выращивать одно дерево, при других — другое, и так без конца. Но само зерно, то самое «да будет так!», не позволяет выращивать ничего произвольного, оно само растет и само развивается. Вот ТФС и дает возможность нащупать это зерно. Аксиомы, лежащие в основе мира, можно сформулировать. Да, конечно же, в абстрактном виде. Но их

С давних времен, с тех пор как существует изучение природы, оно имело перед собой в качестве идеала конечную, высшую задачу: объединить пестрое многообразие физических явлений в единую систему, а если возможно, то и в одну-единственную формулу.

М. Планк

Джорджо де Кирико. Математики

абстрактность связывается с миром реальным, существующим. Вот эта формула, формула физического мира, о которой мечтал Планк:

$$f(u, a, v)=f(f(u, a, r), f(s, a, r), f(s, a, v))$$

Рассказ, вредящий делу. А впрочем...

— Юрий Иванович, я знаю, богословы сразу же, первыми заинтересовались вашей теорией. Целесообразность устроенности мира, доказанная математически,— это действительно чудо, которого ждали «многая лета» и ждали бы еще сколь угодно долго. И тут же странность: теория ваша почти не трогает людей, естественно мыслящих, ученых. Что бы это значило?

— Все так, как вы говорите. Но и не совсем так. Наука занимается поверхностью пещеры — тенями, а богословы — сразу костром. Поэтому рационально мыслящему ученому, естественно, очень трудна мысль о Боге, а богословам — мысль о физических законах. Но ТФС утверждает, что в основе мира лежит не материя, не то, что мы видим, и не Бог. В основе лежит структура. Она существует объективно, но ее нельзя потрогать. Она имеет другую форму бытия, заполняя весь объем — от костра до стены пещеры. Поэтому первый шаг, который делает физик,— он уходит от стенки и строит физическую теорию, то есть уже работает с абстрактными понятиями. Недаром и Эйнштейн, и Планк утверждали, что чем больше они занимались наукой, тем ближе подходили к идее Бога. Вот оно, это ощущение, что мир не случаен, что он гармоничен. Когда один раввин из Нью-Йорка прислал Эйнштейну телеграмму — не письмо, а именно телеграмму — «Верите ли вы в Бога?», Эйнштейн ответил: «Я верю в Бога, который проявляется в гармонии этого мира, но который не вмешивается в судьбы людей». Бог для него — гармония. И едва оторвавшись от стенки пещеры, ученый тут же соприкасается с этой незримой, но объективной гармонией.

Однажды Рабиндранат Тагор в беседе с Эйнштейном сказал приблизительно так: «Представьте себе книгу. Скажем, великую «Анну Каренину» Толстого. И представьте книжного червя, живущего в этой книге. Червь прогрызает ходы, работает вовсю и устанавливает (причем это очень умный червь, в нем живет весь интеллект мира), что книга состоит из листов. Он может даже их пересчитать. А каждый лист, видит он, покрыт пятнами типографской краски. И пятен этих — тридцать видов. Пятна же собираются в нечто такое, что люди называют словами. Гениальный червь может даже установить статистику: сколько пятен и какой формы на каждой странице, он может даже пронюхать химический состав краски пятен. Но он никогда не поймет и не узнает, кто такая была Анна Каренина и почему она бросилась под поезд. Так вот, вы, физики, не занимаетесь ли вы этим миром, подобно тому умному червю? Вы можете установить очень тонкие и глубокие закономерности, но главного-то вы можете не заметить». На это Эйнштейн ответил: «В таком случае я более религиозен, чем вы. Потому что я верю в существование текста. Текста, который отражен во всех существующих предметах. Эти предметы, как иероглифы, в которых записан некий высший текст. Можно смотреть на эти иероглифы всего лишь как на пятна, можно изучать только их химический состав, а можно видеть за ними символы некоего осмысленного текста». Любой физик-теоретик, утверждал Эйнштейн, прежде чем заниматься своей наукой, верит в существование закона, который ему предстоит открыть — не выдумать! Закон и есть тот самый текст. Само подразумевание существования закона — уже религиозность, ты уже веришь в то, чего материально нет.

Но это — точка зрения Эйнштейна, его понимание Бога как некой гармонии, некоего смысла, текста. То, что канонический Бог есть еще и высшее выражение нравственных законов, у Эйнштейна ниоткуда не вытекает. Кант же в свое время говорил, что его больше всего поражает закон движения светил на небесах и нравственный закон внутри человека.

— Да, Юрий Иванович, но, может, нравственный закон уже как-то вписан в саму гармонию?

— Нет. Это было бы чисто механическим соединением. Тут надо быть осторожней в выводах. Дело вот в чем: существует целая иерархия структур. Сам факт существования этой иерархии и связан с идеей гармонии. И нравственность действительно возникает, но лишь на каком-то уровне. Самый нижний уровень этой иерархии — математические структуры. Их можно рационально описать.

— В них нравственность не ночевала?

— Да. Тут же находятся и физические структуры. И те и другие могут описать лишь неживую природу. Но уже в самом примитивном цветке есть нечто, чего нет в камне. Для описания цветка уже нужно найти то, что присуще всему живому. Биологи открыли очень мощный универсальный объект — молекулу ДНК, и все живое связано с этой молекулой. Но ДНК — опять же материальный образ. А нужно найти некий идеальный, который бы выражал эту идею, идею жизни. Назовем эту еще не открытую структуру биологической.

Но среди биологических есть объекты особого рода — наделенные мышлением. Человек. Эта форма бытия уже связана с сознанием, мышлением. И для описания этого уровня надо ввести еще одну структуру — психическую. Она отличается от биологической, как та — от математической. Но именно здесь, на этом уровне, и возникает совершенно новое качественное понятие — личность, творчество. То есть наша физиология находится в структурах биологических, неповторимость же — в более глубоких, психических.

Следующая структура, которая содержит в себе все предыдущие, но и нечто новое, это — гиперструктура. Она выражает и гармонию законов физики, и законы жизни, развития ее, и законы психики, личности, творчества. Это последняя структура, и она уникальна. Это и есть Бог.

— И ни одна из этих структур, кроме первой, не открыта?

— Да. Есть только направление поиска остальных структур. Гипотеза. Дан прецедент. До сих пор все двигались в направлении построения модели нашего мира. Толклись, по вашему выражению, у стены. Но, как мы говорили, здесь многое уже исчерпано. Хотя есть области в той же биологии, например, где еще можно строить модели.

— Так в чем же прецедент?

— В том, что по этим «пристенным» моделям уже установлено существование некой структуры, объединяющей в себе самые различные модели и теории. В том, что есть возможность идти дальше, к костру.

— А что если человеку просто не дано идти дальше теней?

— Теория физических структур как раз и говорит: дано, можно идти. И один шаг, собственно, уже сделан. Уже открыты объекты совершенно новой природы. Вот в чем дело. Эти объекты не укладываются в объекты у стены, но их можно изучать. Они живут своей жизнью, у них свои законы, которых нет здесь, на стене. Это уже огромная область для исследования, огромное поле для размышлений. Кстати, тут прямая связь с тем, куда вообще развиваться науке. Академик Гинзбург, например, говорит, что наука следующего тысячелетия сведется к открытию сверхпроводимости, низкотемпературной плазмы. То есть это будут прикладные дела. Я же полагаю, что наука будет изучать самое себя. Это как раз и откроет ей богатейшие возможности. Нельзя же вслепую искать те самые полупроводники и прочее. Нужно наконец увидеть законы в целом.

Сейчас, конечно, трудно претендовать на открытие биологической структуры, это дело следующих поколений. Но нам уже достаточно, что мы оттолкнулись от стены пещеры и идем по направлению к костру. И кто-то потом пойдет дальше. Я не могу сказать, что знаю всю тайну. Я отвечаю лишь за то, что действительно знаю зерно и могу записать его уравнением, а мой ученик Володя Лев может это уравнение решить, то есть вывести все законы физического мира, уже открытые, и показать, что других законов быть не может. Вот что я знаю.

— И еще вы знаете, что такое время...

— Время, как бы это сказать точнее,— это универсальные устойчивые отношения между событиями.

— Простите, Юрий Иванович, но много ли это понятней, чем невнятная буква «t»? Без событий, например, время возможно?

— Нет. Но при наличии событий может и не быть времени. Все тот же прилет на альфу Центавра. Нас сразу же интересова-

Теперь уже мало кто из физиков-теоретиков считает первостепенной задачей создание прочного понятийного фундамента современной физики, пересмотр ее основных понятий, установление общих физических принципов. Вера в существование таких принципов у подавляющего большинства таких физиков постепенно угасла, а вместо нее возникла глубокая убежденность в том, что, поскольку вся материя состоит из элементарных частиц и полей, фундамент естествознания должен быть основан в конечном счете на законах, управляющих этими простейшими объектами.

Ю. Кулаков

О божественных истинах нельзя говорить на нашем языке — он слишком беден; можно лишь — на математическом.

Николай Кузанский (XV век)

ли бы там свойства событий. И не исключено, могло бы оказаться, что между событиями там будут иные отношения, нежели у нас. Это приведет к двухмерному времени, может быть, к трехмерному. А может, и вообще те события совершенно хаотичны, на них нет никакого закона. То есть время — это выражение идеи закона, устойчивого закона на множестве событий. Вне вещественного мира времени нет. Его нет в мире структур, там — вечность. Не зря же христианская религия придает такое большое значение именно вечности. Смотрите, индуистская точка зрения: событие есть только в данный момент времени, но его нет ни в прошлом, ни в будущем. Европейская: все события остаются, но мы просто не можем их воспринимать. Это все равно что мы идем по неосвещенной улице и светим себе фонарем: все, что в круге света, существует, но не попавшее еще в свет или ушедшее — невоспроизводимо. Но и невоспроизводимое, и неизвестное тем не менее существует.

Так вот, согласно ТФС, эти две концепции можно объединить. Ведь есть два мира: вещественный, с ним ассоциируется поверхность пещеры, и мир структур. События существуют в какой-то иной форме, потом они материализуются у стены и снова возвращаются на круги своя, то есть в мир структур. Тут много над чем можно подумать. Восточная концепция: ни от событий, ни от человека не остается ничего...

— Поэтому жить лучше всего сей минутой.

— Да. По европейской же концепции, мы живем вечно, но реализуемся-то лишь в жизни сегодняшней. Отсюда и повышенное чувство ответственности: дела наши не исчезают, ни хорошие, ни дурные, мы несем ответственность за все. Но христианская точка зрения сразу натыкается на здравый смысл, потому что у нее нет этого пространства структур, а есть сразу Бог и абсолютно нелогичный ад и рай. А между тем существует несколько уровней бытия. Один, так легко воспринимаемый нашими чувствами,— физический. И другой — мир структур, иерархически уходящий к тому костру. Для меня существование объектов в иной форме бытия — вещь совершенно доказанная. Занимаясь математикой, физикой, я уже сроднился с этим миром идеальных сущностей, идеальных объектов, которые живут своей жизнью, которые взаимодействуют друг с другом, образуют такую, я бы сказал, математическую симфонию. Я счастлив быть там. Мне странно неощущение или непонимание другими существования этого мира. Ведь он не результат выдумки каких-то людей. Они лишь открыли его, они не могут ничего с ним поделать, только открывают — и все. Там вечность, гармония, там нет никакой эволюции.

— Как же тогда получается, что проекция этой симфонии согласованности дает на стене безобразие и хаос?

— Всякая проекция не тождественна предмету. Тут работает еще одна компонента, я называю ее метаморфией. Если вы будете внимательно читать отзыв Игоря Евгеньевича Тамма, то заметите: его как раз и приводит в восхищение вот эта идея внесения нового понятия — метаморфии. Она-то как раз и позволяет наш мир делать настолько многообразным, неповторимым. Она придает индивидуальность и разрушает ту полную симметрию. Структуры принадлежат всем уровням, но последняя форма содержит еще нечто новое — как раз то, что и выражает идею метаморфии. Это случайность и непредсказуемость, спонтанность и хаотичность. Но резкой границы нет. С удалением от стены метаморфия уменьшается и переходит наконец в мир математических структур. Но и в нем она есть. Только уже в виде так называемых теорем Гёделя.

Еще в тридцатых годах математики открыли, что этот идеальный, казалось бы математический, мир не может существовать в полностью идеальном состоянии. Чтобы математика была содержательной, в ней должна быть некоторая доля неопределенности. Это первая теорема Гёделя. Вторая уже утверждает: в мире математических структур всегда найдется такое утверждение, которое нельзя ни доказать, ни опровергнуть. То есть абсолютной истинности или ложности нет и там. Есть какие-то незримые витамины, они-то и делают содержательными эти структуры.

— Итак, Юрий Иванович, нашу индивидуальность уничтожает только смерть.

Почему порядок и гармоническое единство должны устрашать, а не ободрять?

Ю. Кулаков

— Да. Мы переходим из этого мира в мир структур. И снимается вся индивидуальность. Мы идем, как бы это точней сказать, ну в рай, что ли, как его мыслят христиане.

— Независимо от той индивидуальности, которая отличала нас тут?

— Да.

— И наказания в религиозном его понимании не существует? Нам просто некуда деваться, мы все будем в мире структур?

— Да.

— Но вы-то говорите, что объективно существует добро и зло.

— А что такое добро? Это и есть гармония. Это и есть структура — идеальная.

— А зло?

— Метаморфия. И когда ее слишком много, гармония подавляется и мы воспринимаем это как зло.

— Но самой системе, миру структур, это все безразлично? Ей, в сущности, наплевать на нас?

— Наплевать. Нам не наплевать. Нашему мироощущению, сознанию.

— То есть награда все-таки существует. И она прижизненная. Это чувство совпадения со структурой, с ее гармонией? Только смотрите, я правильно говорю? Потому что я хочу вас понять.

— Именно так. И чем идеальней совпадение, тем отчетливей мы воспринимаем это как торжество добра. Трудно объяснить гармонию, но интуитивно человек ее чувствует. Вспомните Эйнштейна. Поэтому очень важно, что человеку дана свобода. Христианство так и утверждает: Господь дал человеку свободу, чтобы быть с ним в какой-то степени на равных. Вот только как он употребляет ее, во благо ли себе и другим, во зло ли — это всегда вопрос. В чем смысл бытия, смысл человека? А вот как раз в возможности слиться, воспринять гармонию мира как главный фактор своего существования. То есть стремиться к этому. А научиться воспринимать эту гармонию можно. Мы все — начинающие музыканты. Он учится воспроизводить звуки, и вначале для него это хаос. Но он играет и играет. И вот появляется чувство ритма, такта, появляется мелодия. И уже, кроме нее, ничего нет. Уже звучит лишь мелодия, она прекрасна...

Очень красиво, Юрий Иванович. Не хочется вас перебивать.

— А вы и не перебивайте. Приходите завтра на мою лекцию.

— Вы опять нарисуете на доске пещеру, костер, женщину... А что, Юрий Иванович, для вас самого было поразительным в вашем открытии?

— Предопределенность. Та самая, когда даже сам Бог ничего не может изменить. И для меня, и для моих учеников это и было самое неожиданное. То есть мы сначала говорили: мы не знаем, каким должен быть мир, но предполагаем, что в нем должна быть гармония. Потом точно формулируем, что же мы под этим понимаем,— всеобщую связь. И уже отсюда чисто математическим путем доказывается единственность этого мира. И ничего в нем ни изменить, ни подправить. Вот, пожалуй, самое сильное утверждение. На семинаре завтра я буду показывать, как шаг за шагом выводятся эти уравнения.

Я был на семинаре. Студентов было немного. Юрий Иванович ходил вдоль доски и привычно волновался. По-моему, он ничего и не видел, кроме доски. Кто-то без устали записывал его уравнения, иные потихоньку передавали друг другу записки, а один уставший мальчишка-студент, старательно спрятавшись за мою спину, откровенно спал. Ну и что, что речь шла о гармонии мира? Каждому — своё. ●

$$a: M \times M \to M, \quad x, \xi \mapsto a(x,\xi)$$

$$f: M \times M \times M \to M, \quad u, v, s \mapsto f(u,v,s)$$

$$\forall\, x, y;\ \xi, \eta \in M$$

$$a(x,\xi) = f(a(x,\eta), a(y,\eta), a(y,\xi))$$

Постижение истины невозможно без эмпирического фундамента. Но чем глубже мы в нее проникаем и чем более широкими и всеобъемлющими становятся наши теории, тем меньше эмпирических знаний требуется для создания этих теорий.

А. Эйнштейн

В. Иваницкий

Размышления в августовской толпе у «Белого дома»

Из дневника культуролога

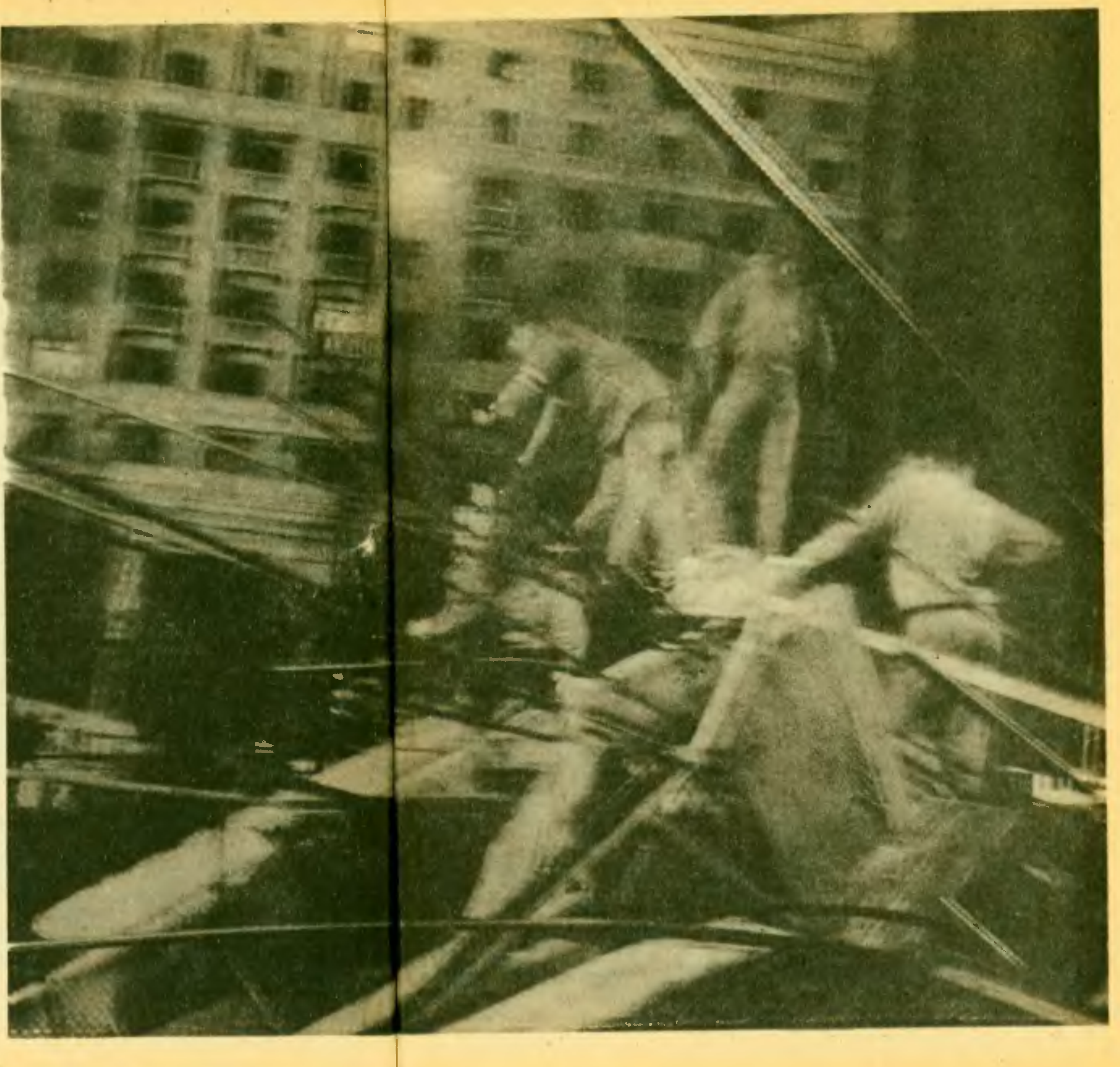
Все перевороты, на первый взгляд, осуществляются в вертикальной плоскости и по одинаковому сценарию. Верх становится низом, низ — верхом. Геометризация социальных представлений происходит совершенно автоматически. Так мы повторяем навязшее в зубах «Низы не хотели, верхи не могли», не задумываясь, что социальное сознание до сих пор синкретично сплавлено с космогоническим.

●

Государственное мышление во все века эксплуатирует вертикально-пирамидальную модель общества, давящую на низы и стремящуюся достать небо своей вершиной. Так представляем власть и мы, не в силах избавиться от вертикально ориентированного менталитета, который приобрели в христианском средневековье. Власть обожествляется, непременные ряды портретов членов Политбюро воспринимаются механической заменой иконостаса. Все исходящее свыше принимается на веру без возражений — как истина в последней инстанции. Достаточно захватить верх, чтобы стать непогрешимым. Именно на такое мышление стремятся опереться «переворотчики».

●

Переворотное мышление не хочет обновляться, оно лишь ищет лучшие ходы в старых структурах. Глввное для путчистов — захватить власть. Для структур, устраивающих переворот, высшая власть есть высшая ценность. Даже больше того — высшее благо. И априорнвя ценность ее заключается в том вполне мифическом соображении, что сама власть — гарантия

и источник всякого «порядка» и преуспеяния для страны.

●

Стоящие вокруг Белого дома России люди образовали круг, внутри которого все простейшие ценности и понятия обрели вдруг иное звучание. Люди зажили в другой модели мира, даже не заметив этого, хотя не ощутить изменения атмосферы вокруг себя и внутри себя, конечно, невозможно.

Верха и низа здесь нет, есть центр и периферия. Все движения души устремлены к центру (плохо быть выброшенным во «тьму внешнюю»!).

В вертикальной модели то, что мы называли «союзным Центром», мыслилось верхом, вершиной: Центр — над республиканскими правительствами. Новый союз республик обещал быть не вертикальным, а горизонтальным, экономическим. Отличие, видимо, столь большое, что не пожалели путча для срыва его подписания.

Что касается круговых моделей вообще, то единственный центр, который не поддается проекции вверх, это, конечно, центр ландшафтный, эмоциональный, хотя допустимо также говорить об интеллектуальном центре круговых структур и с некоторой натяжкой — об экономическом. В любом случае центр круговых структур не есть что-то жестко фиксированное, к нему более применимо понятие «лидерства».

Таким центром в круговой модели стал Белый дом России.

●

...Оказавшись, вероятно, впервые и неожиданно для себя в средостении между союзной и российской пирамидами, структуры пирамидальной системы странно себя ведут, предпочитают действиям бездействие, однолинейной ангажированности — индифферентность и нейтралитет. Ибо вертикальный комплекс хорошо работает лишь тогда, когда его ориентация однозначна, вершина единственна и внутренне едина.

Для путчистов, выступавших в некотором смысле сверху, проблема единства и сплочения особенно важна. В плотной среде быстрее распространяются приказы. Очевидно, не случайно названия некоторых парламентских групп и общественных движений обращают нас к архетипу сплочения, единоначалия: «Союз», «Единство», «Согласие»...

Дух дисциплины и мужской корпоративности — необходимое условие и вместе с тем подоплека переворотного сознания. Подобные идеи зреют всегда в сообществах чисто мужских. Так и на этот раз. Какова бы ни была чисто политическая ориентация таких громадных государственных корпораций, как ЦК КПСС, ЦК РКП, Министерство обороны, Генштаб, МВД, КГБ, мужчины занимают в них абсолютное большинство. И ГКЧП связан со свержением власти боем, применением силы, уничтожением политических соперников, разведкой, сыском. «Боятся — значит уважают» — вот ответ мужского корпоративного мышления на нормальную мораль и нормальную логику общественного поведения, приучающую к несиловым методам упрочения своего влияния и авторитета.

●

У путчистов и защитников Белого дома России не только политические, но и «метафизически-религиозные» разногласия: они расходятся не только в модели социума, но и в модели космоса, которую исповедуют.

За путчистами — жесткий средневековый канон мужского поляризованного мышления, восходящего к феодально-сталинской модели. Защитники склоняются к, несомненно, более мягкому Возрождению с его культом красоты, Божьей Матери, юности, с его карнавальным весельем и рациональным оптимизмом.

●

На знамени ГКЧП начертано: «Социализм — Порядок — Союз», а на знамени защитников Белого дома: «Россия — Свобода — Конституция». Различие родов подчеркивает общую идею. На стороне путчистов — власть и военная мощь всего государства, на стороне демократов — лишь моральная сила, все преимущества позиции беззащитности.

Этика морального сопротивления — жертвенна, женственна, что, разумеется, только подчеркивает смелость защитников. Идея Иисуса, в чем-то сильно похожая на принцип «поддайся, чтобы победить», духовная стойкость Ганди сильны в даосском смысле слова: «Когда человек рождается, он мягок и слаб. Когда умирает, он жесток и черств» (Лао Цзы).

●

...Путч окрашен во взаимоисключающие цвета: с одной стороны, он воспринимается трагедийно, с другой — нельзя отделаться от чувства комического несоответствия угрозы реальности. Многими поэтому события этих дней воспринимаются либо как инсценировка, либо как фарс.

●

Ощущение веселья и подъема, невзирая на тревогу, страх и драматическое переживание своего положения, — непременные атрибуты особого психологического климата, характерного для «амбивалентных», «краевых», «пограничных» ситуаций. Неслыханная свобода отношений, чувство сплочения и какая-то веселая бесшабашность в сочетании с ощущением внутреннего обновления — результат преодоления инерции привычного. Сбой обыденности, устроенный переворотчиками, окончательно перевернул что-то в сознании миллионов людей. Вместе с чувством ответственности на смену колебаниям, сомнениям, запутанности пришли определенность, развязавшая многие узлы, принесшая в этой страшной ситуации даже некоторое облегчение.

●

...Существенное отличие переворотного мышления — в тяготении к динамике любой ценой. Все устремлено к немедленному и разовому «спасению», «выходу из кризиса», восстановлению «социальной справедливости» одним махом. Словесное декорирование целей и задач переворота может быть любым и часто приходит задним числом. Суть — в предпочтении мгновенной революции всякой эволюционной постепенности. В невозможности или нежелании ждать.

●

Кажущаяся смелость революций на самом деле — не что иное, как истероидная реакция общественного организма, загнавшего самого себя в пессимистический тупик. В переворотной, силовой модели проявляются сразу две черты пирамидального комплекса — презрение к стилю жизни и истинным интересам мирного большинства и стремление действовать, руководясь отвлеченной догмой.

●

Революционер-переворотчик не приемлет действительной жизни, ненавидит женственное, рождающее начало. Дóма, семьи, собственности и труда ему мало. Нужно как минимум кардинально обновить жизнь, если не тотально отменить. Отсюда — обостренное чувство опасности, чувствительность к идее конца, а иногда и болезненное влечение к нему. Мир погряз в блуде, грехе, скверне... Как это напоминает заклинания о «все углубляющемся кризисе капитализма», повторявшиеся десятками лет, и вместе с тем — вчерашние строки из постановлений ГКЧП (и «Слова к народу») с их упором на ригористическую нравственность, требованием «бороться с культом секса и насилия».

Это не случайно. Секс в метафизике и подсознании убежденных «пирамидалов» неотличим от насилия, а насилие — от секса. Ситуация путча продемонстрировала со всей наглядностью, что агрессивное уравнительно-моралистическое сознание (несмотря даже и на то, что его фразеологией лишь прикрывались) всегда готово ожить в вертикальном обществе. Стремление «ввести в бой» армейские структуры принуждения, силовые методы, антирыночные механизмы распределения и перераспределения — симптом окончательной потери пирамидальным комплексом всякой веры в способность оскопленной им общественной системы производить достаточно, чтоб его прокормить.

●

...Отмена «закона нормы» и экстренное переключение на какие-то «законы чрезвычайного времени» — следствие упорного предпочтения катастрофизма в мышлении, нежелания работать в иной картине мира.

В психоаналитической распечатке любой переворот — не что иное, как давно держащийся про запас истероидный вариант демонстративного, а иногда и саморазрушительного поведения, реакция общественного организма на сценарное положение, в которое он сам себя поставил. Поэтому не удивляет обилие мрачных пророчеств и пессимистических прогнозов (включая сюда войну всех против всех, голод, общемировой ядерный конфликт), прозвучавших уже в первые часы путча. Мифологема саморазрушения и гибели, «смерти на кресте» — вечное российское страдательное отношение к жизни, осложненное страхом, — материализовалась в умах подозрительно быстро. К ней оказались невосприимчивы только те, у кого ее никогда не было; кроме того, у многих нашлись силы в ней разобраться и ее преодолеть.

●

Русский изоляционизм, стремление оборвать все связи, кроме внутренних вертикальных, отчетливо просматривается в августовском сценарии, во всей программе действий ГКЧП. Ведь на помощь Запада и сотрудничество с ним путчисты очевидным образом не рассчитывают: Запад

вновь предстал главным врагом «наших». А это значит, что путчевое мышление каким-то неведомым образом консервирует состояния сознания прошлых веков, осколки ментального мира предыдущих переворотов, сворачивая каждый раз в одну и ту же колею. Как взрослый, комплексуя, возвращается в свою инфантильную стадию, так, вероятно, и государства, проходя переломные моменты своей истории, испытывают сильнейшее стремление возвратиться к моделям и временам, когда они только складывались, к тем сценариям, на которые тогда опирались.

Вечные внешние войны, которые вела Россия, татарское иго, разрушение собственной культуры, регулярные набеги то с запада, то с востока, а затем, если взять поближе к нам, Смутное время, петровские реформы и староверческий ответ на них, октябрьский переворот семнадцатого и политика «железного занавеса» — все эти исторические реалии, как мне кажется, могут способствовать сложению весьма определенного канона.

Секрет, очевидно, в державной логике. Благо государства — «машины для подавления одного класса другим», по определению Ленина,— отождествляется с благом страны. Такие ментальные настройки должны были стремиться закрепить державный канон, легитимировать его в общественном сознании.

●

Путчисты обратили серьезное внимание на построение «словесной крыши» для своих действий, ведь написанное слово в каноне средневекового мышления обладает сверхценностью. И если, как уже указывалось, победить древние построения коллективного менталитета новейшими, сколь угодно разумными средствами не удается, должны найтись гораздо более действенные средства, и они должны быть еще более древними.

●

Идеологическо-литературное обеспечение «переворотной» программы «спасения отечества» сделало ставку на почвенность, национальную традицию, чувство общности по крови. И именно здесь, на «своей» территории, потерпело чувствительное поражение.

Какой силы патриотический подъем одушевлял защитников Белого дома России! Какую власть над умами солдат, хорошенько не знающих, за кого они в эти дни, имел призыв не стрелять в своих, русских! С какой мощью материализовался архетип «почвы», когда Борис Ельцин издал указ об отмене распоряжений ГКЧП на территории России, о переходе частей армии, авиации, МВД, КГБ, находящихся на территории России, под его начало!

Почва, мать сыра земля — магические слова, которыми Российский парламент парализовал и заклял «власть тьмы» и «тьму власти». По типологии и силе действия — подлинное заклятие злых духов. Говорили о чуде. Рискну утверждать: это был магический акт.

Обращение к земле — высший и сильнейший регистр русской веры. Духовное поле страны после этих слов стало иным. И не столь важно, что в тот момент не вся страна услышала заявление Ельцина. Главное — его услышали «переворотчики».

●

...Существует немало интереснейших особенностей во фразеологии, символике обращения Ельцина. Начатое с выражения «роковой час», заявление концентрирует внимание на мотивах, подчеркивающих почву и «низ»: «...демократические перемены... растоптаны», «кирзовый сапог диктатуры», «какова степень морального падения»!

Древние символы сгустившейся тьмы («тучи террора и диктатуры») и свободы, которая «воссияет» («как солнце») над нашей многострадальной страной «и теперь уже раз и навсегда», призыв к сплочению перед «реакцией», перед попыткой повернуть время вспять (а в любой модели мироздания поворот времени считается злым колдовством) — все языковые средства обращений и указов Ельцина безошибочны и в сочетании с решительным тоном, обещаниями «воздать по заслугам» и постоянным использованием будущего времени не могли не подействовать.

Отвечая «презрением» на угрозу чудовища, герой отвоевывает у него «верх» в ритуальном, былинном пространстве. Обещание на расстоянии — типичный пример мифологического дальнодействия — обнажило несостоятельность и разобщенность путчистов. Столкновение характеров и соревнование в находчивости,— а пожалуй, и в магических способностях — было проиграно путчистами вчистую. Их мрачной серьезности обращение Ельцина нашло возможным противопоставить даже шутку (в лучших традициях народного юмора): «Можно построить трон из штыков. Но просидеть ли на нем долго?»

Вместе с воспоминанием о солидной компрлекции многих членов ГКЧП ернический намек на «задний ум» превращался уже в ритуальную фигуру поношения. А что творилось в пространстве надписей на стенах! Граффити этих дней — тема для специального исследования.

●

В России влюбляются трояко: из восхищения, что характерно для многих культур, из страха и из жалости. Во многих местных говорах «жалеть» и означает «любить». Бесспорно восхищение, какое вызывает каждый из политических лидеров у своих сторонников и «болельщиков». Но в России — тем более последних лет — эта любовь не была бы столь безоглядной и самозабвенной, если бы к ней не примешивался элемент жалости, боления, сопереживания.

Старая модель — обожание, не отличимое от страха, священного ужаса,— зримо отходит в прошлое. И хотя мы до сих пор не свободны от нее, даже крайне правые круги отлично понимают все выгоды использования новых механизмов завоевания голосов на выборах и процентов в опросах общественного мнения.

Под этим углом зрения становится прозрачнее феномен «плачущего большевика», всевозможные пикетирования и голодовки, самороспуски и самоликвидации, крики о попрании прав человека (раздающиеся из уст тех, для кого права человека всегда были соринкой в глазу). Точно так же неудивительно, что, сыграв в скоротечной исторической мини-драме страдательную роль, Президент СССР повысил было свой рейтинг вполне сравнимо с победителем Борисом Ельциным.

Но, пожалуй, интереснее всего, что женственная мягкость задела крылом и самих «переворотчиков». Ирония истории в том, что хотя гекачеписты и мечтали о сильной руке, сами они ею не были именно в силу своей глубочайшей тоски по ней. Желать — не значит иметь, а тем более быть; в такой деликатной области, как власть, где обнажаются многие подсознательные тяготения, «желать» однозначно переводится как «не иметь» и «не быть».

●

Теневые структуры в дни переворота действовали под покровом тьмы. Власть перешла к ним среди ночи. Кровь пролилась ровно в полночь (древний символ активизации злого начала), к ночи начинается перемещение войск, растет тревога, напряжение...

●

Культ нездоровой секретности, напряженное молчание, вето на обмен информацией и табуирование тематики замечательно напоминают атмосферу семьи, где есть проблемы, где сам воздух пропитан ядом сексуальной неудачи. Мужское клановое мышление совершенно не выносит ситуации открытости, не переваривает жизни без темных углов, толстых стен и закрытых, непреодолимых границ.

Путч обнажил собственные интенции прежде всего всех тех политических фигур, которые решились войти в ГКЧП. Они принуждены были действовать в открытую. Они впервые стали совершенно видны всему миру, со всех сторон. Именно поэтому высокий моральный тонус «переворотчиков» в период, предшествующий путчу, резко упал с момента объявления ГКЧП о своем существовании.

Дело не в психологии, а в необыкновенно резком изменении культурологической модели. Из тени надо было выходить на ярчайший свет.

●

Опыт общественных потрясений в странах с сильным отпечатком средневекового вертикального — монотеистического, фундаменталистского, тиранического — менталитета показывает, что статичные социальные модели «не знают» древней диалектики света и тени. Они стремятся выяснить отношения на дневной стороне горы, чего бы это ни стоило обществу, каких бы жертв ни потребовало. Они находятся в плену манихейских представлений об абсолютном свете и абсолютной тьме, не могущих сойти с мест и поменяться местами.

●

Однако древние эзотерические учения настаивают на описании любого процесса, в том числе и всякой жизни, как складывающегося из двух фаз: манвантары (активного проявления) и пралайи (пассивной дематериализации). Они говорят, пусть и разными словами, что любая идея, вытесненная из дневного мира на периферию существования, не умирает до конца, а живет, лишившись сущности и имени. Тень уступает место свету, но отвоевывает для себя пространство в другой области. Абсолютного небытия, даже после смерти, архаические, формирующие наше подсознание модели Вселенной не знают.

В согласии с этим наиболее умное крыло перестроечной высшей власти пере-

именования и уход в тень предпочитает открытому бою с объективными общественными переменами. Яковлев, Шеварднадзе, Горбачев, да и не только они, признают необходимость «смены имени», ухода в тень. Чтобы «призрак коммунизма» вновь сделался призраком. Чтобы, скрывшись в небытие, правые политические силы, «самораспустившись» и переименовав свои ключевые подразделения, ушли из-под удара.

●

Здесь важно отметить сильнейшее желание верить в магию имени и наивную веру, что изменение имени есть смена души и даже полное перерождение, что сущностно лишь названное. Видимо, православное христианство (столь сильно зачарованное восточной патристикой) существенным образом оказало влияние на большевистскую цивилизацию, склонную придавать терминологическим вопросам огромное значение. Схоластический по существу характер марксистско-ленинского начетничества вкупе с необыкновенным и непонятным на первый взгляд увлечением теоретиков марксизма вопросами языкознания может быть объяснен только с помощью привлечения сравнительно-исторических культурологических методов, выявляющих структурную тождественность разнородных внешне построений.

Примитивный номинализм «правых» приравнивает потерю имени к потере души и к смерти. Тень пугает их, привыкших жить на границе ее. Недаром реальную экономику они сделали теневой, недаром пугали этим словосочетанием широкую публику. Они до сих пор держатся за старую символику и внешнюю, словесную атрибутику — флаги, гербы, имена городов, термин «социалистический»,— которую в спешном порядке меняют с подачи все тех же умных реформаторов, наконец-то понявших, как нужно уходить, чтобы незримо присутствовать. Общий настрой менталитета и в мире теней будет жить, смутно мерцая в любой из областей русской культуры. И все же для многих из них, слепо верящих в абсолютность тени и интерпретирующих ее как гибель, «уход в тень» обернулся действительной смертью. Негибкость модели мира оказалась роковой.

●

Движение переворота имело правый крен и сразу же после изоляции Горбачева нацелилось сверху вниз, репрессивно. Движение же демократических сил после победы у Белого дома, устремилось снизу вверх.

В пространственной модели нашего, до сих пор сильнейшим образом вертикализованного общества это выглядит как спиральный маршрут в гору, по одному склону горы. Этапы этого движения: поездка Руцкого и Силаева в Форос, арест членов ГКЧП, похороны жертв, роспуск КПСС, эпизоды с памятниками, приостановление правой прессы, национализация зданий на Старой площади...

Могут быть два варианта взаимодействия двух спиралей. Новая и старая власти могут встретиться на одном склоне горы — дневном — в открытом вооруженном столкновении. Однако в случае, если старая власть выберет противоположный винт спирали своего ухода, проще говоря, уйдет по противоположной стороне горы, столкновения не произойдет.

Если левые силы дадут осуществиться тихому уходу, они сами неизбежно поправеют и вынуждены будут стать вскоре репрессивной властью. Однако в случае попытки по пятам преследовать уходящих, втаскивая их обратно, в «дневную» область, возможна резкая поляризация всех общественных сил и открытое столкновение.

●

...Впервые, быть может, толпы возбужденных и возмущенных людей защищали власть и закон, а не восставали против них. Впервые народ оборонял дворец, а не брал его штурмом. Впервые массы сплотились не перед внешней опасностью, а перед внутренней угрозой. И может быть, впервые мифологема «центра» сыграла с путчистами злую шутку. До некоторых пор Россия в целом безучастно смотрела на развертывающееся на окраинах империи насилие, как-то плохо веря, что и в Москве, сакральном центре, веками имевшем почти гипнотическую власть над российским сознанием, может пролиться кровь. И когда кровь пролилась, это стало концом ГКЧП.

●

Перечень специальностей и принципы обучения не имеют аналогов среди географических факультетов отечественных вузов.

Географический факультет
Российского открытого университета
приступает к подготовке специалистов —
бакалавров, магистров и кандидатов наук.
За первые четыре года
дается базовая подготовка и диплом бакалавра,
позволяющий преподавать географию в средней школе.
Последующие два года посвящаются подготовке магистров
по одной из специальностей:

региональное развитие, проблемы больших городов,
проблемы сельского расселения,
социальная экология, рекреационная география,
природопользование и экологические проблемы,
политическая география и территориальные конфликты.

Факультет работает на базе
Института географии Российской Академии наук.
Формы обучения — дневная, вечерняя и заочная.
Обучение платное.
Каждый учебный год завершается полевой практикой
в различных регионах России и за ее пределами.
Зачисление без экзаменов.
Специалисты с высшим образованием
зачисляются непосредственно в магистратуру
и освобождаются от вступительных работ.
Занятия начнутся с 1992/93 учебного года.
Дополнительная информация по адресу:

**115561, Москва, а/я № 1 РОУ, географический факультет
и по телефону 230-06-27, по вторникам и пятницам с 13 до 17 час.**

Наблюдающий время

Существует ли связь между расположением небесных светил и судьбами людей? Бессмысленно обращаться с подобным вопросом к официальной науке. Ответ известен заранее. Но люди почему-то не желают мириться с бесспорными истинами и по-прежнему готовы согласиться с древним философом, заявлявшим: «Я, по крайней мере, не знаю ни одного народа, будь то самый цивилизованный и образованный или дикий и варварский, который не верил бы в возможность предзнаменований будущего и в то, что некие люди способны понимать эти предзнаменования и предвещать».

Художница Лидия Кириллова относится как раз к разряду таких людей. Однако о будущем она рассказывает не только и не столько с помощью слов, сколько с помощью живописи. Л. Кириллова дает несколько необычное определение своему творчеству — «мистический реализм». Эмоциональное восприятие астрологии способствовало рождению графической серии из двенадцати листов. Перед нами один из них — «гороскоп» на этот год, «год Обезьяны». В нем, как и во всех других, нашел отражение взгляд художницы на астрологию.

Что же сулит нам ближайшее время? «Гороскоп» Л. Кирилловой дает довольно четкий ответ. Надо только понять знаки-символы ее графики, а для этого вспомнить, что говорят о «годе Обезьяны» на Востоке. Китайцы приписывают людям, родившимся под знаком столь милого животного, много ума, любознательности, страсть к актерскому ремеслу и научно-открывательской деятельности. И, разумеется, удача в «год Обезьяны» первой придет к тем, кто родился под ее знаком, а дальше по очереди: к «Крысе», «Дракону», «Кабану», «Кролику», «Овце», «Быку», «Петуху», «Лошади», «Собаке», «Змее», «Тигру».

Обезьяна любит посмеяться над другими, у нее четыре руки. Легкость мышления и хорошие, умелые руки дают людям-«обезьянам» переизбыток занятий. А Меркурий, освещающий путь этого года, приведет умную Обезьяну к многочисленным операциям по бизнесу. Обезьянку одновременно волнуют и забавляют многие явления.

Наша героиня в изображении Л. Кирилловой приобрела застывшее лицо мумии. Наверное, это не случайно. Так же, как не случайны и большой фиолетовый бант на шее — символ актерства, и стеклянная колба в ее руках. Если приглядеться, можно различить в сосуде нечто, похожее на скелет рыбы. По мнению художницы, этому «нечто» суждено превратиться в рыбий клей. (Вероятно, намек на то, что на смену «эпохе Рыб» идет «эра Водолея».)

1992 год имеет свой цвет — черный. И из черноты вспархивает бабочка будущего. Цифра «шесть» — число Венеры, символ гармонии; планета года — Меркурий, покровитель коммерции и общения; животный символ — Черепаха, значение которой в ее панцире — «доме». Строительство или покупка дома в этом году будут важным делом.

1992 год с позиции нумерологии символизируется числом «три» (три — сумма суммы всех цифр года). Как считает Корнелиус Агриппа, число «три» — это неустойчивый треугольник, вмещающий в себя прошлое, настоящее и будущее; затем — талант, веселость, приспосабливаемость. И 1992 год можно считать переходным. Груз прошлого и будущего мешает настоящему. Зато последующий год символизируется числом «четыре» — квадрат, устойчивый и прочный. Пятому году — 1994 — присущ риск, поиск и одновременно стабильность, а в шестом году — 1995 — уже присутствует надежность.

«Год Обезьяны» особенно привлекателен для цивилизованных стран: новые разнообразные упаковки, любопытные и замысловатые игрушки — одним словом, множество нужных и ненужных мелочей. Но для нашей страны — множество проб и ошибок в области бизнеса, и часто дело будет выглядеть как мартышкин труд.

Кажется, все. Остается добавить, что «гороскоп» в переводе с греческого означает «наблюдающий время».●

Много полезного не случится, если пороки будут запрещены.

Фома Аквинский

Ю. Латынина

Бернард Мандевиль, или Возражения против национализации добродетели

Маленькая книжка «Возроптавший улей, или мошенники, ставшие честными» впервые появилась как анонимная брошюра в Лондоне в 1705 году. Книжка немедленно обрела скандальную популярность. Последовало множество пиратских изданий, и в 1714 году новое издание «Басни о пчелах» было дополнено обширными комментариями. С самого начала написанная как весьма схематичная аллегория, «Басня» обрастала дополнениями и стремительно превращалась в философский трактат о природе общества, с обширным литературным эпиграфом.

Томас Мор был казнен за веру, но никто не подумал судить его за «Утопию».

Томмазо Кампанелла сел в тюрьму за организацию вооруженного восстания, но никто не судил его за «Город Солнца».

Габриэль де Фуаньи был изгнан Женевским судом из города за скандальное поведение (впрочем, порядки в кальвинистской Женеве были не из либеральных), но его описание «Южной земли» судебных преследований не повлекло.

Странное дело! И знать, и нарождающаяся буржуазия отнеслись к своим хулителям, мечтающим об обществе без угнетения и без эксплуатации, столь же благосклонно, как к воскресным проповедникам и грезам поэтов о Золотом веке.

Но «Басня о пчелах», посвященная некоторым ускользнувшим от утопистов подробностям совершенно добродетельного общества, подвергалась и единодушному осуждению, и судебному преследованию. Большое жюри Мидлсекса законодательно уличило автора в намерении восхвалять «роскошь, скупость и всякого рода пороки как необходимые для благосостояния народа и не ведущие к разрушению нашего строя».

Буржуазная Фемида совершенно забыла, что ей полагается защищать апологетов духа экспансии, эксплуатации и наживы. Имя Бернарда Мандевиля стало жупелом для людей благочестивых и состоятельных, для утонченных аристократов и честных буржуа. В осуждении Мандевиля сошлись мыслители, которые ни в чем больше и не сходятся: например, Джордж Беркли и Адам Смит...

Почему же апология наживы возмутила общество куда больше, чем апология коммунизма?

Улей, жизнь которого описывает Мандевиль, — не общество вообще, но именно Англия начала XVIII столетия — монархическое, богатое, промышленное, захватническое общество, изобильное дворянами и тунеядцами, крючкотворами и купцами, промышленниками и ворами.

В этом обществе,— начинает свою апологию Мандевиль,— одни, владея несметными богатствами и не утруждая себя,

Иероним Босх. Наперсточник.

занимались прибыльными делами, другие же едва могли прокормиться изнурительным трудом. В этом улье не было ни одного занятия, где бы ни плутовали, но правосудие карало лишь тех, кто нарушал закон из-за крайней нужды, и тем вернее обеспечивало безнаказанность богачей. Правосудие жило плутнями, чиновники — поборами, а священники — ханжеством.

Не моргнув глазом, перечисляет апологет существующего строя все то, в чем этот строй без конца упрекали утописты: голод голодных и сытость сытых, обман как основа торговли и суд как защита мошны.

И в торговле, как ее описывает Мандевиль, цена зависит не от спроса и предложения, а от ловкости, с которой обманывают друг друга покупатель и продавец.

Вот некий Алькандер продает Децио партию сахара. Пока оба торгуются, Алькандер получает известие, что из Вест-Индии плывет значительная партия товара, которая, несомненно, собьет цену. Желая, чтоб покупатель не услышал новости, Алькандер приглашает его в свой загородный дом для заключения сделки. Децио с благодарностью принимает приглашение, и во время одной из прогулок узнает, что ожидавшийся из Вест-Индии сахар потонул. Следует описание того, как Децио и Алькандер, степенно надувая друг друга, заключают сделку. Уважаемые, степенные люди — не более, чем ловкие мошенники, заключает Мандевиль.

Но главное для него — не статические картинки, а их взаимосвязь; не части шарады, а ее значение в целом.

«Хотя каждая часть улья была исполнена пороков, в целом он является раем. В нем даже самый худший из массы пчел всегда предпринимал что-нибудь для общего блага. Роскошь давала работу миллиону бедняков, а непомерная гордость — еще миллиону». Всякая нелепица, с точки зрения здравого смысла, например изменчивость моды, превращалась в двигатель торговли; порок воспитывал изобретательность, и именно его непостоянство устраняло те недостатки, которые не мог предвидеть никакой благоразумный план.

Однако пчелы при каждом удобном случае

клеймили пороки, в которых погряз мир. И чем больше каждый знал о собственных плутнях, тем больше каждый ненавидел плутни других: плутни судей, плутни торговцев, плутни правительства.

Боги рассердились на непрестанные стенания и даровали пчелам честность. Тут же мясо по всей стране подешевело на фунт, адвокаты засмущались и замолкли, солдаты убрались из чужих краев, и ту работу, которую выполняла за взятку сотня чиновников, теперь стал выполнять один. Но увы! На этом совершенствование общества не остановилось. Вслед за крючкотворами и мотами стали понемногу исчезать торговля, ремесло и прочие виды деятельности. Оказалось, что нельзя назвать ни одного ремесла, искусства, положения или занятия, которые не были бы излишними в таком благословенном состоянии. И в конце концов самодостаточный улей, стремясь избежать излишеств, вылетел в пустое дупло дерева, радуясь своему довольству и честности.

Басня начинает с бестрепетного сатирического описания мира, где царит вопиющая несправедливость. Басня кончает советом всем тем, кто жаждет искоренить раздоры и пороки, кто хочет возвести добродетель в государственный закон:

Одна добродетель не может сделать
народы процветающими;
Кто хотел бы возродить золотой век,
Должны быть готовы не только стать
честными,
Но и питаться желудями.

Вероятно, «Басня о пчелах» не вызвала бы такого негодования, явись она во Франции. На континенте уже привыкли к новейшему скептицизму Монтеня и Бейля, к горькому сарказму Ларошфуко.

В сущности, мироощущение французских моралистов XVII века тем и отличается от взглядов Просвещения, что и для Ларошфуко, и для Паскаля несправедливость — врожденное, а не благоприобретенное качество мира. «Пороки входят в состав добродетелей, как яды в состав лекарств» (Ларошфуко). И если идеологи Просвещения считали, что лекарства без яда будут лучше действовать, то Ларошфуко констатирует другое: «Люди не могли бы жить в обществе, если бы не водили друг друга за нос».

Но французские моралисты пишут о человеке и обществе; Мандевиль пишет о человеке и хозяйстве. Те недостатки, которые в обществе оказываются фактором неизменным, в хозяйстве становятся фактором изменения и прогресса.

Есть, впрочем, и еще один мыслитель нового времени, который пытается вывести общественное равновесие не из упорядоченных деталей, а из неупорядоченных процессов.

Для Макиавелли Римская республика — образцовое государство, и является таковым из-за сочетания в нем трех хороших форм государственного правления: монархии, аристократии и народного правления. Тут он опирается на стандартную в римской историографии теорию. Но отличие Макиавелли в том, что он как раз настаивает на негармоничности этого сочетания. Из гражданских раздоров «проистекали не изгнания и насилия, наносящие урон общему благу, а законы и постановления, укрепляющие общественную свободу».

Смуты привели Рим к гибели? Отнюдь нет, отвечает Макиавелли: республика погибла, когда смуты сменились единогласием.

Мизантроп Мандевиль глядит на экономику так же, как мизантроп Макиавелли — на политику. Они выводят общественное благо из противоположности интересов членов общества, а не из насильственного единства. Для обоих государство — это не симфония, где каждая нотка должна знать свое место, а арка, которая устремляется ввысь потому, что каждый камень стремится упасть.

Поскольку Мандевиль признал все элементы общества: и правительственных чиновников, и уходящую аристократию, и нарождающуюся буржуазию — равно порочными и равно необходимыми, ему досталось и от консервативных защитников аристократии, и от прогрессивных защитников буржуазии.

Анонимный консерватор, автор письма против «Басни о пчелах», опубликованного 27 июля 1723 года в «Лондон Джорнел», обвинил Мандевиля в заговоре против религии и уголовно наказуемом стремлении «подорвать и разрушить наш строй под благовидным предлогом его защиты».

Уверенность Мандевиля, что бережливое и честное общество не обеспечит своим согражданам «даже сносной одежды или горшка каши», показалось оскорблением Бога, но это было лишь оскорблением уходящей идеологии. Насмешкой над мировоззрением, где Бог, за неимением рынка, действовал в качестве верховного распределителя и следил за тем, чтоб материальные продукты в фиксированном порядке обменивались на нематериальные преимущества: законы, защиту, управление

Защитникам грядущего экономического строя Мандевиль, однако, тоже не угодил; его идеи в корне противоречили протестантской этике и тому почетному и трепетному отношению к труду, которые и были основой самосознания и самооправдания предпринимателя.

«Труд есть правовой титул собственности»,— провозгласил Локк. Капитал как продукт труда он противопоставил другим формам собственности как продуктам внеэкономической эксплуатации. Английские экономисты следовали за Локком.

Для Мандевиля же общественное благосостояние происходит не из труда, а из обмена; его интересует функционирование собственности, а не ее родословная. Роскошь дает работу тысячам бедняков, а праздность — еще миллиону. Для Адама Смита, наоборот, всякий непроизводительный работник — чистый поглотитель дохода; и не процессы обмена, а бережливость оказывается непосредственной причиной умножения капиталов. Расточительность, праздность и плохое хозяйствование при этом — синонимы.

Трудовая теория стоимости сама указывает себе свои границы, поясняя, что артисты, музыканты, администрация, армия не прибавляют ни к чему никакой ценности. «Служба их, как бы она ни была почтенна, полезна и необходима, не производит ничего такого, на что можно было бы потом приобресть такое же количество труда» (А. Смит).

Адам Смит и его последователи непременно хотели выстроить общество из овеществленного труда, поддающегося формальному учету и контролю. Мандевиль строит общество из процессов обмена, принципиально не формализуемых. При этом в «процесс обмена» входит и получение взятки, и получение прибыли, и воровство. В ту эпоху, когда буржуазия старательно противопоставляет свои трудовые доходы внеэкономическому грабежу привилегированных сословий, когда она противополагает свой мирный, частный труд политике завоевания и насилия, Мандевиль качественно уравнивает барыш, взятку, войну и воровство как ипостаси процесса обмена.

Если Адам Смит был противником Мандевиля, то современные рыночники реабилитируют его. Ф. А. Хайек с почтением пишет о Мандевиле как о человеке, который видит в общественном благополучии «результат индивидуальных влечений, которые не имеют в виду подобной цели, но направляемы к ней социальными институтами, обычаями и правилами, которые, в свою очередь, также никогда не были сознательно придуманы, а выросли путем естественного выживания того, что было пригодным».

Хайек несколько модернизирует Мандевиля, заставляя его возражать идее планируемого общества и подгоняя его мысли под свою концепцию капитализма как «игры с ненулевой суммой, такой игры, в которой количество делимых благ постоянно возрастает, оставляя индивидуальную долю случаю».

Мандевиль, однако, высмеивает прежде всего не коммунистическую, а патриархальную утопию: идею национализации добродетели, а не идею национализации производства. Но эти идеи схожи: одна отрицает собственность как внешнее условие человеческой свободы, другая — человеческую свободу как первую и главную собственность личности. Одна является на смену другой.

Обе описывают экономику и цивилизацию как систему упорядоченной и гармонической дележки благ, дарованных в изобилии. Мандевиль же описывает экономику и цивилизацию как систему правил, возникающих из богатства возможностей использовать недостаточные средства.

Мандевиль не упускает упомянуть, что благодаря изобретательности, вызванной в конечном счете редкостью благ, то, что некогда было роскошью, стало доступно даже для бедняков. Однако в целом понятие «развития» для него, как и для его эпохи — не ключевое слово. И характерно, что развитие он понимает прежде всего как физическую экспансию, расширение, захват новых рынков и новых владений.

Ключевые слова Мандевиля не «предприимчивость» и «бережливость», но «скупость» и «расточительство», «роскошь» и «нищета». Это понятия, связанные не с производством, а с потреблением.

Мандевиль тем и интересен, что в нем сталкиваются две эпохи. Он берет категории уходящего общества, категории «бедного» и «богатого», а не «капиталиста» и «пролетария». Он замечает лишь разницу в объеме собственности, а не разницу в ее структуре.

Но он применяет эти категории к новому обществу, где все течет, все обменивается и все продается, и получает парадоксальный результат. Вместо того, чтобы сказать, что торговец, имеющий прибыль с товара,— это плохо, он говорит: судья, берущий взятку с должности — это хорошо!

В обществе, которое описывает Мандевиль, предприниматель и рабочий взаимно

Окончание на стр. 121

ПРАВО на одаренность

«Надо сказать жестко и без обиняков: социальная задача, стоящая сейчас перед нами,— поиск и воспитание одаренных детей, ибо талантливые люди — главное богатство общества. Мы просто обязаны перейти от безличного образования к системам, выявляющим, воспитывающим и оберегающим детскую одаренность. Индивидуальную одаренность каждого».

Такими словами председатель Госкомобразования Г. А. Ягодин открыл межреспубликанскую конференцию «Творческая одаренность: проблемы, поиски, решения», организованную в конце прошлого года Межреспубликанским благотворительным фондом развития и поддержки одаренных детей и молодежи ДАР (диагностика, адаптация, развитие).

А. Кузякин (вице-президент фонда): — Фонд создан в прошлом году Гособразованием СССР в рамках комплексной программы «Творческая одаренность» и союзом «Трансэкспо» с целью объединения научных и педагогических сил, работающих над проблемами развития творческих способностей личности.

В жизни любых благотворительных фондов явно или неявно соперничают две основные стратегии. Одна — стратегия «скорой помощи»: одеть, обуть, накормить, достать лекарства и т. д. Иными словами, стратегия «дать рыбу». И другая — «научить ловить рыбу». Эта стратегия приносит результаты не сразу, но результаты, способные к самовоспроизводству. Именно эта стратегия определяет задачи фонда:

организация деятельности по поиску, отбору и поддержке одаренных детей и молодежи, создание условий для их обучения и раскрытия творческих способностей;

оказание помощи государственным учреждениям, а также другим организациям и лицам, участвующим в работе с одаренными детьми и молодежью;

содействие созданию и деятельности школ интенсивного обучения, школ-сессий, совершенствованию форм и методов учебного и учебно-воспитательного процессов;

содействие развитию деятельности научно-исследовательских институтов, вузов и других учебных заведений страны, работающих над реализацией целевой комплексной программы Госкомобразования «Творческая одаренность»;

участие в финансировании научно-производственной, экспериментальной и иной деятельности в интересах одаренных детей и молодежи;

содействие развитию форм и методов социальной поддержки и защиты одаренных детей и молодежи.

А. Асмолов (председатель научного совета фонда): — «Все что угодно, но только не невнимание. От этого они захиреют». Эти слова из «Мастера и Маргариты» можно поставить эпиграфом к практическим задачам фонда. Мы десятилетиями жили в координатах унификации, уравниловки, даже на подвиг у нас «был готов» любой — лишь бы приказали. Отсюда — установка на «среднего» ученика, «среднего» студента, «среднего» специалиста. Мы ввели в разряд бранных само понятие «элитность», сохранив его положительный статус только для семян и животных. Мы выстроили на пути одаренности стену непонимания и равнодушия. Программа «Творческая одаренность» — социальная вакцина против общественного равнодушия к одаренности. Научный смысл программы — понять развитие и психологические закономерности самой природы творческой одаренности, обеспечить возможности использования этих закономерностей для создания таких методов обучения, которые выявляли бы одаренность ребенка.

Ю. Шерстенников (генеральный директор фонда): — Все это и определило нашу работу. Фонд предлагает защиту авторских прав и издание уникальных авторских методик. Наш редакционно-издательский отдел уже подготовил несколько авторских учебных пособий и принимает заказы на них от учебных заведений любого типа и профиля — вокруг фонда уже сложился сильный коллектив исследователей самого разного профиля, создан и представительный экспертный совет. И если обобщать, то можно уже сейчас выделить наиболее важные направления нашей практической деятельности. Это — диагностика способностей, создание развивающих программ в самых разных областях (физика, искусство, менеджмент...), экспертиза методик и практики параллельного обучения, информационный анализ практики развивающего обучения в стране и подготовка рекомендаций органам образования, психологическая поддержка и психотерапия одаренных детей, социальная защита прав одаренного человека — мы образовываем службу «Адвокат интеллектуальной собственности» и создаем банк сведений «Мастер» — о методах и принципах работы тех учителей, которые активно работают по программе «Творческая одаренность».

С. Алпаткин (президент фонда, президент союза «Трансэкспо»): — Иными словами, сверхзадача нашей работы — объединить усилия тех, кто осознал как личную необходимость делать все для преумножения интеллектуального капитала общества. За короткое время — около полугода всего — мы сумели найти в стране множество детей, исключительно талантливых, способных, одаренных, накопить объемный информационный банк данных об открытиях и изобретениях. И я от имени фонда обращаюсь ко всем читателям «Знание — сила»:

Если у вас есть заинтересованность в совместной работе с нами, если вам дорого интеллектуальное развитие общества и если вам может быть полезна наша информация, вы откликнетесь на наш призыв, внесете свой вклад в общее дело, и мы сумеем сообща сделать очень многое для талантливых детей и молодежи, для народного образования, для стабильного и обеспеченного будущего нашей страны.

А. Кузякин: — И все свои предложения, пожелания, разработки направляйте по адресу: 113833, Москва, Люсиновская ул., 51, Фонд «ДАР».

Заключение от редакции

В свою очередь журнал «Знание — сила» как коллективный член фонда открывает на своих страницах постоянный раздел, посвященный проблемам одаренности. В одном из ближайших номеров будут опубликованы материалы «круглого стола», проведенного на конференции нашей редакцией совместно с научным советом фонда.

Скажите, как вам живется? Только сразу — оставим в стороне политику. Как дела дома? На работе? Не ссоритесь ли с друзьями? Если эти вопросы вас волнуют, мы рады. Потому что наша редакция подготовила серию материалов, посвященных человеческим взаимоотношениям. Мы рассчитываем публиковать их в течение всего года.

DELLA FISONOMIA
DI TVTTO IL CORPO HVMANO
DEL S. GIO BATTA DELLA PORTA
ACC. LINCEO
Libri Quattro
Ne' quali si tratta di quanto intorno a questa materia n'hanno i Greci Latini e gli Arabi scritto
Hora breuemente in tauole sinottiche ridotta et ordinata
DA FRANCESCO STELLVTI
ACC. LINCEO
DA FABRIANO
All' Em.mo et Rev.mo Sig. Cardinale
FRANC. BARBERINO

Титульная страница итальянской книги о физиономистике, изданной в Риме в 1637 году (первое издание — 1586 год). Перед нами — своеобразная попытка найти типологическое соответствие между человеком и животным. Автор предлагает классифицировать человечество по другим критериям.

«Дайте мне шесть открыток с надписью «Моей единственной». Это анекдот. А в самом деле? Сколько открыток купили бы вы? Существуют ли законы, определяющие, насколько двое необходимы друг другу? Оказывается, такие законы есть. Их изучает соционика — наука пока малоизвестная. Она позволяет любым, даже незнакомым людям предсказать модель их будущих отношений. Если у вас мелькнула мысль о шарлатанстве, значит, вы разумный человек, и ваше мнение будет нам особенно ценно. А чтобы оно было обоснованным, вам и предлагается этот рабочий материал. Можете рассматривать его как веселую интеллектуальную игру. Но не исключено, что игра заставит задуматься над важными вопросами. Что ж, в таком случае мы считаем свою задачу наполовину выполненной.

И. Вайсбанд

Кто я такой? Немного о соционике

Нет плохих людей...

В те времена, когда вся Европа сходила с ума от психоанализа, один из ведущих психоаналитиков, любимый ученик самого Фрейда и главный редактор психоаналитического журнала, Карл Густав Юнг, воспользовавшись богатейшим опытом глубокого и откровенного общения с людьми, какой давали многочасовые сеансы работы с пациентами, нащупал некую типологию, классификацию людей. Ее он изложил в своей книге «Психологические типы». Со смертью автора эта типология была в некоторой мере утрачена, поскольку не была снабжена объективной методикой определения типа. На нее наткнулась литовская исследовательница Аушра Аугустинавичюте, которую интересовал тогда вопрос, какими же законами определяется жизнь в нашей стране. Как экономист по образованию она четко понимала, что это не экономические законы, и пришла к выводу: это — законы человеческих отношений. Вот почему типологию Юнга она рассматривала со стороны, неожиданной для него самого: а не определяются ли отношения людей их типами? Выяснилось, что очень даже определяются. Сакраментальная формула «не сошлись характерами» именно это и подразумевает. Проводя соционическое консультирование предприятий, мы нередко сталкиваемся с душераздирающими картинами. Конфликтеры — так называется одно из соционических «интертипных» отношений — работают рядом. «Я каждый день плачу»,— говорит женщина. Но она считает, что так и должно быть: она не знает, что можно получать зарплату, не страдая! Как не вспомнить легенду о спартанском мальчике и представления спартанцев о доблести.

Наши представления о доблести включают такие добродетели, как «стаж работы на одном месте». Один советский эмигрант за первый год своего пребывания в США поменял двенадцать мест работы. После шестого увольнения только ответственность за судьбу семьи удержала его от самоубийства. Для человека, привыкшего рассматривать увольнение как экстраординарное событие, такое трудно пережить. Зато потом он нашел свое место и стал миллионером. Опытный соционик мгновенно узнает жертву нашего производственного «гуманизма» — это затравленные, неуверенные в себе, преждевременно постаревшие люди. Они считают себя никуда не годными неумехами просто потому, что попали не в свое окружение.

А семьи? Только опасение кулачной расправы удерживает социоников от того, чтобы встать перед загсом и говорить: у вас дело пойдет, а у вас — нет. *Ведь нет плохих людей, есть плохие отношения.*

Именно к такому выводу пришла создатель соционики Аушра Аугустинавичюте. Соционика находится на стыке социологии, психологии и информатики в смысле науки об обработке информации. Происхождение ее носит эмпирический характер. Опираясь на работы Юнга, Аушра поначалу просто обобщала наблюдения от глубокого и творческого общения с людьми. Затем появилась некоторая система.

Итак, соционика — это наука, искусство, технология или игра, заключающаяся в умении определять тип личности человека, правильно строить с ним взаимодействие и общение, помочь ему лучше понять себя, оптимально формировать семейные, производственные и досуговые коллективы.

Всякая наука начинается с классификации. Аушра Аугустинавичюте предложила классификацию людей, непосредственно связанную с процессами информационного обмена в обществе. Перед вами не стройное изложение ее теории, а практическое руководство для действующего соционика-любителя. Скорей «поваренная книга», чем «учебник биохимии». Ее надо не читать, а использовать практически.

Разум или эмоции?

Еще одна шутка: «Женщины ошибаются, считая, что все мужчины одинаковы. А мужчины ошибаются, считая, что все женщины разные». Что люди разные, замечают многие. Некоторые понимают, что они имеют право быть разными. Истина, однако, заключается в том, что все и должны быть разными.

Замечено, например, что люди делятся на «логиков» и «этиков». Этики несколько меньше интересуются техникой, законами, математикой и прочими объективными вещами. Зато они отлично понимают настроения, чувства, переживания людей. Этик точно выверяет симпатию или антипатию, которую внушает ему тот или иной человек. Старая проблема — действительно ли мужчина выбирает женщину или ему это только кажется, а на самом деле женщина выбирает его — имеет такое решение: всегда выбирает этик независимо от пола. Только он по-настоящему понимает, что такое «любовь», а логику остается лишь благодарно принимать его трактовку. Этик оценочен по природе. Он смело говорит: «это подлец», «я люблю», «я ненавижу». Логик же предпочитает, как истый британский джентльмен, ограничиваться констатацией фактов. А если начинает ругаться, то делает это крайне неталантливо, потому что работает при этом не на своих сильнейших психических функциях. Позже мы объясним, что это значит. Логику лучше оставаться на почве логики.

Очень важный момент: шкалы в соционике не носят характера непрерывного континуума. Они дискретны и имеют всего два значения, полюса. Вы можете быть либо логиком, либо этиком. Точнее так: в борьбе между разумом и чувствами рано или поздно, годам к пяти, побеждает либо то, либо другое. (Как гласит афоризм одного из мыслителей, «ничто так не мешает настоящему разуму, как эмоции, и ничто так не мешает истинному чувству, как разум.) Встречаются логики с очень сильной эмоциональной сферой, но она всегда играет при этом подчиненную роль, чувства выступают служанкой разума. И наоборот, встречаются этики с сильным, но подчиненным чувствам рассудком.

Во всяком случае, речь здесь идет о двух разных, непохожих друг на друга механизмах обработки информации, отражения окружающего мира. Юнг назвал их психическими функциями. Слова «уравнение не имеет решений» и «я люблю тебя» адресованы разным структурам головного мозга.

Кому что дорого?

Другая соционическая шкала — «экстраверсия — интроверсия» имеет иную природу. Любая из функций может находиться в экстравертированной или интровертированной установке. Экстраверты — люди, у которых доминирует экстравертированная функция,— более открыты, общительны, активны, легко меняют окружение. Интроверты спокойны, скромны, склонны дорожить сложившимися связями. Например, если женщина поет: «А я в любовь, как в море, кидаюсь с головою...», то она, скорее всего, этик и экстраверт. Избранник же ее («А ты такой холодный, как айсберг в океане, и все твои печали под темною водой»),— очевидно, логик и интроверт. Случайно ли такое противопоставление? Нет. Здесь вступает в действие принцип дуализации — взаимного дополнения партнеров. Этику нужен логик. Если слишком много этиков собираются вместе, возрастает элемент бестолковости. Это чрезвычайно интересно наблюдать в управленческих командах. Если там постоянно бушуют какие-то эмоциональные бури, кто-то кого-то любит, кто-то кого-то ненавидит, постоянно происходит выяснение отношений, работа же находится в состоянии полной запутанности, ясно, что коллектив преимущественно этический.

Но и логику нужен этик: «Твой стиль суховатый и сдержанно краткий восторженно хвалят друзья. Уздечка нужна, чтобы править лошадкой, но где же лошадка твоя?» В логических коллективах скучно. Там некому разобраться в человеческих отношениях. Некому сказать, что эти поступки, эти люди могут быть и полезными, но подлыми. Некому создать настроение, тонус для работы.

То же самое касается экстраверсии и интроверсии. Атмосферу, которая создается там, где собирается слишком много экстравертов, можно почувствовать в местах, куда люди съезжаются подзаработать денег,— экстраверту легче сорваться с насиженного места. Эти места поражают духом вокзальности, неустроенности. Люди приезжают не обустраиваться, а подзаработать и уехать. Характерна и статистика разводов. В целом по стране на 100 браков приходится 30 разводов. В крупных городах — 50. В Тольятти на 100 браков приходится 105 разводов. Как такое возможно? Приезжают семьями и там разводятся. Экстраверт ориентирован на объекты, а интроверт — на отношения между ними. Объект это я, это ты. Если экстраверт стал умнее, сильнее, ему не придет в голову это маскировать ради сохранения отношений. «Если я тебе не нравлюсь таким, как я есть или хочу стать, я порву с тобой отношения». Все очень просто.

Интроверт дорожит прежде всего отношениями. Он склонен перевоспитывать партнера, приспосабливаться сам, но отношения должны сохраниться. Это его константа. Когда собирается слишком много интровертов, наступает застой: никто не хочет показаться нескромным выскочкой, пытающимся сломать сложившуюся систему отношений. Кстати, нашей страной в течение шестидесяти лет подряд управляли интроверты. Это, видимо, сказалось на своеобразии законодательства о выезде.

Семья из двух интровертов много времени проводит дома. Им тоже нравится общаться, но надо, чтобы кто-то вытащил. Типично интровертная система в Японии. Скромные японцы не рвутся к саморекламе, отдавая весь жар своей души служению родной фирме. Таков национальный характер, и в Японии едва ли прижилась бы система, не учитывающая его своеобразия. Интересно, что систему пожизненного найма некоторые авторы рассматривают чуть ли не как экономическую диверсию американцев, внедрявших после окончания войны этот «устаревший» механизм, чтобы навеки угробить потенциального конкурента.

Кто кому нужнее?

Сейчас мы рассмотрим еще две психические функции и связанную с ними шкалу «сенсорика — интуиция». Вспомним снова старую песню:

Качает, качает, качает задира-ветер фонари над головой,
Шагает, шагает, шагает веселый парень по осенней мостовой,
Листает, листает, листает учебник физики листает на ходу,
Не знает, не знает, не знает, что каждым утром я вслед за ним иду...

Парень явно «интуитивный». Весь погружен в свои формулы, не замечает ни фонарей, ни листьев, которые ветер гонит по мостовой, ни даже девушки, которая так самоотверженно за ним ходит.

А вот девушка все это замечает, потому что поет о множестве подобных милых мелочей, которые создают прелесть ветреного осеннего утра. Можно предположить, что парень рассеянный, не очень способен проследить за своей кормежкой и за внешним видом. И не сможет даже толком отстоять свои интересы. Его любой обманет, не то что нашу героиню. Она-то не даст себя, а при случае и его, в обиду. Она твердо знает, что «формулы счастья в учебниках нет», за счастье надо бороться.

Сенсорик живет по принципу «здесь и теперь». При возникновении даже намека на спорную ситуацию он стремится тут же разобраться и отстоять свои интересы.

Так, как он их понимает. Интуитивный же в таких ситуациях не то чтобы теряется, но предпочитает приотступить, отложить вопрос в расчете на то, что само развитие ситуации во времени решит проблему. А тенденции он чувствует лучше.

Типичный пример борьбы между сенсориком и интуитивными — война 1812 года. Наполеон Бонапарт — сильнейший сенсорик — всегда стремился овладеть инициативой; серией коротких и быстрых ударов разбить, опрокинуть неприятеля. У него были простые и надежные принципы: в решающий момент в решающем месте иметь решающий перевес сил. Этого хватало для победы. Пока он не столкнулся с сонно-неторопливым Кутузовым. Стиль ведения боевых действий у Кутузова типично интуитивный. Уклоняться от решительных столкновений — противник в них сильнее. Отступать, имея в виду, что коммуникации врага при этом растягиваются, армия тает от необходимости их охранять, от болезней, от голода, от мороза. Зная все это заранее, можно и поспать на военном совете, а юные корнеты петушатся и рвутся в бой.

Но лучше, конечно, интуитивному не воевать с сенсориком, а дружить. Тот и накормит, и среагирует на неожиданную возможность или опасность. А интуитивный подскажет перспективное дело, предупредит о будущих неприятностях, даст идею. Здесь снова действует принцип дуализации. Когда в коллективе слишком много сенсориков, в нем царит напряженность. Некому сгладить противоречия — все с тревогой наблюдают за куском, который несет ко рту сосед: не мой ли?

Организацию, где доминируют интуитивные,— какой-нибудь малооплачиваемый НИИ (сенсорики туда не идут) — вы можете узнать по телефону. Таким расслабленно вялым, беспомощным голосом вам ответят: «Алло... алло...». Интуитивность, доведенная до абсурда,— это Васисуалий Лоханкин, размышляющий о судьбах русской интеллигенции и забывающий гасить свет в туалете. Сенсорика — Плюшкин, Собакевич. Винни Пух и Карлсон, который живет на крыше,— тоже сенсорики. Интуитивны Дон Кихот, живущий в выдуманном им самим мире, Пьеро из «Золотого ключика», Раскольников из «Преступления и наказания».

Что за тип?

Теперь нам осталось ввести последнюю, четвертую основную шкалу «Рациональность — иррациональность». Иногда используются термины «шизотимия» — «циклотимия», но от них слишком пахнет больницей. Ось эту ввел некогда Кречмер, первым заметивший отличие людей с несколько угловатыми, фиксированными движениями (шизотимов) от людей, двигающихся мягко, округло, по-кошачьи (циклотимов). Для иррациональных характерна определенная непредсказуемость действий. Они склонны к импровизации, действуют под влиянием сиюминутного состояния, ситуации, ощущения. Плавность движения руки иррационального объясняется тем, что он, собственно, не знает, куда должна прийти эта рука, и сверяется в каждый момент со своим ощущением — не пришла ли она уже в удобную позицию? Рациональный, напротив, сразу знает, куда он поместит руку. И если намеченная точка оказалась по ошибке несколько ниже поверхности стола, рука ощутимо шлепнется на эту поверхность. Так же и действие рационального предпринимается с расчетом довести его до конца. И будет по инерции продолжаться даже некоторое время после того, как изменение ситуации сделает это бессмысленным.

Кречмер отметил жизнерадостную непоследовательность и даже беспринципность иррациональных. Он привел в пример Мирабо, человека, легко менявшего галсы в зависимости от направления ветра. Напротив, мрачные и несгибаемые фанатики чаще рациональные. Таков Лютер, борец за идею. Или Шлиман, раскопавший Трою.

У иррационального всегда есть цель или идея, или намерение, но далеко не всегда конкретный план, метод их достижения. У рационального, напротив, всегда есть определенный план. Даже если выполняется он просто в силу многолетней привычки. Как говорится, «окончательно потеряв из виду цель, мы удвоили свои усилия».

Отрицательные последствия перебора в любом из этих качеств очевидны. Однако принцип дуализации здесь так непосредственно не действует. Дуальная, то есть наиболее оптимальная пара людей обладает одинаковыми значениями по этой шкале. Уравновешивание происходит в более крупных коллективах.

Реально за шкалой «рациональность — иррациональность» стоит доминирование логики либо этики в первом случае (рациональность) и сенсорики либо интуиции во втором (иррациональность). Вот так, четырежды разделив человечество пополам, мы получим шестнадцать типов личности.

С номера 3 нашего журнала мы начинаем игру. Вы сможете определить принадлежность конкретных людей к тому или иному типу личности. ●

И. Смирнов

Проклятие дома Романовых

С этого номера редакция начинает новую серию статей «Исторический детектив». Воцарение Романовых начиналось с убийства. Им и закончилось. И все триста лет убийства следовали одно за другим. Травили, душили, бросали бомбы. Не следует думать, однако, что история царской фамилии в России — явление экстраординарное. Нет. Борьба за власть, изощренная, упорная, кровавая, велась всегда, Бурбоны ли правили, Стюарты ли. Но Романовы нам ближе. Хотелось бы разобраться в своей истории, понять ее и, может быть, что-то усвоить. Убийство царской особы — это ведь не просто борьба за власть, это — кризис власти. Просмотреть трехсотлетнее правление Романовых под этим углом зрения — занятие нетривиальное и плодотворное. А форма — детектив — весьма привлекательна. Итак, «Исторический детектив».

Здесь шла борьба за смерть.
Они дрались за место,
И право наблевать
за праздничным столом.
Спеша стать сразу всем,
насилуя невесту,
Стреляли наугад и лезли
напролом.
А. Башлачев

Смута окончилась, когда их наконец взяли московские люди на Медвежьем острове посреди реки Яик: царицу Марину Юрьевну с трехлетним сыном Иваном Дмитриевичем и вместе с ними их верного защитника — самого знаменитого казачьего атамана того времени Ивана Заруцкого. Впрочем, в последние дни своих скитаний они уже не были свободны — товарищ Заруцкого, атаман Треня Ус, которому все равно было, кому служить, лишь бы добывать «зипунов», приказал своим казакам взять под стражу злейших врагов нового правительства, он даже отнял у Марины сына и держал его при себе — чтобы при необходимости выкупить себе помилование чужими головами. Так и получилось: когда казаков окружили на острове, Треня выдал пленников вместе с казной, вывезенной ими из Астрахани, и отправился разбойничать дальше. А царицу с маленьким царевичем и Заруцкого отправили в Москву к новому государю Михаилу Федоровичу Романову — под охраной пятисот стрельцов, которым велено было при попытке отбить арестованных немедленно их уничтожить. (Как через 150 лет — другого несчастного русского помазанника, Ивана Антоновича.) Марину до Москвы везли связанной.

При всех симпатиях к казачеству*, я не могу не отметить грустной закономерности в том, что отдельные представители этого смелого и гордого сословия продавали самых знаменитых своих атаманов. (Только Булавина не сумели взять живым, чтобы выдать Петру,— тогда его застрелил собственный есаул...)

Сюжетная схема

Смута началась осенью 1604 года, когда с отрядом искателей приключений границу перешел молодой человек, объявивший себя сыном Грозного, Дмитрием Ивановичем. Шансы его на успех были бы не очень велики, если бы не внезапная смерть Бориса Годунова (видимо, от инфаркта). Вдова Бориса и сын — шестнадцатилетний царь Федор II — были убиты при всеобщем энтузиазме москвичей, готовившихся встре-

* В доказательство этого могу предъявить статью «Век нынешний и век минувший» в «Знание — сила», 1990 год, № 12.

чать нового царя Дмитрия. Дмитрий Иванович одиннадцать месяцев правил по-европейски среди непрерывных заговоров и покушений. 17 мая 1606 года он был убит.

Царем «выкликнули» князя Василия Шуйского, имевшего некоторые права на престол — как «старший» среди Рюриковичей. Но против Василия сразу же выступили на юге Иван Болотников с князьями Шаховским и Телятевским и предводителем рязанских служилых людей П. Ляпуновым.

Они выступили за «царя Дмитрия» — непонятно, за какого — и дошли до Москвы, где были разбиты. До поры до времени царя Василия выручал племянник — талантливый полководец Михаил Скопин-Шуйский. Работы ему хватало: после капитуляции Болотникова неизвестного происхождения «воскресший» Дмитрий собрал войско из казаков и польско-литовских добровольцев. Не имея сил для взятия Москвы, он в июле 1608 года разбил лагерь неподалеку. Полтора года в России существовали две равноправные столицы — Москва и Тушино — каждая со своим царем, думой и патриархом. Кстати, тушинским патриархом был Филарет (Федор) Никитич Романов — отец будущего царя Михаила.

В 1609 году конфликт начал «интернационализироваться»: Василий Шуйский призвал себе на помощь шведскую армию Делагарди, после чего польский король Сигизмунд III Ваза, чьи отношения со Швецией были резко враждебными (несмотря на шведское происхождение короля, а точнее — благодаря этому происхождению), осадил Смоленск. Напоминаю, что Смоленск и окружающая территория в течение нескольких столетий оставались спорными.

В этот момент здравомыслящие люди из разных лагерей пришли к удобному компромиссу: предложить московский престол сыну Сигизмунда, Владиславу. Стараниями Филарета и Станислава Жолкевского — блестящего полководца и дипломата, одинаково уважаемого по обе стороны границы, — эта идея утверждалась в русском обществе. Тушинский лагерь распался. Василий был свергнут 17 июля 1610 года и пострижен в монахи. Россия с воодушевлением присягала королевичу Владиславу. Условия его правления были заранее определены договором — своего рода зачатком конституции. Однако Сигизмунд неожиданно для всех решил отнять царский венец у собственного сына — захотел сам стать московским царем, что для русских ассоциировалось с прямым подчинением Польше и было заведомо неприемлемо. Комбинация рухнула.

Русский бунт

Мы понемногу освобождаемся от любимого мифа советской историографии, сводившей Смуту к «крестьянской войне»: Иван Болотников, дворянского рода, раздавал своим сподвижникам поместья с крестьянами точно так же, как это делали Василий Шуйский, «тушинский царь», Сигизмунд III и прочие участники борьбы за власть.

Вообще в исторической драме Смутного времени нелегко обнаружить какие-либо идейные и принципиальные противоречия, здесь куда больше подходит гениальная формула сталинских театроведов: «борьба хорошего с еще лучшим». Политики того времени с легкостью переходили из одного лагеря в другой, в зависимости от мельчайших изменений конъюнктуры (народ довольно точно именовал их «перелетами»), без тени смущения провозглашали прямо противоположное тому, что говорили вчера, и с удивительной для средневекового сознания легкостью переступали и через крестное целование, и через фамильную честь.

Ближайшие сподвижники претендентов не скрывали циничного отношения к делу, за которое сами боролись: московский патриарх Гермоген уважал «своего» Василия Шуйского не больше, чем тушинский гетман Рожинский — своего царя, и разве что сан не позволял духовному лицу демонстрировать презрение бранью и пьяными драками на глазах у царя. Впрочем, когда это показалось выгодно, Василия скинули с престола не более почтительно. Вдова Ивана Грозного царица Мария Федоровна вчера только признавала «Государя Дмитрия Ивановича» своим сыном, но сразу же после его убийства объявила, что убитый был злодей и самозванец, а настоящий царевич давно погиб в Угличе. Но провозглашал этого «настоящего царевича» святым и переносил его мощи в Москву тот же самый человек, который на следствии по угличскому делу доказывал, что царевич как самоубийца недостоин даже погребения. Отец Марины, воевода Юрий Мнишек (по мнению С. Жолкевского, «маловажный и ничтожный человек», характером напоминающий беспутного отца из знаменитого романа Р. Л. Стивенсона «Катриона»), продал родную дочь за 300 тысяч рублей и, бросив ее на произвол судьбы, бежал в Польшу (даже на письма не отвечал).

Слева направо:
Филарет Никитич.
Марина Мнишек.
Дмитрий — император.
Башня Марины в Коломне.
Михаил Федорович.

Непрерывная череда такого рода событий создавала особую социально-психологическую атмосферу, в которой люди не верили уже никому и ничему. Впрочем, народ был вполне достоин своих пастырей. Одна и та же московская толпа возводила на престол царя Дмитрия и глумилась над его трупом, прославляя Василия Шуйского, чтобы потом с позором низложить старика, но не за преступления, в которых он был действительно виновен, а за то, что Василий ока-

> *Должно быть, после стольких упущенных возможностей консервативная реакция была неизбежна.*
>
> В. Кобрин, «Смутное время — утраченные возможности»

зался «несчастен на царстве». Потом присягали королевичу Владиславу и радушно принимали в Москве польско-литовское войско Жолкевского — тех самых «еретиков», которых с воодушевлением резали майской ночью 1606 года. Любопытно, что тем соотечественникам, которые пытались заступиться за избиваемых, говорили: «вы жиды, как и Литва».

Может быть, единственный в этом море крови и грязи, кто действительно имел какую-то программу, был молодой человек, посеявший смуту и ставший одной из первых ее жертв. В имени Лжедмитрий, унаследованном официальной советской историографией у официальной дореволюционной, при всей его формальной справедливости, есть ярко выраженный негативный подтекст, поэтому я предпочитаю вариант Н. И. Костомарова.

Теперь, когда Костомарова начали издавать, вряд ли имеет смысл пересказывать его знаменитую биографическую работу «Называемый Димитрий». Отмечу только: в ней рассказывается об одном из редчайших случаев — когда на русском престоле соединились откровенное «западничество» и вольномыслие («Пусть всякий верит по своей совести» — фраза слишком смелая даже для Европы!) с твердым, мужественным характером и патологическим для вышеописанной среды отсутствием коварства и жестокости.

Поведение царя Дмитрия во время его краткого, одиннадцатимесячного правления служит серьезнейшим аргументом против годуновско-пушкинской версии, отождествляющей его с Григорием Отрепьевым: расстрига, бывший келейник московского патриарха вряд ли мог мыслить и действовать так, как этот молодой человек. Он прощал своих врагов, даже пойманных с поличным: «Есть два образца держать царство — или всех жаловать, или быть мучителем; я избрал первый». Бояре-заговорщики во главе с тем же профессиональным клятвопреступником Василием Шуйским,— которых «московские люди» приговорили к смерти, а Дмитрий помиловал, — не могли простить столь легкомысленного великодушия и при первой же возможности отплатили своему спасителю за отступление от обычаев его «называемого отца» Ивана Васильевича. Вскоре после свадьбы Дмитрия и Марины компания придворных аристократов и преступников, специально выпущенных из тюрьмы, зверски убила молодого царя, мечтавшего о свободной торговле, веротерпимости и создании в Москве университета. Пожалуй, из всех его проектов за 386 лет в полном объеме осуществился только один — университет.

Такова судьба добрых царей на Руси*.

Интересно, что Марина была сначала коронована и только потом, уже в качестве царицы, вступила в брак с Дмитрием. Быть может, Дмитрий предчувствовал судьбу и хотел по возможности оградить свою избранницу от превратностей, обеспечив ей «независимый» правовой статус. Хотя кого в то время волновало право?

Царица и казак

Опаснейшие враги того государства, которое восстановили в 1613 году Минин и Пожарский, составляли необычную пару — двадцатипятилетняя польская аристократка, помазанная на царство Всея Руси, и крестьянский сын из-под Тарнополя (потогдашнему — «русин», сейчас он назывался бы «украинцем», да еще «западным», но в начале XVII века такие тонкости мало кого интересовали, и в источниках он фигурирует либо как «русский полководец», либо как «храбрый вождь донских казаков»). Вопреки всем местническим традициям, Иван Заруцкий саблей добыл себе боярство. Его боевой товарищ по Тушинскому лагерю, поляк Н. Мархоцкий оставил о нем воспоминания: «Все наше войско бежало, и не будь тут Заруцкого, который прискакал с несколькими сотнями донцов и у реки Ходынки отразил Москву ружейной пальбой, она загнала бы нас в самый лагерь...» С. Жолкевский, едва не соединивший русских и поляков в единый народ, писал: «князь Рожинский (тушинский гетман. — *И. С.*) почти всегда был пьян», поэтому Заруцкий «заведовал караулами, подкреплениями, доставкой известий». Помимо этих достоинств, атаман был «собою красив и пропорционален» — качества, не столь важные для исхода войны за московское наследство, но, вероятно, небезразличные для наследницы Марины. Впрочем, и с Заруцкого не следует писать иконы: в конце Смутного времени он правил в Астрахани по образцу Ивана Васильевича: «многих добрых людей в ночи пытав на пытке и огнем жгли, да с обруба в воду посажали, да и по вся дни беспрестанно кровь проливают».

* Впрочем, все та же справедливость требует признать, что тень на образ Димитрия бросает убийство сына и вдовы его предшественника, Бориса, — вина, хотя и не доказуемая спустя четыре столетия, но весьма вероятная.

Счастье не всегда ходит по одному пути. Оно не там кончается, откуда начинается, но устраивается так, как сам Бог направит его.

Марина Мнишек

О Марине Мнишек наша публика знает несколько больше благодаря опере «Борис Годунов». «Расчетливая, надменная и легкомысленная красавица» — сказано в хорошем дореволюционном учебнике русской истории Трачевского (как это — «расчетливая» и «легкомысленная» одновременно?)

Менее известно, что эта маленькая пани ездила верхом, вооруженная саблей и пистолетом, и в гусарской одежде входила в воинский совет, чтобы предъявлять претензии взбунтовавшимся ландскнехтам. Когда лучший московский полководец, молодой Скопин-Шуйский, осадил в Дмитрове одного из лучших тушинских полководцев, «польского удальца» Яна Сапегу, Марина на валах возглавляла оборону, воодушевляя солдат словами: «Я, женщина, не утратила мужества!»

Отношения их с Сапегой составляют отдельный причудливый сюжет. Начались они с того, что «удалец» с гусарами молодую вдову убитого царя Дмитрия и ее отца, воеводу Мнишка, отбил у московской стражи (которая, впрочем, и не думала о сопротивлении). После совместной обороны Дмитрова они поссорились, и бесстрашная царица сказала, что у нее есть три с половиной сотни донцов и, «если до того дойдет, она даст ему сражение». Марина лично инструктировала русских послов и принимала иностранных, даже при жизни своего второго мужа, «тушинского царя», не отличавшегося ни умом, ни образованием. Когда польский король Сигизмунд, ее бывший государь, предложил «из милости» тушинской чете Саноцкую землю и доходы с Самборской экономии за отказ от русского престола, она попросила у него Краков, обещая за это «из милости уступить королю Варшаву». Письма она подписывала «императрица Марина».

Согласитесь, личность, весьма далекая от женского идеала, предлагаемого «Домостроем», даже если считать произведение Сильвестра, безусловно, прогрессивным по сравнению с обычной практикой.

Иван-царевич

Судьба царевича Ивана — авантюрный роман со дня рождения. И даже до рождения.

Отец его — «тушинский царь», известный и под именем Лжедмитрий II, второй муж Марины Мнишек.

После переворота 17 мая 1606 года Василий Шуйский отправил вдову убитого царя вместе с отцом — воеводой Мнишком — в ссылку в Ярославль. В те времена, когда еще не изобрели фотографию и телевидение, ссыльные не могли уверенно судить о том, что за человек вновь собирает сторонников Дмитрия Ивановича — действительно ли это их государь, которого судьба уже неоднократно спасала от верной смерти, или самозванец «второго порядка». Личная встреча Марины с «воскресшим» мужем подтвердила худшие опасения. Человек неизвестного, но явно не аристократического происхождения, он отличался «грубыми и дурными нравами» и произвел на Марину крайне неблагоприятное впечатление — долгое время она не хотела признавать его, несмотря на все уговоры отца, материально заинтересованного в таком признании.

Однако политика оказалась могущественнее личных симпатий и антипатий. А может быть, дело не только в политике. «Тушинский царь» олицетворял единственную альтернативу правительству Василия Шуйского — единственную возможность отомстить за человека, которого Марина, видимо, действительно любила. И вернуть московский престол. Напомним, что тогда ей было всего 19 лет.

5 сентября 1608 года в лагере Сапеги состоялось ее тайное венчание с «тушинским царем». С формально юридической точки зрения брак их был вполне законен, равно как и ребенок, рожденный в этом браке.

По мнению В. Б. Кобрина, второй муж Марины «унаследовал авантюризм своего предшественника, но не его таланты»*. Имея стотысячную армию, он не только не смог навести в ее рядах порядок и выбить Василия из Москвы, но оказался даже не в состоянии поддерживать престиж царского звания среди пьяных безобразий казаков и наемников. Такое положение было унизительно для Марины. Тем не менее она разделяла с мужем все превратности его судьбы: мятежи, распад Тушинского лагеря, бегство в Калугу.

Там бывшие «тушинцы» на какое-то время восстановили правительство, боровшееся и против Москвы, и против польского короля. Вплоть до декабрьского дня 1610 года, когда глава этого причудливого двора был зарезан князем Урусовым. А в начале января нового, 1611 года Марина родила сына, которого крестили в православной вере и сразу же признали два самых могущественных военных вождя — Заруцкий и Ляпунов, признали его законным наследником престола.

* Кобрин В. Б. Смутное время — утраченные возможности.— История Отечества. Люди, идеи, решения. Москва, 1991 год.

Вы ему (Борису Годунову) кланялись, когда он был жив, а теперь, когда он мертвый, вы хулите его. Другой бы кто говорил о нем, а не вы.

Называемый Димитрий

Сам того не подозревая, новорожденный уже принимал участие в большой политике, и вокруг его колыбели сталкивались партии и армии.

Интернационалисты XVII века

Второй большой миф о Смуте объясняет ее «иностранной интервенцией». Он восходит все к тому же Василию Шуйскому, который ненависть московской черни к иностранцам и иноверцам удачно обратил против Дмитрия. Позднее те же ксенофобские инстинкты использовала победившая партия Романовых, чтобы возвеличить собственную победу.

К сожалению, факты входят в некоторое противоречие с этой конструкцией. И искусственность ее хорошо понимали свободомыслящие ученые XIX столетия. Во-первых, «Называемый Димитрий» вовсе не был «польским ставленником». Сигизмунд III не оказывал ему официальной поддержки, а участие отдельных панов в его экспедиции, с точки зрения господствовавших в польско-литовском государстве обычаев, было таким же частным делом, как купля-продажа имения. Придя к власти, молодой царь и не помышлял об удовлетворении территориальных и религиозных претензий со стороны короля и папы, а при первых же недружественных жестах со стороны Сигизмунда вступил в соглашение с вооруженной оппозицией польской шляхты — конфедерацией, организованной Я. Радзивилом и Л. Понятовским, и готовился поддержать их сорокатысячным войском. Историк А. Гиршберг прямо пишет о планах обоих Дмитриев — и московского, и даже тушинского — овладеть польским троном.

Встречаясь в исторической литературе со словами «польский», «поляки», мы должны помнить, что «национальный вопрос» и связанная с ним терминология в начале семнадцатого века значили совсем не то, что в конце двадцатого. «Польша» Сигизмунда — это польско-литовская монархия, а ее непосредственно прилегающая к Московской Руси половина. Литва, вовсе не была Литвой в том смысле, какой сегодня вкладывает в это слово В. Ландсбергис. Она изначально строилась как государство литовско-русское, причем отнюдь не католическое. «Явились на Руси два государства, — пишет Н. И. Костомаров,— Москва и Литва... Русь, таким образом, разделилась на две половины». И те «рыцари» и «удальцы» Смутного времени, которых мы по привычке именуем «поляками», в действительности сплошь и рядом оказываются представителями русских дворянских родов, да еще православного вероисповедания. «Ревнителями православия» называют князей Острожских и Вишневецких. Послы Сигизмунда в Москву А. Балабан и Ст. Домарадский — люди «греческой веры». Сапеги — из бояр Смоленской области. Правда, вышеупомянутый Ян Петр формально принял католичество, но покровительствовал обеим церквам. И в отряде его, по его собственным словам, «большая половина состоит из русских людей». Тушинский гетман князь Рожинский в письме папе римскому восхваляет некоего о. Викентия, благодаря которому он все-таки склонился к католичеству, но если учесть, что главную тему письма составляют просьбы о помощи, вряд ли можно воспринимать его пафос всерьез.

Ах, лихая сторона,
Сколь в тебе ни рыскаю —
Лобным местом ты красна
Да веревкой склизкою.

В. Высоцкий

С другой стороны, «Москва», с которой все они воевали, представлена венграми, татарами, французами во главе с де ля Виллем, англичанами (!) и, согласно дневнику Сапеги, целым подразделением все тех же поляков, «у которых было свое знамя и свой ротмистр». Наконец, на стороне Шуйского воевала армия шведов.

Таким образом, правильнее было бы говорить не об организованной интервенции, а о том, что некоторые подданные сопредельных (и даже не сопредельных) стран приняли участие во внутренних неурядицах Русского государства, причем участие это носило поначалу сугубо неофициальный характер. Впрочем, и официальное вмешательство со стороны Польского и Шведского королевств было вызвано столь же официальным приглашением из Московской Руси. И в этом приглашении не содержалось никакой «национальной измены». Россия могла иметь царя Владислава польского происхождения точно так же, как сама Польша имела короля Сигизмунда из шведской династии Ваза, а, например, Англия — короля-шотландца Стюарта. Вообще монарх-иноземец для феодализма скорее норма, чем исключение. Идея объединения России вокруг Владислава была уже практически реализована Станиславом Жолкевским, если бы не нелепое упрямство Сигизмунда III. Будь король поумнее, Смута кончилась бы на три года раньше и сегодняшние «патриоты» прославляли бы династию Ваза.

Иностранное вмешательство не было первопричиной событий. Причины историки видят в разорении страны Иваном Грозным, последствии этого разорения — крепостничестве — и природной катастрофе — трехлетнем голоде, постигшем страну в правление Бориса и заставившем Годуновых расплачиваться за чужие грехи. Но «интервенция» точно так же не может считаться и движущей силой Смуты.

Эту движущую силу, опору и основу «партии беспорядка», скорее всего, следует искать в казачестве.

С большим вниманием я читаю в современной партийной печати рассуждения о казачестве. «Издревле казаки ставили во главу угла защиту Православия... а для верующего монархия на земле — своего рода «калька» устройства небесного» («Путь», газета Российского христианского демократического движения). «К идеалам служения «Вере» и «Отечеству» казак с необходимостью добавлял и третий, не расторжимый в совокупности член — «Царю»... Истинная «вольность» воспринималась как реализация предельного личностного права на отсечение собственной воли, а «самодержавие» как вольное изъявление Божьей правды и милости через монарха» (журнал «Кубань»).

Раннее казачество весьма мало соответствовало этому идеалу. Как донцы, так и запорожцы не утруждали себя выяснениями «пятого пункта» или социального происхождения и поначалу даже в религиозных вопросах проявляли такое же свободомыслие, каким ужаснул патриархальную Москву их любимый царь Дмитрий. (Интересно, что с началом религиозных преследований «вольнодумцы» станут самыми упорными защитниками **гонимой** церкви — ортодоксального православия на Украине и старообрядчества на Дону.) «Казаки — люди различных племен, из земли московской, татарской, турецкой, польской, литовской, карельской и немецкой... говорят преимущественно по-московски» (И. Масса, начало XVII века). Кроме холопов и беглых крестьян, мы встречаем в «товариществе»* и аристократов, как легендарный запорожский герой Байда — князь Вишневецкий или его донской коллега князь Дмитрий Трубецкой.

Так же свободно относились казаки ко всем без исключения «самодержцам», через которых «вольно изъявлялась Божья правда», а также «правда Аллаха»,— они постоянно балансировали между сопредельными державами: Россией, Польшей и Турцией, поскольку чувствовали себя независимыми от всех и уважали (не уважали) царя, короля и султана ровно настолько, насколько каждый из монархов в данный момент мог быть им полезен (или вреден).

С другой стороны, раннее казачество не успело выработать какой-либо социальной программы (она появится на Дону только в ходе религиозной реформации), поэтому борьба с несправедливым порядком, вытолкнувшим их в «дикое поле», при самом искреннем его неприятии на деле сводилась к перемене ролей в рамках одной и той же системы.

В стихийных ополчениях Смутного времени, будь то армия Болотникова, или «тушинского царя», или так называемое «первое русское ополчение» Ляпунова — Заруцкого — Трубецкого, с необычайной силой проявились все хорошие и дурные свойства тогдашнего казачества. «Разгульная казацкая кочевка» в Тушине на время стала столицей России. Здесь демократично перемешались сословия и вероисповедания, «неграмотный мужик», почитавшийся царем, ставил в патриархи Филарета Романова, а шляхтичи с донскими молодцами весело проводили время в пьянстве и за игрой. К сожалению, единственным источником существования красочного «славянского рыцарства» был более, а чаще менее узаконенный грабеж всех тех, кто еще продолжал работать и, несмотря на политические катаклизмы, добывал хлеб насущный.

Виселица за Серпуховскими воротами

В конце концов люди смертельно устали от безобразий, и восьмилетняя Смута закончилась «победой сил порядка и посредственности» (В. Б. Кобрин) — избранием на царство юного Михаила Федоровича Романова, «тихого и неспособного по природе», которым управляла сначала мать, а затем отец, патриарх Филарет.

Но за установление порядка пришлось заплатить дорогую цену — отказаться от прогресса. То зачаточное крепостное право, когда крестьянин был «крепок» не господину, а земле, на которой трудился,— своего рода «прописка» на средневековый манер — было поколеблено «разрешающими» указами Бориса и Дмитрия в период голода и Смуты, да и вряд ли вообще могло всерьез соблюдаться среди анархии, однако именно при Михаиле Романове оно утверждается в новом, невиданно суровом и бесчеловечном

Ставили артелью — замело метелью.
Водки на неделю, да на год похмелья.
Штопали на теле, к ребрам пришивали,
Ровно год потели, да ровно час жевали.

А. Башлачев

* Старинное русское слово «товарищ» употреблялось между казаками и вообще свободными людьми, добровольно объединившимися с себе подобными ради общего дела в станицу, артель, дружину — «товарищество».

обличье, при котором крестьянин («христианин») приравнивается к рабу, к вещи, скотине. Те элементы правового государства — «Великой хартии вольностей», — которые присутствовали в крестоцеловальной записи царя Василия и в договорах о приглашении на русский престол Владислава, оказались похоронены, и Россия вернулась к восточному деспотическому правлению Ивана III. «Западничество» было предано анафеме вместе с Гришкой Отрепьевым и вновь заявило о себе всерьез лишь спустя многие десятилетия, но уже не в мягкой и либеральной форме, а таким образом, что прогресс и просвещение только укрепляли архаичный социальный порядок.

Вынужденные выбирать между порядком и прогрессом, русские люди в любом случае оказывались в проигрыше. Стабилизация наступила, но на значительно более низком уровне. Этим-то и отличаются смуты от настоящих революций.

Однако чтобы перевернуть последнюю страницу в истории Смутного времени, «партии порядка» предстояло окончательно решить проблему возможных соперников семнадцатилетнего царя, наследника вовсе не венценосной и даже не княжеской фамилии.

Заруцкому за многие дела предстояло гореть в аду, и вряд ли он до сих пор был более постоянен в политических пристрастиях, чем прочие участники междоусобий, но Марине и ее сыну отчаянный атаман остался верен до конца.

Его армия отступает на юг — в исконное казачье «поле», взрастившее и питавшее Смуту. Дон же отказывает в помощи сыну «казацкого царя» и своему атаману.

Самые яростные и непримиримые из казаков уже сложили головы под разными знаменами, другие выслужили себе теплые места при кабацком откупе, да и поместьица, а те, что остались на Дону, предпочитали московское жалованье и свое хозяйство неверной военной удаче. Заруцкий, постоянно преследуемый воеводами нового царя, поворачивает к Волге — «указывает путь Разину», как скажет впоследствии историк С. И. Тхоржевский.

Астрахань подчинена Москве недавно и еще хранит память о собственном независимом царстве — под властью Марины и Заруцкого она обретает осенью 1613 года свой последний кратковременный «суверенитет». Армию Заруцкого пополняют волжские казаки, которых Москва не жалует за разбои на торговых путях. В поисках союзников они обращаются к персидскому шаху Аббасу, — говоря по совести, одному из самых кровожадных тиранов мировой истории. Впрочем, неразборчивость в связях до сих пор отличает российских революционеров. Однако шах с помощью медлит. Казаки ссорятся с купцами, сам Заруцкий — с воеводой Хворостининым. Наконец, в апреле 1614 года в Астрахани, к которой со всех сторон приближаются московские войска, начинаются бои между горожанами и казаками. Спасая Марину и царевича, атаман доверяется Тренс Усу и вместе с ним бежит на Яик.

Здесь их и настигает крепнущая рука новой власти. «Сколь веревочка ни вейся, а совьешься ты в петлю...»

Заруцкого допрашивал сам царь. Мы никогда не узнаем, о чем беседовали робкий юноша и атаман; можно предположить, что за Михаила говорили, по обыкновению, его советники. Но, очевидно, ответы Заруцкого их не слишком устроили. Ведь практически все видные соратники обоих Дмитриев, в том числе и князь-атаман Дмитрий Трубецкой, остались вельможами и при новой власти.

Заруцкий после пыток был посажен на кол.

А трехлетний сын Марины, царевич Иван, повешен на виселице за Серпуховскими воротами.

Убийство детей, которые могут вырасти и предъявить претензии на наследство своих родителей — нередкое дело во время феодальных распрей. Не совсем обычно другое — что казнь маленького ребенка была устроена публично, словно своего рода народный праздник*.

«Многие люди, заслуживающие доверия, видели, как несли этого ребенка с непокрытою головою на место казни. Так как в это время была метель и снег бил мальчику по лицу, то он несколько раз спрашивал плачущим голосом: «Куда вы несете меня?» Но люди, несшие ребенка, не сделавшего никому вреда, успокаивали его словами, доколе не принесли его на то место, где стояла виселица, на которой и повесили несчастного мальчика, как вора, на толстой веревке, сплетенной из мочал. Так как ребенок был мал и легок, то этою веревкою по причине ее толщины нельзя было хорошенько затянуть узел, и полуживого ребенка оставили умирать на виселице».

Э. Геркман.
«Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России».
Москва, 1874 год.

Сторонники Романовых с самого начала пытались убедить и убедили страну, что царевич вовсе не был царевичем — сын самозванца, «тушинского царя» не имел законных прав на престол. Но мне кажется, что лучшим консультантом в этом вопросе для молодого Михаила Федоровича мог бы быть его отец Филарет Никитич, которого сделал митрополитом московский Димитрий, а патриархом — тушинский, то есть отец несчастного мальчика. По единодушному отзыву современников, Филарет стоял во главе «тушинской партии» бояр до того момента, когда посчитал для себя более выгодным перейти на сторону Сигизмунда Польского, а в это время он, кажется, не высказывал никаких сомнений по поводу законных прав «государя Дмитрия Ивановича».

Потому-то царевича Ивана и не отравили, как Михаила Скопина-Шуйского, и не утопили, предварительно выколов глаза, как Болотникова, и не замучили в тюрьме вместе с матерью, гордой царицей Мариной, что он был для новой династии более чем реальным соперником. И только убивая его «всенародно», они могли в какой-то степени уберечь себя от воскресших «царевичей Иванов», то есть от того, что пришлось испытать на закате дней Борису Годунову и что так хорошо описал А. С. Пушкин в одноименной трагедии.

Я не верю в мистические совпадения и отношусь к истории вполне рационально. Но есть пугающая закономерность в том, что династия Романовых началась злодейским убийством ребенка и таким же злодейским убийством завершилась...

А для ответа на провокационные вопросы иностранцев наши дипломаты получили от своего христианского правительства такую официальную информацию:

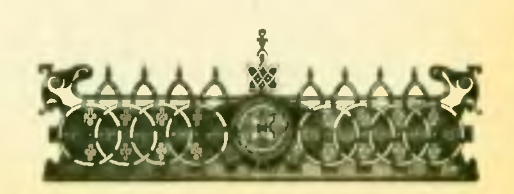
«И Ивашко (Заруцкий) за свои злые дела, и Маринкин сын казнен, а Маринка на Москве от болезни и с тоски по своем выбледке умерла».

---

* В новом «Кратком курсе», который готовится к изданию методом зеркального отражения предыдущего, можно будет прочесть, что до прихода демонических большевиков на «Святой Руси» существовала некая «православная (то есть христианская) монархия» — «калька устройства небесного». Но видимо возникнут сложности с указанием конкретных монархов, которые являются «калькой» с Христа. Иван Калита? Иван Грозный? Петр? Его жена Екатерина? Или Николай II? К сожалению, христианин, забывающий, что ответил Сын Человеческий на вопрос о динарии кесаря, очень скоро вместо Христа начинает молиться Нерону. А многие наши «христианские демократы», не говоря уже о «христианских патриотах» читают Евангелие так же внимательно, как иерархи XVII века.

ХРОНОЛОГИЯ

Конец октября 1604 —
выступление Дмитрия.
13 апреля 1605 —
внезапная смерть Бориса Годунова.
10 июня 1605 —
убийство Федора II Годунова.
20 июня 1605 —
торжественный въезд Дмитрия в Москву.
Конец июня 1605 —
первый заговор Василия Шуйского против Дмитрия.
8 мая 1606 —
свадьба Дмитрия и Марины.
17 мая 1606 —
убийство Дмитрия.
19 мая 1606 —
избрание Василия Шуйского на царство.
Лето 1606 —
выступление Болотникова и Ляпунова против Василия за «царя Дмитрия».
2 декабря 1606 —
разгром Болотникова под Москвой.
10 октября 1607 —
капитуляция Болотникова в Туле.
2 июля 1608 —
основание Тушинского лагеря.
Февраль 1609 —
приглашение шведской армии в Россию Василием Шуйским.
Середина сентября 1609 —
вторжение польской армии Сигизмунда III.
Декабрь 1609 —
распад Тушинского лагеря.
17 июля 1610 —
свержение Василия Шуйского.
17 августа 1610 —
избрание королевича Владислава на царство.
11 декабря 1610 —
убийство Тушинского царя в Калуге.
Январь 1611 —
рождение царевича Ивана.
Февраль 1611 —
ополчение Ляпунова, Заруцкого и Трубецкого против Сигизмунда.
19 марта 1611 —
восстание в Москве против Сигизмунда.
25 июля 1611 —
убийство Ляпунова казаками.
Осень 1611 —
второе ополчение Минина, Пожарского и Трубецкого против Сигизмунда.
26 октября 1612 —
капитуляция польского гарнизона в Кремле.
21 февраля 1613 —
избрание Михаила Романова на царство.
Осень 1613 — 15 апреля 1614 —
правление Марины и Заруцкого в Астрахани.
25 июля 1614 —
арест Марины и Заруцкого.

Воздух 1886 года

А разве можно определить его состав сегодня? Да и нужно ли это делать? Оказывается, и можно и нужно. Ученые обеспокоены постоянным увеличением в атмосфере двуокиси углерода, образуемой сгоранием продуктов нефти, каменного угля и природного газа, что в конечном итоге может привести к изменению климата. Необходимо знать, насколько за последние сто лет изменилось содержание в воздухе двуокиси углерода. Но пока что таких данных до 1958 года не существует. И вот американские исследователи из Лос-Аламосской национальной лаборатории пытаются решить эту задачу, причем весьма оригинальным способом. Химики Аллен Огард и Джейн Потс ищут в музеях страны старинные герметически закрытые предметы — телескопы, корабельные навигационные приборы и даже медные запаянные пуговицы, из которых они могли бы взять пробу воздуха.

И это мы пьем?

Оказывается, в бутылках с водопроводной водой, предназначенных для продажи, есть неизвестный загрязнитель, полностью подавляющий развитие пыльцы растений, утверждают исследователи Калифорнийского университета. Условия проведения исследований исключают возможность воздействия химикатов, добавляемых для очищения питьевой воды, так же, как и обыкновенных загрязнителей, пестицидов и тяжелых металлов.

«Прорастание пыльцы не наблюдалось даже в растворах, содержащих всего лишь 25 процентов исследуемой водопроводной воды,— заявил немецкий специалист по генетике растительных клеток Франц Хоффман.— Мы исследовали десятки образцов растений и не обнаружили ни одного, пыльца которого бы прорастала. А это означает: вода, которую мы пьем, отличается от той, в которой пыльца эволюционировала на протяжении миллионов лет. Это вызывает определенное беспокойство».

Руфино Тамайо. Звери

Спасти хищников!

В США всерьез занялись спасением хищников. К соответствующим программам подключены как федеральные и штатные правительства, так и многочисленные природоохранные организации. Совсем недавно все казалось ясным. Хищник? Уничтожить! Однако скоро поняли, что так ведь можно лишиться многих видов. И вот уже медведи гризли на западе и пантеры Южной Флориды — под охраной закона. Но не стоит думать, что эта охрана дается легко,— скотоводы и земледельцы во многих местах по-прежнему видят в хищниках только врагов.

И все же кое-где положение меняется к лучшему. Удалось, например, добиться размножения рыжих волков в неволе, а затем выпустить их в одном из заповедников штата Северная Каролина. Одно из самых больших достижений — восстановление численности аллигаторов, внесенных в 1967 году в список животных, находящихся под защитой закона о сохранении исчезающих видов. В настоящее время их стало уже так много, что во Флориде и Луизиане вновь разрешена охота. Возрастает численность белоголовых орлов. К 1988 году их уже насчитывалось в стране более одиннадцати тысяч, не считая штата Аляска, а это значит — виду не грозит исчезновение. Правда, остается спорным вопрос о восстановлении популяций серого волка в северных районах Скалистых гор. Но несколько волчьих стай сами пришли туда из Канады и обжили некоторые районы национального парка Глейшер в штате Монтана. Предполагается расселить серого волка и в Йеллоустонском национальном парке, в штате Вайоминг.

Однако с трудом идет расселение рыси в глухих лесах. В начале 1990 года в Адирондакских горах было выпущено одиннадцать рысей. Но приживутся ли они, пока не ясно.

На территории штата Флорида обитало тридцать — пятьдесят пантер. Ученые прилагают немало стараний не только для их сохранения, но и для увеличения численности этого редкого вида.

Успешно осуществляется программа по сохранению в ряде мест популяций черных медведей. Сильно осложняет дело сохранения хищников, особенно мелких, незаконная охота на них.

И пожалуй, только койот, или луговой волк, пока что не требует к себе внимания со стороны ученых. Он отлично приспособился к соседству с человеком, процветает в большей части сельских районов Америки, добрался даже до окраин многих городов. В последнее время в связи с ограничением использования отравленных приманок возросло число нападений койотов на скот. По-видимому, в ближайшем будущем вопрос о спасении койотов не возникнет, скорее наоборот.

Тасадаи: жульничество или правда?

Лет двадцать назад много шума наделало обнаруженное в глубине тропических джунглей на Филиппинах неизвестное племя тасадаев, населяющее пещеры. Тасадаи не знают ни земледелия и скотоводства, ни огня и металлов, пользуются каменными орудиями труда и живут охотой и собирательством. Изучение племени шло трудно — тогдашнее правительство страны препятствовало доступу в этот район ученых, так как опасалось, что в изолированную дотоле среду будут занесены болезни, от которых у тасадаев нет иммунитета.

После падения правительства президента Маркоса широко распространилось мнение, что все это было хорошо подготовленным «спектаклем», имевшим пропагандистско-политические цели, а тасадаи — просто группа подкупленных местных жителей.

Однако и ныне дискуссия вокруг этого феномена не умолкает. Выступая на конференции Американского антропологического общества, состоявшейся в Вашингтоне, научная сотрудница организованного в Маниле Фонда помощи общине тасадаев Амелия Рогель-Рара сообщила о своих исследованиях происхождения и связей отдельных тасадайских родов.

Руководимая ею группа составила «генеалогическое древо» для каждого из двадцати шести тасадаев, которые стали известны ученым еще в 1971 году. С этой целью было опрошено около ста десяти представителей этого племени. Вывод, сделанный исследовательницей, гласит: «Генеалогические характеристики убедительно доказывают, что тасадаи — четко определенная отдельная группа, живущая в данном районе уже не менее семи поколений».

Иной подход к проблеме применили лингвисты Сезар и Арачели Идальго из университета в Куала-Лумпуре (Малайзия). На основании лингвистического анализа они пришли к выводу, согласно которому язык тасадаев, по-видимому, решительно отличается от языка манобо, на котором говорят их ближние соседи.

Почти противоположной точки зрения придерживается Лоренс А. Рейд, научный сотрудник университета штата Гавайи. Он считает, что тасадаи говорят на одном из вариантов языка манобо, в основном понятном носителям последнего, но содержащем отдельные «собственные» слова и их значения. Этот исследователь полагает, что тасадаи в прошлом принадлежали к более многочисленной общине манобо, но около 150 лет назад по неизвестной причине ушли в глубину леса, где их язык с тех пор развивался самостоятельно.

Американский антрополог Джеральд Берремен, направленный на Филиппины Университетом штата Калифорния, настаивает на том, что каменные орудия труда, якобы используемые тасадайскими охотниками,— на самом деле подделка. Кроме того, он указывает, что в лесном районе около тасадайских пещер не обнаружено скопления отходов, которые неизменно возникают рядом с примитивными человеческими поселениями в течение длительного времени.

Спор вокруг не то людей каменного века, не то жуликов века атомного продолжается, и конференция призвала провести на месте новые разносторонние и комплексные исследования.

Наше общество сорвалось с якорей, история понеслась вскачь, заколебались привычные, казавшиеся непреложными оценки и смыслы. На улицы городов выплеснулись толпы. Одних они пугают непредсказуемостью реакций, возможностью крови и хаоса. Другим кажутся единственной надеждой на изменение невыносимого порядка вещей. И как всегда бывает в такие эпохи, ученые вновь ставят под вопрос старые понятия «толпа», «масса», «народ», пересматривая связанные с ними исторические и социологические идеологемы. Обращаются к истории, вглядываясь в толпы, готовые рвануться сегодня за Христом, завтра — за Варравой. Стараются различить в митингующих массах толпу учеников и толпу погромщиков.

А. Ковельман

Евангельский образ толпы

Неимоверно стареют мысли. Еще вчера был праздник духа — праздник рождения толпы. Сегодня мы не знаем, кому будет вверено слово и выйдет ли эта статья прежде, чем проповедь сожмется до нескольких слов команды, до напутствия вожака в Хрустальную ночь. Пастыря жаждет толпа, который бы исцелил ее, воодушевил, сплотил. Толпа жаждет наполниться, хочет стать народом. И здесь возможны любые чудеса — обретение нового неба и новой земли, перемена веры, перемена жизни.

Толпа бывает страшна. Но без толпы, без аудитории и проповедников не было бы ни христианства, ни демократии, ни прав человека, ни сетований на засилье черни.

И сейчас вся надежда на толпу. И перед ней же весь страх. Кто укротит толпу? Кто приручит ее? Каким народом станет она потом? Народом своего фюрера, нордической нацией — одна возможность. Свободным народом — другая. А ответственность, вина не на толпе, а на человеке в толпе, на каждом из нас.

Воздержимся от хулы в адрес закипающих толп. Воздержимся от хулы. Вот и дух просвещения ведь дорог нам, а вошел в народ через парижские толпы. А если дух просвещения нам не дорог и мы хотим заменить его духом христианства, то тоже воздержимся от хулы, ибо без толпы не было бы христианства.

Именно это я и попытаюсь здесь показать.

До того, как возникла толпа, сотни лет кричали библейские пророки в уши народа и не были услышаны. К кому обращались они? Откроем Библию. Вот ветхозаветный пророк Иезекииль готовится говорить среди народа, угнанного в вавилонский плен: «И пришли ко мне несколько человек из старейшин израилевых и сели перед лицом моим». Этим нескольким человекам он и вещает. Казалось бы, они — его публика, его аудитория? Нет. Люди эти — лишь передаточная инстанция. Через них он должен говорить «дому израилеву». Слушатели пророка — весь народ.

А вот Иеремия обращается к царю в царском дворце: «Выслушай слово Господне, царь иудейский.., ты и слуги твои, и народ твой, входящий сими воротами». Тут царь — представитель народа.

Что такое народ?

Народ полон всем — своим бытом, укладом, памятью народной. Попробуйте переменить религию народа, когда он уже сложился и еще не стал толпой, у вас ничего не выйдет. Эхнатон пытался в Египте — и без успеха. А Моисей преуспел, ибо евреи при нем еще не стали народом. В народе — морально-политическое единство. Народ — единое тело. Народ и бунтует всем кланом, всем родом, всей деревней.

Иногда мы даже видим этот народ собранным, например в храме Яхве в Иерусалиме: «И пришел Иеремия с Тосефта.., и стал на дворе дома Господня и сказал всему народу.. Священники и пророки и весь народ слушали Иеремию, когда он говорил сии слова в доме Господнем...» Народ Иеремии — «весь народ от мала до велика». На еврейском языке имя ему — *ам*, а на греческом — *лаос*. В латинском переводе — *populus*.

Есть в Ветхом завете и собрание народное: на еврейском — *кагал, эда*, на греческом — *сюнагоге* (отсюда — синагога) и *экклесиа* (отсюда — церковь). Собрание это — все тот же весь народ, когда-то собранный перед Моисеем у скинии Завета.

Но лишь один раз во всем Ветхом завете, в знаменитом двадцать втором псалме, эда предстает не собранием, не общиной и не обществом, а толпой: «...скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои».

Эда («скопище») в греческом тексте *охлос* — тяжкое слово, мы встречаемся с ним, когда от народа ветхозаветного переходим к народу *евангельскому*.

Вот он, перед нами.

«Когда же Он сошел с горы, за Ним последовало множество народа». «Увидев же Иисус вокруг себя множество народа...», «Когда же Он еще говорил к народу...», «Когда же они пошли, Иисус начал говорить народу об Иоанне...», «И собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сел, а весь народ стоял на берегу. И поучал Он их много притчами...», «Тогда Иисус, отпустив народ, вошел в дом»..

Здесь самое время раскрыть маленький секрет. Только в русском синодальном переводе «народ» вошел во все процитированное (так переводчики украсили аудиторию Спасителя). В греческом же подлиннике Евангелий слово «народ» (лаос) — редкое слово. Обычно там — охлос (толпа), а по-латыни — turba. Это толпа слушала Нагорную проповедь, к толпе обращался Иисус, толпа бежала за ним. «Увидев толпу (в синодальном переводе — «народ»), Он взошел на гору, и когда сел, приступили к Нему ученики Его».

Народ Ветхого завета абстрактен, трансцедентен, как любой народ. К народу обращается пророк, даже если не видит его, даже если перед ним один человек или небольшое собрание (так обращались к советскому народу, но кто видел его?). Толпа же вполне конкретна. Она зрима, ее много. Евангелист постоянно это подчеркивает. «Многие толпы», — пишет он (в синодальном переводе — «множество народа»). Толпу можно накормить пятью хлебами и двумя рыбами.

Народ не стекается, не толпится, не рождается в некий миг, чтобы через день исчезнуть. Толпа же евангельская собирается без всяких вестников и приказов, чтобы потом разойтись. Люди «идут из городов пешком», чтобы Иисус «сжалился над ними и исцелил их». «Жители того места, узнавши Его, послали во всю окрестность ту и принесли к Нему всех больных». (Не напоминает ли это толпу, рвущуюся «на Кашпировского»?)

Иисус жалел толпу: «Видя толпы народа, Он сжалился над ними». «Жаль Мне толпу (в синодальном переводе — «народ»), что уже три дня находятся при Мне и нечего им есть...» И толпа жалела Иисуса. Первосвященники и фарисеи «старались схватить Его, но побоялись толп» (в синодальном переводе — «народа»). Враги Иисуса и толпы клянут их обоих: «Уверовал ли в Него кто из начальников или из фарисеев? Но эта толпа (в синодальном переводе — «народ»), проклята она».

Но толпа и Иисус — совсем не близнецы-братья. У них разные цели, и нет между ними полного единства. В толпе и даже среди учеников своих Иисус отчаянно одинок. И настал час, когда сказал Иисус толпам: «Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня».

Железной цепью скован Иисус с толпой. В ней смерть его, но в ней же и жизнь его. Исключите толпу из Евангелий, исчезнет и Иисус. В толпе проповедник — как рыба в воде. Спустите воду — и рыбе нечем дышать, как нечем было дышать русским народникам, ходившим в народ. Пока не родилась толпа, не выделилась из народа, нет проповеднику места на Земле.

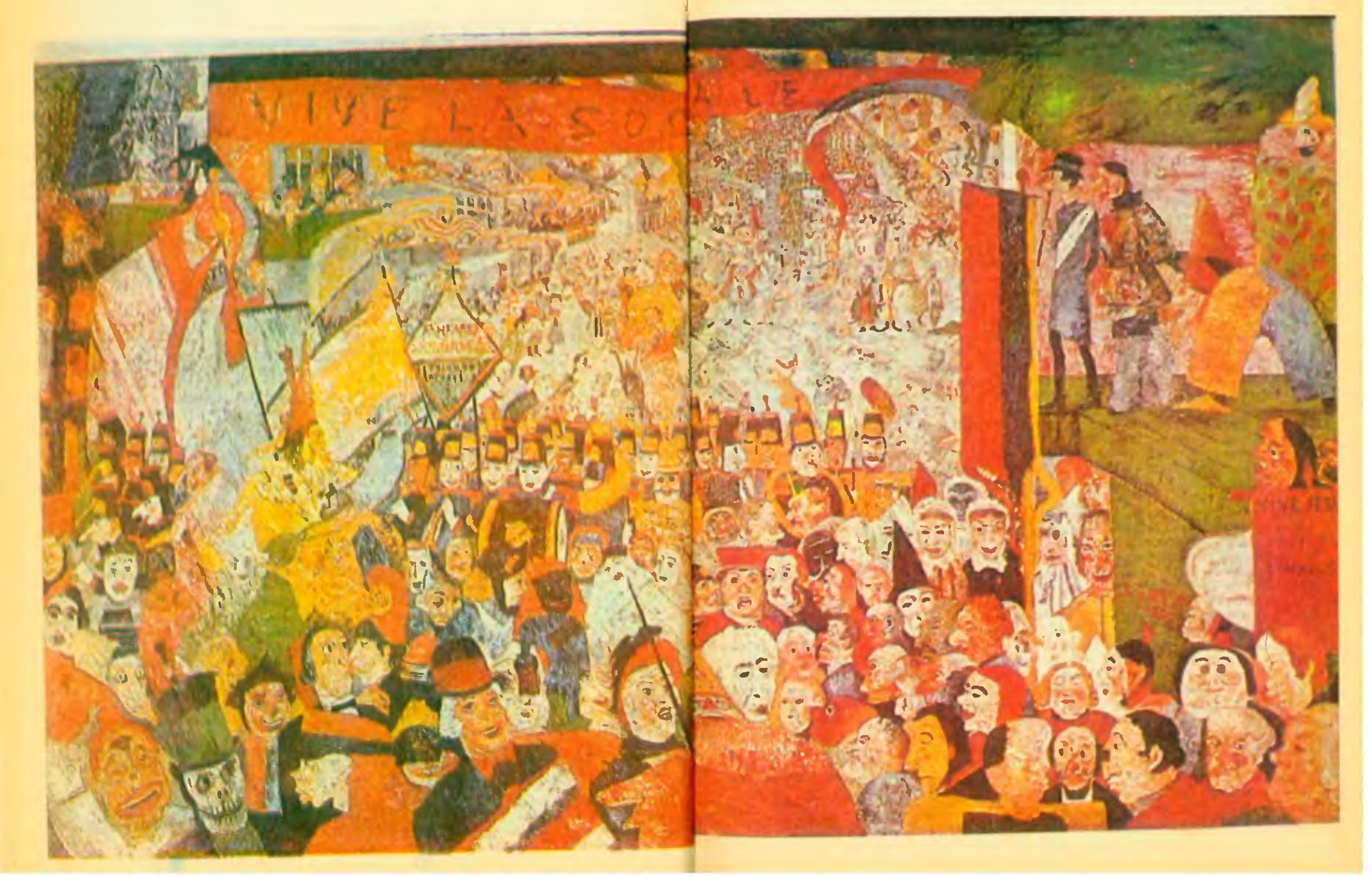
Когда же толпа и проповедник впервые предстали друг другу?

Тогда ли, когда лишенные храма евреи в вавилонском плену построили первую синагогу? Собрание в синагоге — уже не народ, но еще и не вполне толпа.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.

Борис Пастернак,
19 августа

Д. Энсор.
Вход Христа в Брюссель.

Или тогда, когда был восстановлен Иерусалим после вавилонского плена и Ездра принес закон «перед собрание мужчин и женщин и всех, которые могли понимать.., и читал из него на площади, которая перед Водяными воротами... И читали из книги, из закона Божия внятно, и присоединяли толкование, и народ понимал написанное». Тут уже есть проповедник и есть аудитория, но нет еще толпы. Слишком много в проповеднике от чиновника, магистрата, а в аудитории — от «всего народа», от «собрания народного».

Но из синагоги и от Водяных ворот шли уже люди, привыкшие к проповеди, привыкшие искать пищу духовную и не довольствоваться обрядом, традицией, культом. Чем больше просвящали народ, тем больше расшатывались старые связи, тем ближе — рождение толпы.

Просветители почувствовали запах толпы, увидели сборище людей, ту конкретную публику, которую не замечали пророки. Но эти просветители — уже не пророки, а «мудрецы» (*хахамы*). Им принадлежат последние книги Ветхого завета. Пророк — уста Бога. Мудрец же — плод учености, знания традиции. Он учит учеников в Бет Мидраше. Иногда говорит и перед прихожанами в синагоге. Толпы дивятся его учености, как дивились они учености Иисуса.

В первые послепленные столетия единицы таких хахамов украшали Палестину и рассеяние еврейское. Но за два века до Рождества облик мудрецов начал меняться, а число расти. Бесчисленные законоучители — *рабби* — появились в мире. И путешествовали они из деревни в деревню, из города в город. И останавливались в домах уважаемых людей, а в дома мытарей и прочих грешников не заходили. И сбегались толпы послушать их, попросить поучения и даже чуда. А между толпой и учителем встали ученики. Так к Рождеству Христову все было готово для жатвы.

Но, конечно, толпу готовили не только учителя. Чтобы появилась толпа, община должна была превратиться в общество, культура — в цивилизацию, простота — в сложность. Огромный греко-римский мир с его разноязычием и торговлей, ремеслом и ученостью поглотил Палестину. Ветхозаветный еврей (и даже еврей первых послепленных веков) был членом рода и клана, «дома отцов». Он был тяжел на подъем (если не кочевал со своими стадами). Мысли людей, лица людей, занятия их были схожи.

В новозаветные времена при виде толпы произносят: «Благословен знающий сокровенное, ибо как лица, так и мысли у людей различны». В талмудистской литературе о рабби Бен Зоме, жившем во II веке новой эры, сказано: «Увидев толпу на Храмовой горе, воскликнул: «Благословен Знающий сокровенное и благословен Создавший весь этот народ на служение мне. Сколько трудов стоило Адаму Первому, пока он мог съесть кусок хлеба: пахал, сеял, просевал, месил, пек и затем только ел, я же, вставши утром, нахожу свой хлеб готовым. Сколько трудов стоило Адаму, пока он мог надеть рубаху: стриг шерсть, белил, выбивал, красил, прял, ткал, шил и затем только мог надевать, я же встаю утром и надеваю готовую рубаху. Сколько людей потрудились для того, чтобы я, вставши с постели, нашел все в готовом виде!» Поразительно это почти материальное ощущение толпы на Храмовой горе, поразительна и нотка любви к ней, и отстраненность от нее.

Каким словом названа здесь толпа? Словом *ухлосин*. Но ведь это наш старый знакомый *охлос*, слегка измененный в устах еврея. Так вновь толпа была для сынов Авраама, что недостало своих, семитских слов. И еще одно важное слово в этом отрывке — *парцуф* (лицо, физиономия). «...Как лица, так и мысли у людей различны». Но не проглядывает ли здесь латинское persona (или греческое «просопон» — персона, личность, лицо)? Тоже новое дело для евреев — персона, личность.

Кто сказал, что все лица в толпе похожи? Кто оплакивает рождение толпы как смерть личности? Совсем наоборот. Это в народе все «винтики», все слиты в единую массу, делимую на сословия и касты. Таков «великий советский народ» в пору своего расцвета. Таков счастливый народ американский, народ специалистов, где каждый хорошо делает свой собственный бизнес. Индивидуум рождается только в толпе. Ведь должность, статус совлекаются с человека в толпе. Остается только он сам со своим лицом, мыслями. Потому и сказано, что в толпе мысли и лица у людей различны. Люди толпы не укоренены в своих конторах и квартирах, среди сослуживцев и родственников. Люди затеряны в толпе. Потому и сказано, что они изнурены и рассеянны. Толпа атомизирует человека, делает из него индивида.

А личность... Личность — это индивидуум, осознавший себя. Толпа и личность неотделимы друг от друга, как проповедник неотделим от аудитории.

В ветхозаветные времена толпа только еще зарождалась, и проповедников почти не было. К римской же эпохе и то и другое созрело.

Иосиф Флавий зовет толпу *плетос* — множество, масса. Подобно афинскому плетосу у Фукидида (и даже много более), еврейский плетос Иосифа неимоверно активен. И дело не только в подражании Иосифа Фукидиду. Просто толпа, ведомая демагогами, вышла на сцену в Иерусалиме, как некогда в Афинах. Что общего у Афин с Иерусалимом? Конечно, толпа.

Древняя демократия — демократия прямая. Не было избирательных участков с посещением в течение дня. Все граждане собирались в кучу, чтобы кинуть черепки, камешки в урну, разойтись на две стороны или просто орать — чья сторона громче (как в Великом Новгороде). Древняя аудитория — только очная. Не было газет, телевидения, радиосети. Древняя аудитория — это собрание.

А потому так легко демос превращался в охлос, демократия — в охлократию. Когда по приказу властей народ собирается на площадь, чтобы голосовать, или к Водяным воротам, чтобы слушать закон, это еще «весь народ», гражданская община. Но народ, сбежавшийся добровольно,— это уже толпа, сброд. И у сброда есть дух, так говорит Ницше устами Заратустры. По части же духа разница между Афинами и Иерусалимом, конечно, была.

Ибо греки знали философов, но не знали пророков, пытавшихся к нерасчлененному еще, к не превратившемуся в толпу народу пробиться со своим словом. Философы учили только учеников. «Греческие мудрецы,— писал Иосиф Флавий,— философствуя для немногих, не осмеливались принести истину массам... Сам Платон считал, что правду о Боге небезопасно преподносить невежеству толпы». А посему толпа афинская росла «непросвещенной». У нее не было своей синагоги, своей Храмовой горы.

И то, что с евреями случилось к Рождеству Христову — превращение народа в толпу, то римлян и греков постигло только в «Золотой век империи», «век Антонинов», второй век от Рождества. Деревня стекалась в город, город рос ввысь — до пяти и шести этажей. Крытые портики, бани и уличные фонари украшали быт. Типовые квартиры с лоджиями входили в него. Все больше книг скапливалось в домашних библиотеках (II век оставил столько обрывков книг в песках Египта, сколько никакой другой). И стекалась публика на все возможные представления — гладиаторские игры, колесничные бега, фарсы и мимы.

Образованные люди негодовали. «Когда я вспоминаю, сколько времени проводят они за этим пустым пошлым делом и с какой ненасытностью, то меня охватывает удовольствие, что этим удовольствием я не захвачен»,— так писал Плиний Младший о пристрастии черни к колесничным бегам. Чернь любит тряпку — тунику цвета любимой команды. Она болеет за команду, а не наслаждается видом бегущих лошадей.

Но были развлечения другого рода — выступления риторов, софистов. Во II веке новой эры младшие софисты сварили вульгарную философию для масс. «Вторая софистика» стала для империи одной огромной синагогой, а риторы — разновидностью рабби. Философы толпами и взводами маршировали по улицам городов, скандируя общеизвестные философские пошлости.

Тема «толпа и философ» вошла в жизнь. «Нелегко выдерживать неистовство толпы»,— заявлял Дион, прозванный Златоустом. «Я слышал, Гомер и другие поэты постоянно называли толпу склонной к насилию... И вы, вероятно, можете раздавить меня своим смятением и неистовством». Но не только толпа виновна в нравах своих, а сами философы, бегущие от толпы. «Ибо некоторые из них совсем не обращаются к массам и не рискуют делать это, наверное, потому, что не верят в свою способность исправить их». Такие философы, говорит Дион, «осудят меня и назовут охотником за популярностью и сумасшедшим за мою попытку отдать себя толпе и ее неистовству». Между тем «не всякую толпу культурному человеку следует избегать».

И все громче среди проповедующих слышались голоса пресвитеров, епископов, христианских апологетов. Они собирали свою жатву. И их жатва делалась все обильнее. Сравним это с тем, что говорил много веков позднее русский философ Сергей Булгаков: «До 900-х годов мировоззрение и настроение интеллигенции оставалось замкнутым, или кружковым, и можно было думать, что народная душа недоступна и непроницаема для интеллигентской проповеди. Последнее десятилетие, в частности же последнее трехлетие, показало иное, именно, что народ, особенно молодое поколение и городские рабочие, оказываются восприимчивыми к интеллигентскому воздействию, обинтеллигенчиваются, или, как это называется, становятся сознательными». Чтобы народ «обинтеллигентился», он должен был превратиться в толпу. Предложение должно совпасть со спросом. И когда сливаются две половинки заряда — толпа и проповедник, критическая масса имеет место. Кто виноват во взрыве — народ, ставший толпой, проповедники, подстегнувшие пробуждение, или вся цивилизация, утратившая ресурс?

Некогда Иисус позволил нечистым духам войти в стадо свиней, «и устремилось стадо

с крутизны в море, а их было около двух тысяч, и потонули в море». Такова толпа, когда нечистый дух входит в нее, ведь и у этого сброда есть дух. И самый чистый дух в лоне толпы может оскверниться. Что же делать? Не проповедовать? Избегать толпы, как призывал Платон? И это было, и к успеху не привело.

Так говорил Заратустра: «Свет истины озарил меня: не к народу должен обращаться я, но к последователям! Заратустра не станет пастухом и собакой для стада!.. Последователей ищет созидающий, а не людей толпы...» (Это в ответ на слова Иисуса — «Я есмь пастырь добрый: добрый пастырь полагает жизнь свою за овец».) И что же? Пришел ученик Заратустры с усиками и челкой и сказал, что народ — масса, а масса — женщина. И соблазнил, и стал проповедником, и кинулась толпа с обрыва в море.

Христианство загнало толпу под своды церкви. Толпа стала паствой, проповедники — клиром. Так же поступил иудаизм. Рассеялись жрецы после гибели Храма, рабби стали священниками — раввинами, а народ — прихожанами. Даже проповедовать за стенами синагоги было запрещено.

Новое время знает свои способы укрощения толпы. Но все это — до поры, до времени, пока церкви, стадионы и диснейленды достаточны для равновесия жизни...

Автор этой статьи очень хочет быть оптимистом. У моря чернухи ему хотелось бы поставить маячок надежды. Но не глупо ли надеяться на святость толпы? Только на одно надежда: «и у этого сброда есть дух»; чистый, нечистый — все равно.

Три мысли, три наблюдения Надежды Мандельштам, жены погибшего поэта, полезно было бы вспомнить сейчас. О годах гражданской войны: «Я знаю одно, в обезумевшей толпе тех лет все же мелькали одухотворенные лица».

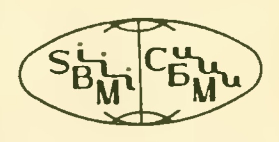
И о сталинских временах: «Толпа оказалась несравненно менее опасной, чем организованная жизнь с усмиренными массами».

И — о промежутке, о годах нэпа: «Жажда сильной власти обуяла слои нашей страны. Говорить, что пора обуздать народ, еще стесиялись, но это желание выступало в каждом высказывании... Нарастало презрение и ненависть ко всем видам демократии. Назрели предпосылки для первоклассной диктатуры — без всякой апелляции к массам».

Вот и дан один ответ на мой вопрос — вопрос о толпе. В праздник Преображения, 19 августа 1991 года, когда статья спокойно отдыхала в столе редактора, толпа собиралась к Белому дому России. Толпа, масса, исчадие ада, ужас и кошмар XX века,— эта толпа оказалась преображенным народом, народом, открывшимся добру. Не это ли преображение толпы есть величайшее и благодетельнейшее чудо перестройки? История еще не кончилась. Все еще может быть. И Хрустальная ночь тоже. Но один ответ уже есть.

ДВАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ — И В РУБЛЯХ, И В ЦЕНТАХ —

это отнюдь не мало, если речь идет о 20%, скажем, от 20 000 рублей. Именно столько вы будете получать, если наше сотрудничество состоится.

ЧТО ТРЕБУЕТСЯ ОТ ВАС? *Получение рекламных объявлений от различных организаций для размещения в наших изданиях.*

ЧТО ТРЕБУЕТСЯ ОТ НАС? *Своевременная оплата ваших услуг — 20% от суммы, поступившей на счет нашей фирмы от рекламодателей. В отдельных случаях ваш заработок может быть выплачен и в свободно конвертируемой валюте.*

Вы не свяжете себя обязательствами. По вашему желанию наше сотрудничество может быть как разовым, так и долговременным.

Порядок оформления нашего партнерства предельно прост: в наш адрес: (644033, г. Омск, ул. 14-я Северная, 133. Фирма СИБИМИ) необходимо прислать заявление о приеме на работу, написанное в произвольной форме, и конверт со своим адресом. Мы в свою очередь вышлем вам все необходимые документы.

☎ (8-381-2) 25-55-38.

«РИМКО»

Малое предприятие «Римко» — одно из первых частных предприятий в нашей стране, зарегистрированных после принятия Закона о малых предприятиях. Профиль его деятельности достаточно широк — от коммерческих программ до сложнейших научных разработок. Руководитель МП «Римко» — Сергей Александрович Мосиенко.

Телефон в Москве: 362-68-70, факс: (095) 362-68-70.

— Сергей Александрович, «Римко» уже заявило о своем существовании — в телевизионном интервью вы говорили о конкурентоспособности своей продукции. Неужели вы действительно собираетесь конкурировать с фирмами «Филипс», «IBM», «Дженерал моторс»?

— Да, через полтора-два года напряженной работы я смогу разговаривать с ними на равных. Вы не ожидали подобного заявления от руководителя малого предприятия? Действительно, лишь пять процентов малых и частных предприятий могут что-нибудь сделать для насыщения потребительского рынка страны. А кто будет зарабатывать валюту? Перед нашими глазами — пример благоденствия стран Юго-Восточного региона, шагнувших в завтрашний день благодаря внедрению высоких технологий. А ведь и в Советском Союзе есть перспективные наукоемкие отрасли! Несмотря на большую утечку умов в области математики и физики. Недаром американцы скупили вплоть до 1995 года все наши публикации по математике, которые выйдут в изданиях Академии наук.

Что касается малого предприятия «Римко», то мы разработали, а теперь выпускаем серийно, оптическое устройство — дифракционную решетку, которая может использоваться как в спектральных приборах и медицине, так и в военных целях, в головках самонаведения. Стоимость такой решетки — 2—4 тысячи долларов. В мире есть один крупнейший монополист по производству и продаже этих дифракционных решеток — французская фирма «Jobin ivon». Приборы, продаваемые этой фирмой, стоят 120 тысяч долларов и выше. Но самое главное, что разработки в этой области выводят человечество на качественно новый технологический уровень, это новая оптическая память, новая оборонная система. На разработку этих высоких технологий и рассчитана американская программа СОИ. Шокирую ли я вас еще раз, если скажу, что мы работаем в одном ключе с этой программой?

— Да, в это сложно поверить. Вам повезло, что у вас есть товар, который можно продемонстрировать, и частный завод, который можно увидеть собственными глазами.

— Завод действительно существует, и он действительно выпускает продукцию. Для поддержания его жизнедеятельности мне приходится затрачивать половину своего времени на коммерческие операции. Так что пока перед вами человек, состоящий из двух половинок, коммерческой и научной. Моя мечта — покончить с первой из них.

— Кто покупает вашу продукцию? У вас есть постоянные заказчики?

— Малое предприятие «Римко» существует всего лишь один год, но за это время мы уже столкнулись с рядом таких проблем, решить которые возможно только при помощи долларовых вложений. Поэтому оптику мне приходится продавать американцам, и значительно дешевле, чем это делает та же французская фирма.

— Может быть, вам тогда вообще нет смысла оставаться в Союзе?

— У меня есть стопроцентная возможность уехать и стопроцентная гарантия безбедного существования за рубежом. Но я русский, у меня есть прекрасный творческий коллектив. Я не хочу это терять. Тем более что для подстраховки я все равно построю в Америке другое предприятие. Но все мои планы и надежды, мои разработки технологических линий в области электроники и оптоэлектроники связаны с Россией.

— А связывает ли Россия свои планы и надежды с вами? Насколько я понимаю, ваше производство — это чистый доход в валюте, в которой так заинтересована наша страна.

— Да, у меня был замысел осуществить развитие новых технологий в рамках правительственной программы. Я обращался со своими предложениями к Ельцину, но меня допустили только до инвестиционной комиссии, которая вместо содействия сама стала просить у меня денег. Мы предпочитаем брать деньги взаймы у капиталистов и проедать их, вместо того чтобы думать о предстоящих валютных расчетах. Так же недальновидно поступают и новые коммерческие структуры — банки охотно выделяют средства на джинсы и кроссовки, заниматься же наукой им вовсе не хочется.

— Но неужели ваши коммерческие программы могут обеспечить достаточно средств для финансирования столь сложной научной программы?

— У меня есть кредитная политика предприятия (так называемая «фордовская»). Я беру кредиты: часть — на коммерческие операции, часть — под основные средства производства. Мой экономист отслеживает эту политику. Безусловно, это сложно и очень неприятно. Отсюда и мое обращение к партнерству. Мне нужно расширить свое производство, увеличить число технологических линий, и не постепенно, переливая средства из коммерческих программ, а в самое ближайшее время. На первый случай это должны быть инвестиции в размере 12—18 миллионов. Причем рублей. Сумма достаточно скромная, если представить себе, как скоро она может окупиться. Но на первое наше рекламное предложение о финансовом сотрудничестве откликнулась масса смежных производственных структур, многие из которых войдут в нашу ассоциацию, и ни одного спонсора. Проблема остается открытой.

— А как складываются ваши отношения со смежниками, большинство которых — наверняка государственные предприятия?

— У них сейчас очень тяжелый период. Нет госзаказов. Сегодня простаивают десятки крупнейших предприятий, оснащенных современным японским оборудованием, заводов по выпуску оптики. Ну кто купит партию в один миллион оптических линз? Биржа? Она этим не занимается, да и не сможет решить проблем отрасли. Мой вариант: государство заказывает у меня, например, атомную бомбу, а я уже выступаю подрядчиком, даю работу сотне-другой предприятий, и в данной ситуации я выступаю министерством, как на Западе.

— А кто будет на вашем месте в других отраслях?

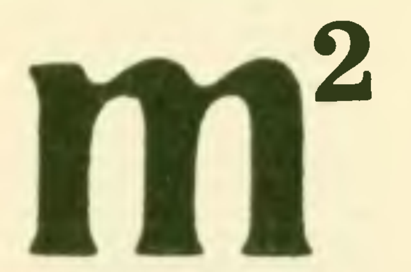
— Вот так и появляются мировые фирмы со множеством подрядчиков. Пора сбрасывать с себя узы государства и самим организоаываться в ассоциации производителей — нефтяников, золотопромышленников, металлургов. Я думаю, что именно они будут «править бал». А наша ассоциация уже существует, и проблем с верховным командованием и распределением прибыли пока не возникало. Все работают, продукция изготавливается, а значит — все довольны.

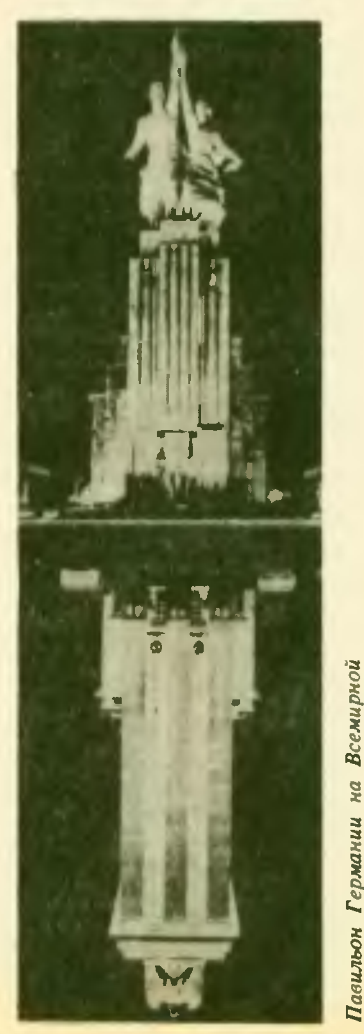
— Но зачем вам тогда нужны другие инвесторы? Или увеличение их числа спасет вас от кабальной зависимости?

— Конечно, нет, зато появятся большие деньги на дальнейшие разработки. Хотя в идеале мне хотелось бы обрести одного сильного и надежного коммерческого партнера, способного оценить ближайшие перспективы нашего сотрудничества и готового взвалить на себя все тяготы коммерческой и маркетинговой деятельности.

Зарождение массы в пространствах тоталитарной архитектуры и кинематографа

В. Подорога

Павильон Германии на Всемирной выставке в Париже, 1937 год (снимок перевернут).

Известна мегаломания Гитлера: безумие архитектурных замыслов, преследовавшее его с юности, отнюдь не случайная деталь биографии, совпадает с глубокой верой фюрера в величие массы. Те архитектурные пространства, которые он изобретал со Шпеером, главным архитектором Третьего рейха, играли роль мест обитания новой массы. Но, конечно, одно архитектурное пространство не в силах открыть массу самой себе, упорядочить и подвигнуть на движение в нужном направлении. Чтобы масса образовалась и пришла в движение, требуется голос Вождя.

Но что такое масса? Вероятно, это предельный случай нарушения устойчивых, повторяемых социально жизненных связей. Масса не возникает в хорошо структурированном социуме, где множественные связи между индивидами регулируются с помощью различных дистанций, обеспечивающих национально-территориальную, антропологическую или личностную идентичность. Масса социально экстерриториальна, она не терпит внутри себя никаких стратификаций и соответствующих дистанций между своими составными частями, в противном случае она распадается. Можно сказать, что для образования массы необходимо чистое социальное пространство, подобно тому как на гладкой поверхности стола растекается пролитое масло. Так растекается массовидное тело.

В толпе или очереди мы одиноки, боимся касаний, стремимся больше успеть, оттолкнуться, опередить, сохраняя надежду на свободу индивидуального движения, нас ничто не притягивает друг к другу. Касание всегда нетерпимо, ибо нарушает дистанционную границу, очерчивающую территорию каждого отдельного тела.

Масса образуется лишь тогда, когда отпадает потребность в развитии чувства дистанции и нарастает желание слиться с другими телами. «Обнимитесь миллионы, слейтесь в радости одной». Индивидуально выраженное тело, переходя в массовидные телесные образования, исчезает без следа: массовидная телесность не имеет ни ног, ни рук, ни глаз — она текуча,

«Знание — сила». Январь 1992

В. Подорога, М.

полиморфна, плазматична, все ее стабилизирующие и удерживающие от распада формы-костяки находятся вне ее, сама же она не в силах, подобно первым беспозвоночным, генерировать их в своем теле. Масса или массовидное тело любит плотность, нарастающую плотность: разрастаясь, увеличиваясь в числе, оно приобретает все большую плотиость. Но плотность — это не что иное, как интенсивность. Чем плотнее массовидное тело, тем оно интенсивней, тем в большей степени оно способно развить в своем движении к цели предельную быстроту.

То, что я пытаюсь описать как массовидное тело, французский философ Ж.-П. Сартр называл «группой в слиянии» (groupein fusion). Он же говорил, ссылаясь на исторические свидетельства очевидцев захвата Бастилии, что восставшая масса двигалась к цели с быстротой, которую было невозможно ни понять, ни предсказать. Дальняя цель замедляет движение массы, ближайшая ускоряет, поэтому необходимо дробить дальнюю цель достижимостью ближайших, чтобы мощь массы и ее быстрота не переставали нарастать.

Конечно, масса Гитлера — это особая масса, это, если хотите, радиомасса, масса, имеющая слух; и пока речь фюрера разносится, умножая число слушателей, масса все время растет. Если прибегнуть в данном случае к физической аналогии, можно сравнить воздействие голоса вождя на массу с воздействием звуковых волн на мягкие поверхности, когда в зависимости от высоты звука на них отпечатывается сложный и причудливый рисунок, звуковое письмо. Нечто близкое к этому мы должны искать в архитектуре Гитлера — Шпеера. Это объемные записи голоса вождя на теле массы. Именно голос вождя заполняет внутренние полости имперской архитектуры, формирует массовидные тела. Благодаря эффекту глубокой резонации он «делает» массовидные социальные тела, и они действительно живут ровно столько, сколько времени звучит голос. Естественно, что голосовые вибрации вождя воздействуют не на «душу» или «сознание», — нелепо предполагать наличие таких качеств у массы, если знать, что она образуется в результате устранения подобных психических качеств,— а на сферу распространения массы, ее объем и плотность, короче, на рост ее тела.

Массовидное тело рождается, со своей стороны, только в момент одновременного непосредственного переживания множеством индивидов голоса вождя. В этом срединном пункте, где господствует архитектурная форма, каждый из двух становится собой: голос — голосом вождя, отдельное тело, сливаясь с другим,— сверхтелом, телом массы. Масса Гитлера есть масса захвата, она возникает, чтобы осуществить движение высшей быстроты, ее направление всегда вовне.

Масса движется к своей цели через смерть. Поэтому гитлеровская архитектура представляет собой не только места, где масса рождается, но где она одновременно мертвеет, где живое смешивается с мертвым, что увеличивает ее плотность, а следовательно, и быстроту.

Набрасывается проект Триумфальной арки, превосходящей наполеоновскую в два раза. Для чего?

Сталин не любил революционной массы: террор должен был воспрепятствовать ее возможному зарождению и непредсказуемым движениям. Это не значит, что он не хотел иметь свою массу, но эта масса должна была быть другой, открытой террористическому перекодированию в любой момент времени и в любой точке пространства,— застывшая, легко проницаемая для страха, казни и перемещения. Однако до того времени, когда сталинская машина террора приступила к работе, мифология восставшей массы, массы горячей, переживала свой триумф.

Сравним архитектурную мегаломанию гитлеровского зодчего с кинематографической мегаломанией сталинского режиссера. Изобретается новый способ производства массовидных тел, в потенции ничем не ограничиваемый,— производства с помощью экрана. Экранизировать массу — это значит создавать ее.

Эйзенштейна волновало, как примут его «Ивана Грозного». В интервью с Юзовским он поясняет, как сделать фильм понятным миллионам:

«— Интересно, как примут,— беспрерывно повторял он.— Надо будет сделать.. массовые просмотры. Массовые, чтобы тысячи и тысячи одновременно смотрели; лучше будут воспринимать, в тысячу и в десять тысяч раз лучше: если я один из ста тысяч — я лучше восприму, чем один из десяти тысяч.

— Значит, если я один стотысячный, я больше пойму, чем один из десяти тысяч?

— Обязательно! Такой расчет.

— И точка зрения?

— Вероятно, я так воспринимаю — с точки зрения миллионов, которые говорят через меня одного...»

Возможности экрана кажутся Эйзенштейну неисчерпаемыми; этот белый квадрат словно не имеет своей техногенной плотности, не обладает ни сопротивлением, ни собственной точкой зрения, он — «визуальное ничто» и поэтому может быть всем. Экран — как великая утопия, настолько тотальная, что в состоянии поглотить любые образы реальности, даже те, которые не выдерживают натиска со стороны массовидного и распадаются. Один экран способен создать пространство, которое могло бы выдержать любое возрастание массы, как бы ни был бесконечен ее рост. Смотрящая масса нарастает в чудовищной прогрессии: 1 — 100, 1 — 1000, 1 — 10 000; 1 — 100 000, 1 — 1 000 000. «Галлопирующее движение цифр», как говорит Э. Канетти. Воздействие экрана тогда достигнуто, когда оно включает цепную реакцию массового восприятия; последнее регулируется ритмом растущего числа. И здесь нет ничего парадоксального: экран «собирает» смотрящих, но это собирание не остается внешним, ибо все те, кто перед экраном, должны устремляться в него. Представляемое на экране и будет жизнью самой массы, жизнью всех тех, кто с такой беззаботностью доверяет ему свое восприятие, всех тех, кто не мыслит иным собственное существование.

С той интенсивностью, с какой экран осуществляет свое воздействие, и в том же порядке нарастаний числа зрителей движется само экранное изображение, которое теперь становится местом действия массовидных тел. Одинокое индивидуальное тело со всеми «переживаниями» должно пуститься в опасное путешествие по ритмической кривой возрастающих чисел, стать массовидным телом, чья быстрота уничтожает всякую память о «я», «субъективности» или «сознании». Поэтому число — не количественная мера, объединяющая инертное множество дискретных единиц, не калькуляция и расчет. Число — качественно, оно есть ритм, оно или уменьшается, или растет, но никогда не может застыть, совпасть с нейтральной единицей, не им управляют, а оно управляет. Число — «душа» массы, его ритмическая волна дезинтегрирует наши телесные схемы, нашу психомиметическую обособленность от великих движений мира.

Становление в массовидном всегда предполагает иное существование человеческого в тех слоях бытия, где больше не существует ничего, кроме чистых движений, вибраций, абстракций, где нет места самому человеческому. Вот почему кинематографическое изобретательство Эйзенштейна движется гораздо дальше привычного представления об экране, вот почему так нужен полиэкран, тотальный экран, чья сила захвата параллельной ему реальности была бы бесконечной, и ни одно пространство и время не могло бы устоять перед ней.●

ХРОНИКА ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Прошел внеочередной, XI съезд Всесоюзного общества «Знание». Это был последний съезд организации, созданной в 1947 году: теперь решено преобразовать Всесоюзное общество в Международную научно-просветительскую ассоциацию «Знание».

Вновь созданная ассоциация — неправительственное общественное объединение международных, региональных и национальных просветительских организаций, фондов, центров и иных общественных формирований.

В ассоциацию вошли общества «Знание» всех бывших союзных республик, кроме Литвы, общественные научно-просветительские организации Италии, Чехо-Словакии, Монголии и Японии. На первом конгрессе ассоциации решено, что те задачи, которые ставили перед собой ученые, представители интеллигенции, создавая Всесоюзное общество «Знание», остаются главными задачами Международной научно-просветительской ассоциации «Знание». Это — повышение интеллектуального уровня населения, распространение научных, технических и гуманитарных знаний.

Для реализации задач ассоциации предполагается проведение международных конференций, семинаров, симпозиумов как в нашей стране, так и за рубежом, обмен лекторами, рекламно-информационная и издательская работа, проведение международных выставок, аукционов, конкурсов и т. п.

Президентом Международной научно-просветительской ассоциации «Знание» избран академик К. В. Фролов, видный ученый в области механики и машиностроения, вице-президент Академии наук СССР, директор Института машиноведения АН СССР. Состоялось заседание совета ассоциации, который рассмотрел организационные вопросы и принял в свой состав Институт развития (Финляндия).

«Как память наша отзовется...»

Вниманию учащихся средних школ и родителей! Редакция начинает публикацию «Задачника по истории», придуманного и написанного Сергеем Смирновым. Первые задачи были напечатаны в номере 10 за 1991 год, а ответы на них — в номере 12. Такого учебного пособия в педагогической практике еще не было. Задачники по математике, физике — да, но по истории... И вот он есть. И предназначен для учеников старших классов и всех тех, кто интересуется историей, для кого история — не скукотища и бесконечные даты, а жизнь захватывающе интересная.

ЗАДАЧИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

8. Почему древние египтяне не знали, откуда течет Нил?
9. Чем отличается вид долины Нила сейчас от той поры, когда египтяне впервые пришли туда?
10. Какие культурные растения выращивали древние египтяне? Какие из них — местные, а какие принесены в долину Нила издалека?
11. Почему у древних египтян с самого начала были ручные ослы и быки, а лошади и верблюды появились гораздо позже?
12. Почему среди египтянских богов-животных есть баран, сокол, бык, крокодил, но нет свиньи, коня, слона?
13. Какую пользу египтянам приносила кошка?
14. Какие металлы обрабатывали древние египтяне, а каких они не имели? Почему совсем не было железа, а серебро стоило дороже золота?
15. Что означали слова «Египет», «фараон»? Как они звучали в древности?
16. Какую разницу между египетской и русской грамматикой можно заметить по словам: та кемет — черная земля, пер-а — большой дом?
17. Как европейские ученые сумели прочесть забытые иероглифы, не зная языка древних египтян?
18. Укажите тех фараонов, у которых были пирамиды: Нармер, Эхнатон, Рамзес II, Джосер, Хуфу, Тутмос III, Хатшепсут, Нехо, Аменхотеп II, Сенусерт I, Снофру, Менкаура, Хоремхеб, Псамметих.
19. Почему первые фараоны не строили пирамид, потом их стали строить, а еще позднее вновь перестали? Когда это происходило?
20. Чем еще прославился главный строитель первой пирамиды?
21. Из какого камня построены пирамиды? Где добывали этот камень?
22. Какие товары ввозили купцы в Египет и какие они вывозили?
23. Когда в Египте было больше рабов — во времена Древнего, Среднего или Нового царства?
24. Чем была ограничена на деле власть фараона? Усилились или ослабели эти ограничения в Новом царстве по сравнению с Древним?
25. Почему в рассказе о первом восстании египетских бедняков не упомянуты рабы? Почему ничего не сказано о руководителях восстания?
26. Почему конец Древнего царства отмечен большим народным восстанием, а в конце Среднего и Нового царства восстаний не было, только власть в Египте захватывали чужеземцы?
27. Кто был более прав в войне Рамзеса II с хеттами? Почему обе стороны согласились на ничью, а не бились до последнего?
28. С какими странами торговали древние египтяне? С какими странами они воевали?
29. Каковы открытия египтян в математике? Какие открытия сделали египтяне в астрономии?
30. Какое отношение древние египтяне имели к науке химии?
31. Какие народы властвовали над Египтом в разные времена?
32. Какие имена русского языка пришли из Древнего Египта?

ЗАДАЧИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ XV ВЕКА

6. Перечислите пять крупнейших городов России в 1500 году.
7. Где в России при Иване III появились крепости по имени Ивангород? Для чего они были построены именно там?
8. Чем отличался вид Московского Кремля в 1500 году от его нынешнего вида?
9. Почему в конце XV века множество итальянцев приехало работать в Россию? Почему тогда не приезжали немцы?
10. Кто в России был современником открытия Америки?
11. Кто из героев Шекспира был современником Дмитрия Донского, кто — Андрея Рублева, кто — Василия Темного, кто — Ивана III?
12. Составьте цепь из общих знакомых между Иваном III и Колумбом.
13. В каком родстве был Иван III с Александром Невским и с Ярославом Мудрым?
14. Составьте отчет Аристотеля Фиораванти: «Как я попал в Россию и что я там сделал».
15. Представители каких народов служили при дворе Ивана III и в каких должностях?
16. На каких языках говорили подданные Ивана III в 1500 году?

17. Перечислите современников Ивана III вне России и Европы.
18. Почему во время усобицы 1425—1449 годов другие князья Руси не отобрали у Москвы великокняжеский ярлык?
19. Почему московские бояре и церковники не смогли предотвратить усобицу князей Василия II и Юрия Звенигородского? Как им следовало бы действовать для этого?
20. Говорят, что в 1470 году владения Новгорода были больше владений Москвы. Верно ли это, и почему так?
21. Какой республикой был Новгород в 1470 году — демократической или аристократической? Как это можно обосновать?
22. Почему после подчинения Твери Иван не торопился покорять Псков и Рязань?
23. Почему в 1480 Иван III не поехал сам на Угру против Ахмета, а остался в Москве? —
24. Говорят, что при Иване III в Москве было много пушек, но ружей не было. Верно ли это и почему?
25. Какие государства образовались на месте распавшейся Золотой орды? Почему Москва не подчинила их тогда?
26. С какими государствами Европы Иван III имел дипломатические связи? Какие из них были союзниками России, какие — ее противниками? Почему?
27. Почему Иван III отклонил предложенный ему королевский титул? Почему прежде Даниил Галицкий принял его?
28. Почему после падения Константинополя русская церковь не избрала себе нового патриарха? Почему это не произошло даже после 1480 года?
29. Почему Иван III сперва поддерживал «нестяжателей», но потом склонился к «осифлянам»?
30. Чью сторону приняли бы Сергей Радонежский и Андрей Рублев в споре «нестяжателей» с «осифлянами»?
31. Кто в католической Европе был похож на «осифлян», кто — на «нестяжателей»? Одинаков ли был исход борьбы в России и в Европе?
32. Почему при Иване III в России не распространилось книгопечатание?
33. Почему в XV веке ни в Новгороде, ни в Москве не возник университет, хотя в Европе их было уже много?
34. Почему в Европе в конце XV века было много еретиков в инквизиторов, а в России этого не было?
35. Почему Иван III довольно легко добился выхода к Балтике, а отвоевать Смоленск не сумел?
36. Говорят, что русский боевой клич «Ура!» появился в XV веке. Верно ли это? Откуда и как он мог появиться?
37. Говорят, что в XIV веке все «служилые» татары в Москве были крещеные, а при Иване III появилось много и некрещеных. Верно ли это и почему так?
38. Знал ли Иван III что-нибудь об Америке? Как он мог это узнать? Что Иван III мог знать об Индии, из каких источников?
39. Составьте рассказ москвича 1500 года, попавшего в Киев 1100 года. Что его удивит, что понравится, а что — нет?
40. Напишите рассказ о «чудесах Московии» от лица Софьи Палеолог или кардинала Виссариона.

Невский, Поливанов, Конрад — имена, навсегда вошедшие в мировую науку... И в будни, и в мартиролог ГУЛАГа.

В. Алпатов,
доктор филологических наук

Три япониста

В начале десятых годов нашего века в аудиториях Петербургского университета встретились и подружились три студента — Евгений Дмитриевич Поливанов, Николай Иосифович Конрад и Николай Александрович Невский. Первый из них учился на историко-филологическом факультете, двое других — на восточном, все трое одновременно занимались на японском отделении Практической восточной академии. Трех друзей объединял большой интерес к Японии, еще почти не известной и загадочной стране, стремительно выходившей на мировую арену. Русское японоведение только формировалось, их учителя составляли первое поколение специалистов в этой области, масса научных проблем ждала своего решения.

Поливанов происходил из небогатой, но родовитой дворянской семьи, его двоюродный дядя генерал А. А. Поливанов был некоторое время военным министром. Уроженец Риги Конрад вырос в интеллигентной и, по-видимому, зажиточной семье; к 1917 году его отец имел под Орлом свою усадьбу. Невский же был сыном бедного ярославского чиновника из мещан, рано потерял родителей и учился в гимназии за казенный счет. Резкий, склонный к приключениям и авантюрам, Поливанов никак не походил на общительного, легко сходившегося с людьми Конрада и скромного, погруженного в занятия Невского

Ровесники Поливанов и Конрад окончили университет в одном 1912 году, а Невский, бывший на год моложе, — в 1914. Все трое, кто сразу, кто чуть позже, были оставлены в университете для подготовки к профессорскому званию. Все трое были направлены в Японию.

К этому времени каждый из троих четко определил себе область исследований. Поливанов занялся японским языком, Конрад — китайской культурой в Японии, Невский — современным состоянием японской религии, синтоизма.

Поливанов

Ярче всех себя проявил в те годы Поливанов, в двадцать четыре года уже бывший приват-доцентом и ведущим японистом в Петроградском университете. В Японии он собрал уникальный материал по диалектологии, совершенно не изучавшейся тогда даже японскими учеными. (Память о Поливанове до сих пор сохраняется в японской науке. Крупный японский ученый Сакума Канаэ, бывший даже старше Поливанова, отмечал влияние Поливанова на формирование своих научных взглядов. Приоритет Поливанова в решении многих вопросов признан в Японии, где обычно мало интересуются работами зарубежных японистов.) В те же годы Поливанов создает русскую транскрипцию японских слов, ставшую общепринятой; японисты по праву всегда называли ее поливановской. Его научные интересы уже тогда выходили за пределы японистики: в 1916 году им был издан курс лекций по введению в языкознание и общей фонетике. Еще в дореволюционные годы он сблизился с В. Б. Шкловским, О. М. Бриком и другими молодыми филологами, составившими знаменитый ОПОЯЗ. В первом их сборнике 1916 года Поливанов публи-

«Знание — сила» Январь 1992

Н. Невский

Е. Поливанов

Н. Конрад

кует статью «По поводу „звуковых жестов" японского языка». Спустя почти семь десятилетий Шкловский скажет о нем: «Поливанов был обычным гениальным человеком. Самым обычным гениальным человеком».

Наступил 1917 год, который Поливанов в одном из стихотворений назовет «великим огненноликим».

Активный и азартный, Поливанов бросился в политику. После Февраля он первоначально примкнул к группе меньшевиков-интернационалистов, возглавляемой Ю. О. Мартовым, печатался в газете М. Горького «Новая жизнь». Приват-доцент становится политическим деятелем: он входит в состав исполкома Совета крестьянских депутатов, прикомандировывается в качестве представителя этого совета к Министерству иностранных дел. По линии совета он осенью 1917 года оформляет себе новую командировку в Японию, но в Японию ему попасть не суждено — наступил Октябрь.

Потомственный дворянин Поливанов становится убежденным сторонником новой власти. Позднее он писал: «Я встретил революцию как революцию труда. Я приветствовал именно свободный любимый труд, который для меня стал рисоваться полезным именно в революционной обстановке».

Сразу в его жизни происходит новый поворот. Через несколько дней после победы Октября Поливанов, тогда еще беспартийный, становится одним из двух заместителей наркома иностранных дел, ведающим Востоком. Вместе с наркомом Л. Д. Троцким он появляется в здании старого министерства, где многие чиновники помнили его как способного молодого человека их круга. Поливанов активно занялся своими обязанностями, среди которых на первом месте находилась публикация тайных договоров царской России. Поливанов, владевший многими языками, быстро справился с этой задачей.

На высоком посту он, однако, удержался недолго. Резкий и независимый, Поливанов быстро поссорился с не терпевшим возражений Троцким. Тот обвинил его в получении некоей «корзинки с подношениями» от персидского посольства. В январе 1918 года Поливанову пришлось уйти. Впоследствии Троцкий вспоминал о Поливанове с большой злостью, припоминая никогда и никем не подтвержденную его связь с «Союзом русского народа». Впрочем, Конрад в письме Невскому писал, что «отставка Поливанова — политическая».

Больше Поливанов не занимал высоких постов, но его революционная деятельность продолжалась. В 1918 году он был одним из организаторов «Союза китайских рабочих», редактировал первую китайскую коммунистическую газету, в 1919—1921 годах был организатором китайской коммунистической секции в Петроградском комитете РКП(б). В 1919-м он стал членом партии.

При этом он не бросал научную и педагогическую деятельность. Он продолжал работать в университете, где значительная часть профессуры бойкотировала его как большевика. Облик Поливанова тех лет запечатлен в романе В. А. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове», где он описан под фамилией Драгоманова. Как писал В. А. Каверин в воспоминаниях: «Черты гениальности, черты огромного превосходства над окружающими в Поливанове начинали сверкать мгновенно, вы сразу видели, что этот человек, если сказать грубо, чем-то отличался от всего остального человечества, и вместе с тем он необычайно прост... Тынянов, и я вслед за ним, принимал Поливанова как фигуру настолько загадочную, странную, не ложащуюся в обычные представления. Какой-то ореол таинственности окружал всегда эту фигуру».

Конрад

Февраль семнадцатого застал Конрада в Японии. В Петроград он вернулся как раз в июльские дни, оказавшись после спокойной Японии среди выстрелов и разрухи, и революционный Петроград привел его в уныние. 16 июля 1917 года он писал Невскому: «Представьте себе человека, который схвачен водоворотом и мчится к пучине; он сознает, что нужно спасаться, но уж этого сделать не в состоянии. Таковы и мы, и таков, в частности, Ваш друг». Такое настроение далеко от тогдашних чувств окунувшегося в политику Поливанова. Они встретились сразу же после возвращения Конрада в Петроград, но вряд ли нашли общий язык. Вероятно, тогда и образовалась трещина в их отношениях. Во всяком случае в письмах Невскому Конрад больше не пишет о встречах с Поливановым. В тех же письмах Конрад с тоской вспоминает свою жизнь вместе с Невским в Токио, спокойные занятия наукой, иногда надеется на возвращение в Японию, но в то же время ощущает, что ему не суждено покинуть Родину.

Не пробыв в Петрограде и месяца, Конрад уезжает к родителям под Орел, надеясь переждать там трудное время. Настроения его постоянно меняются. В письмах Невскому он то жалуется на разруху, то утешает себя и друга: «Не могу верить, чтобы мы не справились со всем, чтобы мы не перенесли этой ужасной болезни. Даст Бог, еще с гордостью будем говорить, что наша республика — передовая в мире. Россия — страна парадоксов, и в ней все возможно». Меняется и его ориентация: еще в мае он жалеет, что из Временного правительства удалены «наиболее одаренные и умные люди» Гучков и Милюков, но в том же письме от 11 сентября Конрад уже пишет: «Ваш покорный слуга, несмотря на свое милюковствующее и кадетствующее сердце, ныне склоняющийся в сторону социалистов-революционеров». И тут он проделал эволюцию, типичную для многих интеллигентов.

Долго отсиживаться в провинции Конрад не смог. После Октября он вновь в Петрограде, где подготовил перевод классического японского памятника «Исэ-моногатари», вышедший в 1921 году. Об отношении его к новой власти мы знаем мало, но несомненно, что он был к ней лоялен, а из его более поздних свидетельств видно, что Конрад как-то привлекался Поливановым к работе с китайскими коммунистами; во всяком случае он был хорошо осведомлен о ней. Это был последний период контактов Поливанова и Конрада: после 1919 года они никогда не жили в одном городе, и нет данных об их встречах.

Гражданская война и разруха побудили Конрада вновь уехать в Орел. Там он вместе с другими интеллигентами создал университет, став его первым и единственным ректором,— вскоре университет был преобразован в обычный институт.

Но Конраду все же удалось подготовить единственный выпуск «Записок» университета, где опубликовал свой перевод «Записок из кельи» Камо-но тёмэя, придворного, ставшего монахом. Почему Конрад выбрал именно этот литературный памятник, написанный в XIII веке, вскоре после коренного переворота в японской истории, когда власть от утонченного императорского двора перешла к суровым воинам-самураям? Нам кажется, что предисловие Конрада к этому переводу говорит об этом вполне четко: «Вместо усвоенной и претворенной культурности, широкой просвещенности и гуманитарной образованности — огрубение, одичание, упадок. Пусть там — слабость, здесь — сила, зато сила первобытная, неудержимо бьющая, обещающая много, но пока еще такая варварская... Теперь век силы,— но и насилия; век мужества,— но и варварства; век долга,— но и грубости. А кругом достойный фон: разоренная страна, поредевшее население, всеобщее огрубление и распад привычных уже моральных, общественных и политических устоев». Ясно же, что речь не только о средневековой Японии. С сочувствием Конрад пишет о своем герое, удалившемся от мира, в котором он стал лишним, решившемся «порвать с суетою, устроить жизнь так, как диктует своя природа, свои вкусы, свои желания,— словом, согласно велениям только своей личности».

Но путь Камо-но тёмэя был не по натуре Конрада, скорее бы он подошел Невскому. Не будучи столь активен, как Поливанов, Конрад все же был живым и деятельным человеком. И недаром он уже присматривался к «неудержимо бьющей, обещающей много силе», готовя себя к мысли о том, что будет ей служить.

Невский

Если Поливанов стремился делать историю, а Конрад плыл по ее течению, то Невский попытался отгородиться от нее.

Ему было так хорошо в Японии, он был поглощен собиранием интереснейшего материала по японской религии и этнографии, а на родине его ждала полная неизвестность. Судя по письмам к нему Конрада, весь 1917 год Невский спокойно продолжает изучать танец льва и другие синтоистские обряды и не слишком поглощен отечественными событиями. Когда же после Октября Невский перестал получать денежное содержание, перед ним встала проблема выбора. И Невский решил остаться в Японии, тем более, что и Конрад советовал ему так поступить.

Начинается более чем десятилетняя жизнь Невского в Японии. Он поступает на службу, ведя курсы русского языка сначала в Токио, потом в Отару на Хоккайдо и, наконец, в Осаке. Его работы начинают печататься в японских журналах, он постепенно приобретает известность среди японских ученых. При этом Невский не считает себя эмигрантом, он старается поддерживать отношения с петроградскими учеными и держится в стороне от белоэмигрантских кругов, надеясь вернуться на родину, когда там станет лучше.

Кончается гражданская война, наступают сравнительно спокойные годы нэпа. Если в жизни Невского в Японии мало что меняется, то карьера Конрада начинает идти вверх, путь же Поливанова состоит из взлетов и падений.

Поливанов

В 1921 году Поливанов навсегда покинул Петроград. Поначалу он переехал в Москву, где занял довольно высокий пост заместителя заведующего Дальневосточной секцией Коминтерна. Однако в том же году он на несколько лет оказывается в Ташкенте. Есть данные о том, что его послали туда с заданием вести какую-то работу среди китайцев Средней Азии. Однако в этот момент произошло что-то, навсегда положившее конец политической деятельности Поливанова. Через несколько лет он по до сих пор не выясненным причинам выбывает из партии, а в анкетах появляется странная, не предусмотренная партийным уставом формулировка «Выбыл с правом восстановления».

Отныне деятельность Поливанова ограничена научной и педагогической сферой. Ежегодно он совершал лингвистические экспедиции по изучению среднеазиатских языков и диалектов, собрав уникальный материал. Несмотря на трудности с публикацией, он печатает в московских, петроградских и ташкентских изданиях статьи по самым различным языкам: узбекскому, казахскому, китайскому, корейскому, арабскому, грузинскому, латинскому. Не забывает он и свою «первую любовь» — японский язык, на материале которого он формулирует ряд важных теоретических идей. Такова, например, статья «Вокализм северовосточных японских говоров», где он показал, как происходит «цепочечное» изменение системы фонем; эта схема оказалась хорошо объясняющей историю языков, никак не связанных с японским, вплоть до английского. На японском материале Поливанов в те же годы сформулировал и теорию лингвистических конвергенций.

В Ташкенте Поливанов жил до 1926 года, затем, проведя несколько месяцев на Дальнем Востоке (есть сведения, что он ненадолго посетил тогда Китай и Японию), он переехал в Москву. Три с небольшим года московской жизни — самые плодотворные и благополучные в лингвистической деятельности Поливанова. Он был приглашен работать в ведущем научном центре того времени — Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН), где с 1927 года руководил лингвистической секцией, по существу являясь руководителем московского языкознания. По совместительству он работал в Институте народов Востока, Институте востоковедения, Коммунистическом университете трудящихся Востока, Всесоюзном центральном комитете нового алфавита. В статьях и речах тех лет он активно выступал за создание марксистской лингвистики, не отказываясь в то же время от наследия старой науки.

В эти годы Поливанов много пишет и печатается. Он подготовил не имеющее до сих пор себе равных «Введение в языкознание для востоковедных вузов» (успела выйти в свет лишь первая ее часть), издает китайскую и японскую грамматики, в которых ему принадлежат теоретические разделы, пишет мордовскую грамматику, азербайджанскую грамматику, казахскую грамматику (все они не были изданы и не сохранились), статьи для «Литературной энциклопедии» и многое другое. Он активно преподавал, консультировал аспирантов, щедро делился своими обширными знаниями, поражавшими окружающих.

Казалось, что судьба Поливанова благополучна. Он талантлив, активен, популярен, искренне предан строю. Но в начале 1929 года все круто переменилось, причем сам Поливанов во многом выбрал свой жребий. По собственной инициативе он выступил против влиятельнейшего академика Н. Я. Марра, разгромив его антинаучное «новое учение о языке».*

* Об этом эпизоде мы уже рассказывали в статье «История одного мифа», «Знание — сила», №№ 11, 12, 1990 год.

Началась борьба с «поливановщиной». Поливанова громогласно обвинили в «буржуазности» и вновь вспоминали о его былом черносотенстве. Еще несколько месяцев он оставался в РАНИОН и других учреждениях, но положение его резко ухудшалось. Уехав летом 1929 года в очередную экспедицию, он договаривается там о возвращении в Среднюю Азию. Осенью Поливанов возвращается в Москву уже для ликвидации дел. По воспоминаниям Н. Поппе, он надеялся на хорошее к нему отношение узбекских руководителей А. Икрамова и Ф. Ходжаева. В конце 1929 года он уезжает вновь работать в Среднюю Азию.

Конрад

А Конрад в это время жил в Ленинграде, куда вернулся из Орла в 1922 году. К тому времени ряды отечественных японистов сильно поредели — кто умер, кто эмигрировал, кто был далеко от столиц. Конрад сразу оказался лидером ленинградского японоведения, возглавив кафедры японского языка в университете и Институте живых восточных языков имени А. Енукидзе. Сразу он начал создавать школу японистов и довольно быстро подготовил группу способных учеников, среди которых были Е. М. Колпакчи, А. Е. Глускина, его жена Н. И. Фельдман. Самый талантливый из них А. А. Холодович, впрочем, скоро порвал с Конрадом и пошел своим путем. Научные интересы самого Конрада были в те годы ограничены сферой японской литературы и театра, постепенно он начинает обращаться и к проблемам истории.

В 1927 году Конраду удалось последний раз в жизни посетить Японию, для него и его молодой жены эта поездка оказалась как бы свадебным путешествием. В Осаке на пристани их ждал Невский, друзья встретились после десятилетней разлуки. Но встреча не была веселой. В письме своему учителю В. М. Алексееву 13 сентября 1927 года Конрад писал, что Невский, хотя «работает много и хорошо», но «здесь закис», поскольку совершенно один в работе и научной жизни. Невскому, по словам Конрада, не хватало «притока целеустремленности, живой бодрой энергии, притока интереса со стороны». Отсюда следовал вывод: «Ему нужно возвращаться, и я приложу все усилия уговорить его... Ужасно горько будет его оставлять опять одного».

Невский

А Невский продолжал жить в Японии и, казалось, совсем там натурализовался, женившись на японке. От возвращения на родину его удерживала не столько политическая ситуация, сколько работа. Живя три года на Хоккайдо, он собирал образцы фольклора древнейшего населения северной Японии — айнов; и сейчас японские студенты-айноведы изучают его по записям Невского. Трижды — в 1922, 1926 и 1928 годах — он посетил острова Рюкю к югу от Японии. Основное его внимание там привлекли острова Мияко, на которых еще сохранялись элементы своеобразной религиозной системы. Ему удалось собрать обширный материал по диалектам этих островов, фольклору и верованиям их жителей. Всем этим до Невского никто специально не занимался. Наконец, уже в это время, Невский начал работать над расшифровкой открытой русским путешественником П. К. Козловым в 1909 году письменности тангутов — центральноазиатского народа, образовавшего в XI—XIV веках довольно мощное государство к северо-западу от Китая. Наука и преподавание русского языка поглощали все время ученого, и он был по-прежнему далек от какой-либо политики.

Но вернувшийся в Ленинград, Конрад начал хлопотать о возвращении Невского, который легко поддался уговорам друга: он устал находиться в научном вакууме, к тому же постепенно ухудшалась ситуация в Японии, где усиливались милитаризм и недоброжелательность к СССР.

По окончании срока контракта с институтом в Осаке Невский добивается получения советского паспорта и осенью 1929 года (почти одновременно с отъездом Поливанова из Москвы) возвращается после четырнадцатилетнего отсутствия в город, за это время превратившийся из Петрограда в Ленинград. Пути Невского и Конрада вновь сошлись.

Поливанов

Когда-то самый благополучный из троих, он оказался в наихудшем положении. Надежды на спокойную работу в Средней Азии не оправдались, марризм дошел и туда. Поливанов был вынужден менять места жительства (Самарканд, Ташкент, Фрунзе) и работу часто не по своей воле. Из Узбекского научно-исследовательского института культурного строительства ему пришлось уйти за выступления против Марра; в Среднеазиатский университет, который Поливанов когда-то организовал, его не пустили за «антимарксистские взгляды». До 1931 года его еще печатали в Москве, и в этом году он выпустил книгу «За марксистское языкознание», где выдвинул интересную программу развития социолингвистики и подтвердил свою оценку

марризма. Особую ненависть тогдашних лингвистических лидеров вызвали его слова о том, что полное отрицание буржуазной науки превращает ученых в обскурантов. В ответ его взгляды были оценены как «прямые враждебные выпады, идущие под знаком апологии буржуазной науки и империалистической политики капитализма». Даже некоторые друзья Поливанова, близкие к нему по взглядам, были вынуждены предъявить ему такие же обвинения. (Впрочем, ни Конрад, ни Невский никогда не участвовали в травле Поливанова, а Конрад, правда, уже в начале 1937 года, когда борьба с «поливановщиной» утихла, похвалил его в своем «Синтаксисе японского языка». В то же время, по свидетельству людей, близко знавших Конрада в тридцатые годы, он не имел тогда никаких отношений с Поливановым и не упоминал о нем.)

С 1931 года Поливанов мог публиковаться лишь в малоизвестных среднеазиатских изданиях да изредка за границей, куда время от времени посылал рукописи через старого друга Р. Якобсона, жившего в Праге. Впрочем, из этих рукописей большая часть не увидела света. Якобсон и другой выдающийся русский лингвист, Н. Трубецкой, живший в Вене, зная о бедствиях Поливанова, пытались найти ему работу за рубежом и чуть не договорились о том, чтобы устроить его в Осло. Но затем Якобсон сообщил Трубецкому, что Поливанов окончательно лишен возможности выехать из СССР. Думается, однако, что Поливанов, остававшийся убежденным коммунистом, вряд ли пошел бы на это и при наличии такой возможности.

Все эти годы Поливанов очень нуждался. Его знакомый П. А. Данилов так описывает последнюю встречу с ним в Ташкенте в середине тридцатых годов: «Одет он был бедновато, в каком-то плохоньком стареньком костюмчике. На голове у него была такая же старенькая кепочка... Пожаловался, что ему приходится преподавать русский язык в начальной национальной школе; что ему не дают работать в научных учреждениях и вузах и не печатают его статей в наших журналах. И чтобы как-либо удержаться и продолжать научную работу, он вынужден посылать свои статьи в зарубежные научные журналы. Там его охотно печатают и по его просьбе гонорар высылают на Торгсин. Это и позволяет ему как-то сводить концы с концами». Блестящий ученый, при этом борец за советскую власть, оказался в обстановке тридцатых годов не нужен.

Кое-что ему удается издать в Средней Азии, например интересную «Русскую грамматику в сопоставлении с узбекским языком» и книгу о методике преподавания русского языка узбекам. Но главные его труды остаются в рукописи и частично теряются во время его скитаний.

Конрад

В начале тридцатых годов положение Конрада оставалось стабильным. Конрад руководил всеми ленинградскими японистическими центрами: заведовал кафедрами японского языка в институте имени Енукидзе и в ЛИФЛИ (объединившемся затем с ЛГУ) и возглавлял японоведные исследования в академическом Институте востоковедения. В 1934 году избирается членом-корреспондентом АН СССР (первым среди японистов).

Помимо японской литературы и истории, он начинает заниматься и языком, издав большой труд «Синтаксис японского национального литературного языка», где заметно влияние идей Поливанова. В области истории он разрабатывает концепцию японского феодализма. Более всего его, как и раньше, интересует литература и культура. Но общий идеологический фон тех лет корректировал этот интерес, что отчетливо видно даже по названиям его работ: «Феодальная литература Китая и Японии», «Первый этап японской буржуазной литературы». «Буржуазная литература Японии», «Борьба за пролетарскую культуру и науку в Японии». И даже — «Я не мыслю своей работы без участия коммунистов». Впрочем, крайностей Конрад как всегда чужд. Никогда не выступая против Марра и марризма, он в своих лингвистических работах и не развивал марровские идеи, если не считать тезиса о «классовости языка», который принимал и Поливанов.

Невский

Если Конрад следовал господствующим идеям эпохи вполне органично, то Невский приспосабливался к ним с явным трудом. В его работах тридцатых годов то нет никакой политики, то, наоборот, мы встречаем крайние формулировки: современный японский литературный язык он определял как «искусственно созданный язык промышленно-капиталистической буржуазии» («естественными языками народа» он признавал лишь диалекты) и заявлял, что «пока в Японии правящим классом является буржуазия, для борьбы с нею несомненно надо знать ее язык». Ни Поливанов, ни Конрад до такой вульгаризации не доходили. Пытался Невский освоить и учение Марра. Несомненно, долго живший за границей Невский чувствовал, что для него, вчерашнего «иностранца», особенно важно было заявить о своем идеологическом послушании; мог здесь проявляться и страх, которого вовсе не было даже в эти годы у Поливанова, всегда писавшего лишь то, что он думал.

Но все же не конформизм определял деятельность Невского в то время. Перед ним стояли две главные задачи — работа над хранившимися в Ленинграде тангутскими текстами и обработка привезенных из Японии материалов. Он достигает выдающихся результатов в дешифровке тангутской письменности и готовит к печати тангутские рукописи.

Из привезенных материалов он прежде всего взялся за тексты и фонетический очерк языка цоу, которые издал в 1935 году. Затем наступил черед материалов, собранных на островах Мияко. Невский готовил очерк фонетики диалектов Мияко, который планировал кончить в 1937 году, подготавливал он к печати и рюкюские фольклорные и поэтические тексты. Невский начинал также работу над большой книгой по японской исторической фонетике, планировал описать сохранившиеся в архиве Академии наук труды жившего в России в XVIII веке японца Гондзы, на очереди была и работа над айнскими материалами...

Поливанов, Невский, Конрад

К 1937 году Конрад и Невский были в расцвете сил и, казалось, спокойно работали. Немного улучшилось и положение Поливанова, который с 1934 года работал во Фрунзе, в Киргизском институте культурного строительства и в пединституте. Там к нему относились лучше, чем в Узбекистане. Поливанов даже вторично стал кандидатом в члены ВКП(б). Борьба с «буржуазным языкознанием» к тому времени поутихла, Поливанов сделал новую попытку вернуться в большую науку, послав в Москву рукопись «Словаря лингвистических терминов». Однако ученица Марра С. Л. Быховская отвергла эту работу. Тем не менее Поливанов продолжал работать. В те годы он изучал дунганский язык и участвовал в создании дунганской письменности, переводил киргизский эпос «Манас», кое-что он успел напечатать.

Но волна террора уже приближалась. Первым в нее попал Поливанов. 1 августа 1937 года он был арестован во Фрунзе. Через два месяца, 3 октября 1937 года, в Ленинграде пришел черед Невского. Один за другим исчезали люди из окружения Конрада: Д. П. Жуков, А. Л. Клетный, Г. Г. Иммерман, Е. М. Колпакчи, А. Е. Глускина (две последние, правда, в 1939 году были освобождены). Наконец, в августе 1938 года пришли и за Конрадом.

К этому времени двух других выдающихся ученых уже не было в живых. Поливанов вскоре после ареста был перевезен в Москву, на Лубянку. В его деле имеется лишь два протокола допросов. На первом допросе 22 августа 1937 года Поливанов перечислял анкетные данные и описал биографию, особо подчеркивая революционную деятельность. Во второй раз, 15 октября, рукой следователя записаны «показания» Поливанова о том, что он будто бы был японским шпионом, завербованным еще во время командировки в Японию в 1916 году, и вел много лет «контрреволюционную деятельность». 25 января 1938 года состоялся суд, на котором он заявил, что отказывается от показаний, выбитых у него незаконными методами. Суд не стал его слушать, был проштампован приговор «высшая мера наказания». В тот же день великий ученый был расстрелян. Была арестована и погибла в лагере и его жена Бригитта Нирк, много лет делившая с ним все тяготы жизни. Основная часть его неопубликованных работ была уничтожена, список известных по тем или иным источникам, но не найденных (в большинстве исчезнувших навсегда) работ Поливанова, приведенный в недавней книге о нем, насчитывает 212 названий.

Пока мы ничего не знаем о последних днях жизни Невского. Он был объявлен «резидентом японской разведки в Ленинграде» и расстрелян 24 ноября 1937 года вместе с подверстанной к нему группой, в которую входили ленинградские востоковеды Б. А. Васильев, А. И. Востриков, Д. П. Жуков, а также популярный в наши дни поэт Н. М. Олейников, друживший с Жуковым. Тем не менее в справке о реабилитации Невского стояла дата смерти — 12 февраля 1945 года, потом долго фигурировавшая в биографиях ученого. Погибла и его жена-японка. Дочь поначалу взяли в свою семью Конрады, но после ареста мужа Наталье Исаевне пришлось передать девочку родственникам отца. Судьба наследия Невского оказалась более счастливой: в отличие от поливановского архив Невского полностью сохранился.

Судьба Конрада оказалась иной. С самого начала он был отнесен к другой категории, это видно хотя бы по тому, что в отличие от жен Поливанова и Невского Наталья Исаевна не была арестована и, как могла, помогала мужу. Приговорен он был не к расстрелу, а к заключению в лагере.

Конрад

Узников везли в город Канск, через который Конрад когда-то проезжал по дороге в Японию. Учитель с Дона Н. И. Воро-

тынцев, один из товарищей Конрада по несчастью, вспоминает, как впервые увидел немолодого человека в пальто с шалевым воротником, которого все сразу окрестили «профессором». Блатные пытались отобрать у него пальто, но осужденные по 58-й статье, очень жалевшие «профессора», не дали этого сделать. После этого Конрад рассказал одному из товарищей, что пальто — его талисман, и пока он в пальто, он будет жить. Даже в лагере, где вольной одежды не полагалось, он сумел добиться сохранения этого пальто.

Местом работ был лесной рейд, где разгружалась после лесосплава и перерабатывалась древесина. Конрад оказался в бригаде по разработке и рассортировке штабелей.

«Наш «профессор», — пишет Н. И. Воротынцев, — в те моменты, когда рядом слышен был многопрофильный и многоэтажный до небес мат, как правило, так же экспрессивно, как казалось ему, по-лагерному, свою боль выражал аффектацией: «Эх! Заднебный аф...аффрикат!» Это было в унисон чувствам рядом страждущих... Я видел, как трудно Н. И. ладить с рычагом стежком... И я после согласования с бригадиром снял Н. И. с раскатки и поставил его путевым рабочим на узкоколейку и «вертушку». Новая работа путевого обходчика потребовала и соответствующего вооружения инструментом. Таковым и стала пешня, короткий железный ломик с трубкой для деревянной ручки...

Однажды, лежа на нарах, Н. И., отдохнувши после ужина, сказал: «А я хочу признаться, что работа путевого мне внутренне импонирует. Во-первых, я один. Никто не мешает поразмышлять. К тому же не слышу блатного жаргона. А во-вторых, и это главное, я с пешней, эмблемой трудового процесса, направленного на расчистку путей. И, как ни странно (пусть не покажется это суеверием), это не только внутренне импонирует мне сейчас, но интуитивно вселяет надежду, что цель моей жизни — Восток, Япония — будет закончена. Я с большой охотой тружусь на линии моей теперешней узкой колейки по азимуту Вест-Ост!»

Чистил пути Конрад недолго. Наталья Исаевна, регулярно посылавшая мужу витаминизованный сахар, которым он делился с товарищами по несчастью, продолжала хлопотать за него через президента Академии наук В. Л. Комарова. После нескольких месяцев пребывания в лагере он был переведен на «шарашку» для работы с японским языком. Покинул он барак все в том же пальто с шалевым воротником.

На новом месте заключения Конрад пробыл около двух лет. Здесь он имел возможность работать по специальности. Он позже писал В. Л. Комарову, что за это время перевел два древнекитайских военных памятника, «Сун-цзы» и «У-цзы» (самые большие по объему его переводы, впоследствии изданные), написал вчерне историю японской литературы, фрагменты которой были опубликованы посмертно в 1974 году, продолжал составлять японско-русский словарь.

Впереди был новый поворот судьбы. После нападения Германии на СССР ожидали возможного нападения Японии. Начальнику военного факультета Московского института востоковедения поручили составить список нужных для обороны специалистов по Японии. И тот, зная, где находится его учитель Конрад, решился включить его в список. Рассказывают, будто бы «органы» спохватились уже после того, как документ был подписан Сталиным. Как бы то ни было, летом 1941 года Конрад был отправлен в Москву для пересмотра дела. И здесь он не мог не работать. Сохранилась его рукопись о китайской литературе, подготавливаемая сейчас к печати (первое его крупное сочинение по этой тематике), с пометой «1 августа 1941 г. Внутренняя тюрьма НКВД».

В сентябре 1941 года, после трех лет страданий и унижений, перед Конрадом открылись тюремные двери. Сразу же он был назначен заведующим кафедрой японского языка Московского института востоковедения.

Невский, Поливанов и Конрад

Счастливый случай! И все-таки это тот случай, в котором проявилась закономерность. В страшные 1937—1938 годы никто не был гарантирован от гибели. Но были люди, которые просто не могли выжить, Поливанов и Невский были в их числе. Все в биографии Поливанова — давно оборванные связи с меньшевиками, служба под началом Троцкого, работа в Коминтерне, созданная марристами репутация «буржуазного ученого», контакты с заграницей и не прекращавшаяся до самого ареста переписка с невозвращенцем Якобсоном, наконец, дворянское происхождение — не давало ему шансов уцелеть. Сама его натура со склонностью к рискованным приключениям и с независимым поведением по отношению к власть имущим, от Троцкого до Марра, не была приспособлена для того, чтобы пережить 1937 год. Сейчас многие сходятся на том, кто написал донос на Поливанова, называя его ученика, бывшего неплохим ученым. Но кто бы ни написал такой донос, его не могло не быть и ему не мог быть не дан ход. Характер скромного и не интересовавшегося политикой Невского сам по себе не вел к фатальному исходу, но именно он определил его судьбу. Страсть к науке заставила Невского пережидать революцию за рубежом и остаться в Японии на четырнадцать лет. Она же побудила его и вернуться домой тогда, когда этого лучше было не делать.

Но нам меньше всего хотелось бы противопоставить «конформиста» Конрада «рыцарям науки» Поливанову и Невскому. Конрад всегда был честен и порядочен, много значения придавал этическим проблемам. Никогда, ни до ареста, ни после освобождения, он не был в числе проработчиков, наоборот, в меру возможности он помогал людям. Особенно это проявлялось в конце его жизни, в шестидесятые годы, когда он не раз использовал свой вес и авторитет для облегчения положения людей, считавшихся политически неблагонадежными.

Благодаря таким, как Конрад, не «распалась связь времен», в самые тяжелые эпохи традиции русского классического востоковедения не погибли окончательно. Не обладая даром Поливанова создавать оригинальные теории и умением Невского скрупулезно собирать неизвестные факты, Конрад был эрудирован, широко образован, умел находить параллели между, казалось бы, самыми различными явлениями далеких друг от друга географически и исторически культур. Он мыслил широко, умел ставить проблемы, создавать концепции, имевшие успех и отвечавшие настроениям умов, хотя и не всегда достаточно подтвержденные фактами. В одном Конрад имел явное превосходство над двумя другими учеными: в таланте человеческого общения. Язвительный и экстравагантный Поливанов привлекал внимание, но удерживал на расстоянии. Невский был всегда погружен в науку. А Конрада и сейчас вспоминают прежде всего как обаятельнейшего человека, превосходного собеседника, блестящего лектора. Неудивительно, что судьба Конрада оказалась счастливее двух других еще в одном отношении: все трое какое-то время преподавали, но только он создал научную школу. Практически все советские японисты послевоенного времени — либо его ученики, либо ученики его учеников. Под его влиянием сформировались также многие китаисты и вообще специалисты по восточной литературе и культуре.

К его старым ученикам добавилось немало новых. Конрад был знаменит, популярен, стал академиком, имел два ордена Ленина, к восьмидесятилетию, до которого не дожил, представлялся к званию Героя Социалистического Труда, а за год до смерти получил высший японский орден для иностранцев. Он переписывался со светилами мировой науки, такими, как А. Тойнби. О тяжелых годах жизни он никогда не вспоминал, и при его жизни о них не говорилось в печати.

Но рассказывают, что в самые благополучные годы он тяготился мыслью о своей косвенной вине в гибели Невского, поскольку он советовал ему возвратиться в Ленинград и помогал в переезде. Сделать он мог лишь одно — восстановить память о погибших друзьях. Даже в конце сороковых — начале пятидесятых годов Конрад в своих работах упоминал имя Поливанова и вполне доброжелательно оценивал его научные взгляды. Позднее он руководил изданием первого сборника избранных работ Поливанова, вышедшего в 1968 году. Еще больше он сделал для памяти Невского. Он добился издания его трудов по тангутской филологии, а затем сыграл большую роль в том, что за них Невский спустя почти четверть века после гибели получил Ленинскую премию (сам Конрад так ее и не получил, хотя выдвигался).

Людей не вернуть, но имена Поливанова и Невского, к счастью, не забыты. Посмертно переиздан и издан вновь ряд работ Поливанова, а в 1991 году вышел том, куда вошло второе издание «Введения в языкознание для востоковедных вузов», впервые издаваемый «Словарь лингвистических терминов» и стенограмма речи против Марра. Вслед за тангутскими работами Невского изданы его записи фольклора айнов и жителей острова Мияко. На очереди другие рукописи. О Поливанове издан ряд работ, особенно хочется выделить большую книгу самаркандского профессора В. Г. Ларцева (к сожалению, недавно умершего), изданную в 1988 году. О Невском в 1978 году вышла солидная книга Л. Л. Громковской и Е. И. Кычанова (и еще две книги в Японии). Как ни странно, меньше всех пока повезло Конраду, о котором нет ничего, кроме лакировочных юбилейных статей и некрологов. Хрестоматийный глянец с его имени еще предстоит снять.

12 марта 1991 года исполнилось сто лет со дня рождения Евгения Дмитриевича Поливанова, а на следующий день — 13 марта — сто лет со дня рождения Николая Иосифовича Конрада. Вскоре, 2 марта 1992 года, будет и столетний юбилей Николая Александровича Невского.

Эти люди — при всем различии взглядов и характеров — любили науку, их труды продолжают жить. И нельзя забывать их судьбы ●

Борис, ты все-таки прав, или Первый блин — Волгакон

Поскольку более хаотического события я не припомню (тут вина организаторов только частичная: время такое!), то считаю себя вправе и отчет свой никак не «организовывать».

...По всем показаниям, это событие просто не могло состояться. В стране — черт знает что, полмесяца не прошло после путча, а в Волгограде команда под руководством Бориса Завгороднего как ни в чем не бывало собирает ВОЛГАКОН. Давно, надо сказать, запланированный (о чем прогрессивная общественность могла узнать в таких престижных средствах массовой информации, как «Знание — сила» или американский журнал «Локус»)... Да не простую конвенцию, а международную — с участием более десятка зарубежных гостей (среди них, между прочим, свежеиспеченный лауреат «Хьюго» и «Небьюлы»!)

Правда, Борис Завгородний уже приучил наших (и не наших) фэнов к тому, что для него слова «невозможно» нет. Но одно дело — пешком дойти до затерянной в Европе горной республики Сан-Марино, а другое — организовать нечто у нас, тут, в знаменитом на весь мир центре цивилизации, туризма и сервиса...

Как бы то ни было, событие — первая поистине международная Конвенция у нас в стране — состоялось. За что от всех от нас, присутствовавших, Борису — спасибо. (Далее будут и критические придирки, но начать хотелось бы с благодарности.)

Но, с другой стороны, сказать, что состоялась именно Конвенция,— язык не поворачивается. Дружеская встреча отечественных фэнов, писателей, издателей и просто «сочувствующих», на коей неведомо как затесался десяток совершенно обалдевших заморских гостей; тусовка — или даже симпозиум (немногие знают, что в переводе с оригинального греческого это означало совместное возлежание и возлияние...); словом, все что угодно, но не Конвенция!

Потому что такие встречи обычно тщательно готовятся и требуют от организаторов, между прочим, полного самоотречения в течение всего «мероприятия». Или ты — фэн, тогда наслаждайся общением с друзьями и залетными знаменитостями, или — организатор, тогда забудь обо всем, кроме организации.

(Все ли к случаю осведомлены о том, что на «ихних» — заморских — конвенциях те, кто обеспечивает их работу, могут расслабиться и «посимпозить» только вечером последнего дня, под занавес? Это называется «Dead Dog Party», когда «гуляет» только оргкомитет, а гости и участники попеременно являются на эту вечеринку выразить организаторам свое почтение и благодарность? Я понимаю, неча нам на Америку оглядываться, у советских собственная гордость.., но почему бы будущим организаторам аналогичных встреч не взять на заметку и эту «мелочь»?)

Поначалу, прибыв на волгоградский вокзал, я было подумал, что недооценил «Борисову команду»: на видном месте красовался огромный щит с эмблемой Волгакона, а рядом с ним — автобус для гостей! Это было ново, как сейчас говорят, круто. Гости были растроганы. И в гостинице поселили, и накормили, и даже прошел слух, что не испугавшиеся ни путча, ни его последствий отчаянные иностранные знаменитости все-таки прибывают! Правда, осторожно — по одному, по двое и даже какими-то конспиративными рейсами. Но едут же!

Однако, как только присутствующим раздали программки «мероприятия» и наспех провернули «открытие» Конвенции, с того момента собственно программа «приказала долго жить».

Конвенция прочно переместилась в гостиничные номера, а спонтанные встречи в кинозале «наших» участников с «не нашими» гостями собирали столько народу, сколько в данный момент толкалось в фойе... Планы менялись с такой быстротой, что, мне показалось, к финишу устали все: «наши» старались индивидуально ловить гостей по коридорам и на подходе к столовой, а гости и подавно отдались на волю стихии, вежливо поддакивая, что-де везде организация конвенций «далека от совершенства».

Но — странное дело — встречей остались, по-моему, довольны и те, и другие. «Наши» вообще не избалованы подобными тусовками (даже при том, что в последние годы количество «конов» растет неудержимо). Вволю потрепались, обменялись новостями — опять же «посимпозили». Что касается гостей, то ведь они знали, куда ехали («социальным альпинизмом» называет поездки в нашу страну один мой американский знакомый), — и в полной мере насытили свое любопытство впечатлениями не только о нашем фэн-доме, но и о стране в целом.

Страна, в общем, известно какая. Хорошие в большинстве своем люди, гостеприимные, ради нейтрализации местного «убойного» сервиса творящие чудеса. И — никакого порядка. Ни в чем. Ни в прошлом (помнится, и Рюрику еще о том намекали ненавязчиво), ни в настоящем, ни в обозримом будущем. Так что, уважаемые гости, здесь вам не равнина, здесь климат иной...

Иногда, правда, было обидно за организаторов (которые предусмотрительно вывесили на видном месте плакат «Не стреляйте в оргкомитет, он работает как умеет!»). Ладно, бог с ней, с программой, с задуманными дискуссиями, выступлениями, «школами» для молодых писателей и встречами профессионалов, но ведь гости-то интересные прибыли!

С огромными трудностями организаторы «выманили» их на берега Волги, резонно полагая, что не часто к нам наведываются зарубежные фантасты — будет что послушать и посмотреть «нашим». И благодарные иностранцы (это не единственная странная черта, отличающая «не наших» от «наших») готовы были поделиться информацией, опытом и даже конкретными взаимовыгодными проектами. Увы, это их естественное желание осталось во многом невостребованным. Гордые советские фэны и писатели (ну, скажем так: отдельные) предпочитали «симпозничать» в своем кругу, как только убедились, что гости менее настроены на обмен материальными ценностями: скептически относятся к возможности массового издания советской НФ у себя на родине и, хотя и разрешают порой печатать кое-какую свою продукцию у нас «за рубли», почему-то делают это без энтузиазма и не в «товарных» количествах.

Да, не приехали ни Азимов, ни Кларк, ни Брэдбери — так ведь и не так часто они разъезжают и по собственным конвенциям — возраст все-таки! Но был «последний» (образца 1991 года) лауреат всех мыслимых премий — «Хьюго», «Небьюла», имени Теодора Старджона, «Локус» — полученных за один рассказ, который, кстати, наш читатель скоро прочтет по-русски! — Терри Биссон. И молодой автор Пол Парк, не по-американски интеллигентный и нешумный. И маститые Джеймс Хоган и Кристофер Сташев. И профессор университета в Сан-Диего экспансивный Ларри Мак-Кэффри, один из главных специалистов по модному движению «кибер-панков». И прилетевший аж из запредельного Сиднея издатель фэнзина Рон Кларк. И Крис Чиверс из Бирмингема. И знакомый нашей публике Эрик Симон (а вот до многих ли из присутствовавших «прагматиков» дошло, что с ним была редактор безусловно ведущего НФ-издательства Германии — «Хайне»?) И болгарин Ивайло Рунев. И еще кто-то из Чехо-Словакии, оставшийся для меня «объектом ненаблюдаемым»...

Если и это для «наших» — не публика, тогда не знаю, что и сказать. Нет, знаю: наоборот, не в коня (эмблемой Волгакона была некая странная синяя водоплавающая лошадь) корм!

Причем последняя претензия — отнюдь не в адрес организаторов: они-то сделали почти невозможное, собрав такое количество иностранных гостей, как уже говорилось, спустя полмесяца после путча, в самый апофигей распада Союза. Но вот многие из тех, кто приехал на Волгакон «потусоваться», явно прозевали главное — возможность послушать своими ушами информацию «оттуда», с другой планеты, и информацию из первых рук, а не пересказанную каким-нибудь Гаковым.

Что же сообщили гости неожиданного? Полагаюсь на собственную память и диктофон. Итак, отдельные мысли «навскидку».

Терри Биссон. Всячески приветствует наши изменения, но предостерегает от излишней эйфории. В этом-то как раз ничего неожиданного нет, зато характеристика бывшим «леваком» (даже в тюрьме ухитрился побывать после того, как отказался «стучать» в ФБР на своих друзей из радикальных организаций — американская романтика!) современного американского общества встречена нашей аудиторией подозрительно: по мнению Биссона, подавления инакомыслия сейчас в Америке не наблюдается, потому как некого подавлять, «американцы сыты, счастливы и тупы»...

Пол Парк. Мягко говоря, потрясен меркантильностью решительно всех в нашей фантастике — издателей (ну, этим сам бог велел), писателей и даже фэнов. «Так и не удалось как следует поговорить о творчестве... Я писатель, а не бизнесмен; я, конечно, неравнодушен к гонорарам, но еще более я неравнодушен к тому, как читаются — а не покупаются — мои книги...» Что ж, у богатых (в данном случае — литератур) свои причуды!

Кристофер Сташев. Убежден, что желанное проникновение советских фантастов на американский книжный рынок невозможно без создания в нашей стране (пусть даже на ее обломках) еще одного необходимого института цивилизации — института литературных агентов. «Вы должны обзавестись своими литературными агентами в ваших республиках, а те в свою очередь должны связаться с литературными агентами в США, а те в свою очередь будут связываться с местными издателями, а те в свою очередь будут давать ответы местным литературным агентам, а те...» — ну и так далее.

Эрик Симон. Просит не заноситься мыслью далеко, а присмотреться к похожей ситуации «под боком». «У нас в Германии было много авторов, которых не печатали, потому что было нельзя. Сегодня их не печатают, потому что все стало «льзя» и их эзопов язык никому не нужен...»

Ларри Мак-Кэффри. Приятно удивлен наличием в нашем фэн-доме интереса к «кибер-панкам». Притом не понимает, как это движение возникло в стране, где компьютеры пока — предмет роскоши и «престижности»...

В общем, погуляли, как ни придирайся, на славу. И хотя все с утра до вечера, целую неделю кляли на чем свет стоит организаторов «первой международной», по трезвом размышлении (когда таковая возможность представилась) народ рассудил: Бориску — на царство! А всех будущих организаторов подобных международных сборищ — на усиленную переподготовку. Поскольку только первому Волгакону позволено быть комом.

Вл. ГАКОВ

Иллюстрация Л. Полещука

Дж. Уиндем

Уснуть и видеть сны...

— Но, дорогая мисс Кэрси,— сказал редактор,— мы вовсе не изменили свое отношение к вашей книге. Мы продолжаем, как и прежде, считать ее очаровательной романтической повестью. Просто издательство оказалось в крайне затруднительном положении — не можем же мы опубликовать одновременно две почти идентичные книжки! Да и одну-то из них мы тоже не можем выпустить, поскольку существуют две. Это бы неизбежно вызвало протест со стороны одного из авторов, а нашей фирме такие скандальные ситуации совершенно ни к чему.

— Но ведь я первая представила вам рукопись,— сказала Джейн Кэрси с упреком.

— Всего на три дня раньше,— возразил редактор.

Джейн опустила глаза и стала молча вертеть серебряный браслет на руке. Редактору было не по себе. Он вообще не любил отказывать приятным молодым женщинам-авторам, а тут еще он почувствовал, что дело может кончиться слезами.

— Мне очень, очень жаль,— сказал он искренним голосом.

Джейн вздохнула.

— Наверно, это было слишком хорошо, чтобы осуществиться, следовало предвидеть какое-нибудь препятствие,— сказала она.— А кто, кстати, написал второй вариант?

Редактор заколебался.

— Я не уверен, что я вправе...

— Но вы должны, вы просто обязаны мне сказать! Иначе это было бы очень несправедливо, ведь нам необходимо встретиться и разобраться в этом недоразумении.

Внутренний голос подсказывал редактору, что ему лучше не впутываться в эту историю, но, с другой стороны, он не сомневался в правдивости слов мисс Кэрси. В конце концов чувство справедливости восторжествовало, и он сказал:

— Ее зовут Лейла Мортридж.

— Это ее подлинное имя?

— Думаю, что да.

— Как странно, я его никогда не слыхала... Но ведь никто не видел мою рукопись, даже не знал, что пишу книгу. Все это как-то загадочно и непонятно...

Редактор не нашелся, что ответить. Конечно, совпадения бывают — иногда какая-то идея словно носится в воздухе, пока одновременно не осядет в головах двух совершенно разных людей. Но здесь было что-то большее. За исключением двух последних глав, повесть «Амариллис в Аркадии», написанная мисс Кэрси, совпадала не только по фабуле с «Возьми мое сердце» миссис Мортридж, но в описаниях природы и в диалогах. Здесь не могло быть и речи о какой-то случайности.

— А откуда вы взяли замысел вашего произведения? — поинтересовался редактор.

Джейн посмотрела на него неуверенно, чувствуя, что еще минута — и она разревется.

— Мне... мне это приснилось... Во всяком случае, мне кажется, что я все это видела во сне.

Она не заметила изумления, появившегося на его лице, так как слезы, вызванные чем-то более глубоким, нежели разочарование по поводу несостоявшейся книги, застлали ей глаза, и она, всхлипывая, выскочила из редакции.

Очутившись на улице, Джейн почувствовала себя немного лучше и направилась в ближайшее кафе, чтобы окончательно прийти в себя за чашкой крепкого кофе. Ей было ужасно стыдно за свое поведение в редакции, так как она вообще была против всякого проявления чувств на людях и еще год назад не представляла, что нечто подобное может с ней случиться.

Но, по правде говоря, она уже не была той женщиной, что год назад. Хотя внешне оставалась все такой же Джейн Кэрси, выполнявшей те же задания журнала, где она вела страничку для женщин, работа эта теперь казалась ей весьма однообразной и скучной. Ну какой можно было найти интерес в бесконечных описаниях новых моделей платьев и кулинарных рецептах, в то время как, обладая некоторым литературным даром, она жаждала излить душу на бумаге и рассказать о своей тонкой натуре и чувствах, столь нежных и возвышенных, что ей порой хотелось парить в облаках подобно жаворонку.

Вполне понятно поэтому, что письмо, пришедшее от редактора издательства, куда она послала свою повесть, вызвало у нее сладостное головокружение и сердцебиение. Оно не только открывало перед ней новые перспективы в сфере, которую безуспешно пытались освоить многие ее собратья по перу, но и глубоко удовлетворяло ее авторское самолюбие. Редактор особенно отметил ее литературные данные и этим как бы провел черту между нею и теми, кто лишь стремился получить право на публикацию своих поделок.

Он честно признал, что находит ее повесть просто очаровательной. По его мнению, эта идиллическая романтическая история, несомненно, должна была вызвать восторг у широкого круга читателей. Правда, в ее повести было несколько слишком откровенных мест в духе елизаветинской эпохи, но их можно было легко причесать, не разрушая общего впечатления.

Единственное, что несколько омрачало радость Джейн, было подозрение, что, возможно, она не вполне заслужила эти похвалы, так как все-таки не сама придумала сюжет, а лишь видела его во сне. Но, в конце концов, кому какое дело, как работает твой мозг? Ведь он мог быть активным и во сне... Никто же никогда не упрекнул известного английского поэта Кольриджа за то, что он впервые увидел идею своей поэмы «Кубла Хан» во сне...

И вот теперь такой неожиданный удар! Неизвестно откуда появилось что-то столь похожее на ее произведение, что редактор даже и не думал больше о его публикации! Джейн не представляла, как это могло произойти, ведь она не то что никому не показывала свою рукопись, но даже и словом не обмолвилась, что пишет книгу.

Она сидела, молча уставившись в чашку остывшего кофе, и только когда наконец поднесла ее ко рту, заметила, что кто-то сел за ее столик. Это была женщина, которая рассматривала Джейн с пристальным вниманием. На вид ей было примерно столько же лет, как и Джейн, она была неброско одета, правда, меховая шубка и шапочка, которые так шли к ее светлым волосам, несомненно, стоили очень дорого. Несмотря на это, она была чем-то похожа на Джейн — та же фигура и рост, цвет волос, уложенных, правда, совсем по-иному. Когда Джейн опустила глаза, она заметила на руке незнакомки обручальное кольцо. Незнакомка заговорила первой:

— Ведь вы — Джейн Кэрси, не так ли? — спросила она.

— Да,— ответила Джейн несколько настороженно.

— Меня зовут Лейла Мортридж,— сказала женщина.

— О! — воскликнула Джейн, не находя, что ответить.

Женщина деликатно глотала свой кофе, а Джейн не сводила с нее глаз. Затем Лейла аккуратно поставила чашку на стол и снова обратилась к Джейн.

— Было совершенно очевидно, что они захотят взглянуть и на вас,— сказала она,— поэтому я решила подождать у входа в издательство и познакомиться с вами. Нам надо кое-что выяснить, не правда ли?

— Конечно,— согласилась Джейн.

Несколько минут они молча взирали друг на друга.

— Никто не знал, что я пишу эту книгу,— заметила Лейла.

— Никто не знал, что я пишу ее,— парировала Джейн. Она глядела на эту женщину с горечью и обидой. Трудно было поверить в то, что виденное и пережитое ею было просто сном — она никогда не слыхала о снах, которые «шли» с продолжением каждую ночь и были столь яркими и реалистичными, что казалось, будто ты находишься одновременно в двух разных жизнях. Но, даже если и допустить такое, это был ее сон, настолько личный, что она даже не осмелилась описать в своей пове-

сти некоторые из его глубоко интимных моментов. Однако даже то, что она написала, могло быть известно исключительно ей одной...

— Я никак не представляю,— начала было она, но остановилась, не смея продолжать.

Ее соперница тоже не очень-то владела собой — уголки ее рта дрожали.

— Знаете, здесь не место говорить о таких вещах,— наконец проговорила Джейн.— Я живу здесь поблизости, давайте лучше пойдем ко мне.

Лейла согласилась.

Всю недолгую дорогу до квартиры Джейн обе женщины молчали, как будто набрали в рот воды. Только когда они наконец уселись в маленькой гостиной, Лейла заговорила:

— Как ты узнала? — спросила она с явной ненавистью в голосе.

— Что именно? — спросила Джейн не менее враждебно.

— О чем я пишу.

— Нападение — иногда лучшая форма защиты,— сказала Джейн ледяным голосом,— но только не в данном случае. Я впервые узнала о твоем существовании всего лишь час назад в кабинете редактора. Насколько я понимаю, ты услыхала мое имя там же, но несколько раньше. Это ставит нас в равное положение. Я знаю наверняка, что ты не читала мою рукопись, а я не читала твою. Обвинять друг друга в плагиате — лишь пустая трата времени. Важнее выяснить, что же произошло на самом деле. Я-я...— тут она замялась, не зная, как продолжать.

— Может, у тебя есть второй экземпляр твоей рукописи? — спросила Лейла Мортридж.

Джейн поколебалась, затем подошла к письменному столу, отомкнула нижний ящик и вынула пачку листов, отпечатанных под копирку. Не говоря ни слова, она вручила их Лейле. Та решительно взяла их. Она прочитала одну страницу и остановилась, вглядываясь в нее. Затем взялась за вторую, за третью... Джейн не выдержала, ушла в спальню и стала у окна, погруженная в свои мысли. Вернувшись в гостиную, она увидела на полу кипу прочитанных страниц, а рядом в кресле — рыдающую Лейлу Мортридж.

Джейн села на диван с ощущением, будто что-то умерло у нее внутри и вся она одеревенела, но она понимала, что это чувство скоро пройдет и появится боль, боль оттого, что ее волшебный сон убивают и что она вряд ли сможет жить без него дальше.

Сон впервые приснился ей около года назад. Место и время его действия были неопределенны, но это как-то не интересовало Джейн. Какая-то вечнозеленая Аркадия, может быть. Она лежала на берегу ручья на траве, душистой и мягкой, как зеленый бархат. Чистый прохладный ручеек журча бежал по белым камешкам, омывая ее босые ноги, опущенные в воду, солнце ласково согревало обнаженные до плеч руки. На ней было простенькое хлопчатобумажное платье, с разбросанными по белой ткани цветочками и резвящимися амурами.

В траве тоже пестрели цветы — она не знала, как они называются, но могла бы описать их до мельчайших подробностей. Птичка, размером с синицу, присела рядом с ней на бережок и стала пить прохладную воду из ручья. Казалось, она совсем ие боится. Под легким ветерком шелестела высокая трава и серебристая листва деревьев. Все существо Джейн впитывало солнечный свет, словно волшебный эликсир.

Смутно ей вспоминался другой мир, полный суматохи и труда, но он мало интересовал ее: тот мир был сном, а этот — реальностью. Она остро ощущала прохладу ручья, воспринимала все цвета и звуки. Никогда раньше она не была так по-настоящему жива и близка природе.

Вдалеке показалась мужская фигура. Сердце ее затрепетало, и радостное возбуждение пробежало по жилам. Тем не менее она продолжала лежать, подложив руку под голову, и тяжелая шелковая прядь волос спадала ей на щеку. Глаза ее прикрылись, но она совершенно отчетливо продолжала слышать все, что происходило вокруг.

Так, она услышала его приближающиеся шаги и слабое дрожание земли под его ногами. Затем что-то легкое и прохладное коснулось ее груди и свежий аромат цветов наполнил ее дыхание. Она открыла глаза: темная кудрявая голова юноши склонилась над ней. Карие глаза смотрели ей в лицо, а губы чуть-чуть улыбались. Она подняла обе руки и обвила их вокруг его шеи...

Вот так это все началось — сентиментальный сон подрастающей школьницы, однако невероятно сладкий. Она помнила, как проснулась, переполненная счастьем, и как постепенно, под влиянием будничных дел и скучных людей, это счастье улетучилось, а взамен возникло чувство потери, словно ее лишили чего-то принадлежащего по праву.

На следующую ночь сон снова посетил ее, но не повторился, а продолжился. Она никогда не слыхала, чтобы сны продолжались, но тем не менее это было так. Джейн окружал тот же пейзаж, там был тот же юноша и снова она. Оказалось, что это и есть ее настоящий мир и населяют его люди, которых она знает с детства. Там стоял домик, где ей было знакомо все до мельчайших подробностей и в котором, казалось, она прожила всю жизнь; в доме лежали необходимые для работы бархатная подушечка с коклюшками, на которых она плела тончайшие кружева... Соседи, с которыми она переговаривалась, юноши и девушки, с которыми она вроде бы вместе выросла, выглядели совершенно настоящими и даже более реальными, чем мир ее журнала, моделей и редакторов, требующих, чтобы она сдавала свои статьи вовремя.

В мире, существовавшем наяву, она начала постепенно чувствовать себя какой-то усталой и скучной, в то время как в снившейся ей деревеньке она жила полной жизнью и была влюблена...

В течение первых двух недель Джейн неохотно открывала глаза по утрам, боясь, что сон ускользнет от нее. Но он продолжался, становясь с каждой ночью менее расплывчатым, более надежным, так что наконец она разрешила себе поверить, что он останется с ней навсегда. После этого повседневная жизнь уже больше не казалась ей столь унылой, как прежде,— она начала воспринимать события и людей в ином свете, замечая детали, на которые раньше не обращала никакого внимания. Все как бы озарилось ее сном. Мир казался совсем иным от сознания, что стоит ей только сомкнуть глаза ночью, как она попадет в Аркадию и станет сама собой в подлинном смысле слова...

Там была та волшебная ночь, когда они оба, счастливые, лежа на подушках, наблюдали сквозь крону дубов, как багряное солнце опускалось среди облаков, и слушали стрекотание цикад и доносившееся издалека пение соловьев... Руки его были одновременно сильны и нежны, и она была мягкой и податливой, как спелый персик. Может быть, роза, размышляла она, чувствует себя подобным образом, когда раскрывает свои лепестки под лучами горячего солнца?

Они блаженно отдыхали, глядя на звезды и слушая пение соловья...

Когда Джейн проснулась на следующее утро, она продолжала некоторое время лежать в постели с ощущением счастливой расслабленности, не обращая никакого внимания на шум транспорта за окном и привычную обстановку своей комнаты. И вот тогда у нее впервые появилась мысль написать повесть обо всем пережитом во сне, книгу, предназначенную первоначально только для себя, чтобы никогда ничего не забыть.

Это была беззастенчиво сентиментальная повесть, какую она бы никогда раньше и не думала писать, но она испытывала колоссальное удовольствие от самого процесса творчества и от воспоминаний пережитого. А потом Джейн подумала, что, возможно, она не единственная женщина, которая устала жить в своей серой, лишенной всякого чувства скорлупе. Тогда она написала второй вариант книги, где несколько сократила чересчур интимные эпизоды и придумала новый конец.

И вот что из всего этого получилось таким неожиданным образом!

Первый бурный поток Лейлы Мортридж иссяк. Она вытерла платочком глаза, но еще продолжала время от времени тихонько всхлипывать.

Подчеркнув тоном, что к делу необходимо отнестись практически, Джейн сказала:

— Мне кажется совершенно очевидным, что либо между нами существует какая-то телепатическая связь, либо мы просто обе видим один и тот же сон.

Миссис Мортридж снов[а] зашмыгала носом.

— Этого не может быть,— заявила она решительно.

— Да, этого не может быть, но ведь так случилось, и мы должны найти какое-то объяснение этому явлению. Оно так же невероятно, как и способность видеть сон, как будто это вовсе не сон, а телесериал.

Лейла Мортридж снова приложила платочек к глазам и задумалась.

— Я не представляю,— сказала она несколько чопорно,— как невинная девушка вроде тебя может вообще видеть подобные сны.

Джейн вытаращила глаза.

— Давай лучше не будем,— наконец сказала она,— потому что мне кажется столь же невероятным, что почтенная замужняя дама тоже видит такие сны.

— Этот сон разрушил мой брак,— печально призналась Лейла.

— А я потеряла жениха... Но как можно было продолжать с ним встречаться после того, как... Ну, да ты сама понимаешь...

— Конечно.

Некоторое время обе молчали. Затем Лейла Мортридж проговорила:

— А теперь ты все портишь...

— Твое замужество, что ли?

— Нет, этот сон.

— Ну, знаешь, хватит дурить! Мы обе оказались в одинаковом положении. Ты думаешь, мне очень приятно, что ты вламываешься в мой сон?

— Нет, это мой сон!

Джейн задумалась.

— Послушай,— сказала она наконец,— если нам обеим снится, что мы — это та девушка, то какая разница? Может быть, это вовсе и не отразится на наших ночных приключениях...

— Да, но сознание, что ты разделяешь их со мной,— прошептала Лейла, готовая вновь разреветься.

— А мне это нравится, что ли? — сказала Джейн холодно.

Прошло еще минут двадцать, прежде чем она избавилась от своей посетительницы. Вот тогда она наконец смогла сесть спокойно на диван и хорошенько выплакаться.

Сон не прекратился, как опасалась Джейн, и, к счастью, не был ничем омрачен. В этом обе женщины убедились, поговорив утром по телефону. Со временем между ними даже установились дружеские отношения, так как обеим, как школьницам, ужасно хотелось поделиться с кем-нибудь своими переживаниями. Это было так интересно.

Прошло три месяца. Однажды вечером Лейла позвонила и, задыхаясь от волнения, спросила Джейн:

— Дорогая, ты читала сегодняшнюю «Вечернюю газету»?

— Нет еще. А что?

— Тогда немедленно раскрой ее на четвертой странице и прочти театральное обозрение. Там, во второй колонке... Но только не вешай трубку, я подожду.

Джейн взяла газету и нашла следующий анонс:

Двойная роль

В театре «Каунтесс» скоро состоится премьера «Идиллии», романтической пьесы, положенной на музыку. В ней мисс Розали Марбанк выступит в двойной роли — как героиня и как автор либретто. Такова ее

первая попытка в жанре, который нельзя назвать ни музыкальной комедией, ни маленькой оперой. Это скорее спектакль с музыкой, специально написанной к нему композитором Аланом Клитом. В пьесе рассказывается о любви скромной деревенской кружевницы...

Джейн дочитала абзац и застыла с газетой в руках. Треск из болтавшейся телефонной трубки вернул ее к действительности. Она подняла ее.

— Ну как, прочитала? — спросила Лейла.

— Да...— медленно ответила Джейн.— А ты с ней случайно не знакома?

— Никогда даже не слыхала ее имени. Но, по-моему, вполне ясно, о чем идет речь, не правда ли?

— Должно быть,— сказала Джейн задумчиво.— Однако следует все проверить,— добавила она после некоторого молчания.— Я постараюсь выклянчить пару билетов на эту премьеру у нашего театрального критика. Ты сможешь пойти?

— О чем ты спрашиваешь?

Тем временем сон продолжался. На следующую ночь снилось, что в деревне была ярмарка и какой-то праздник. Ее прилавок с выложенными на нем для продажи кружевами выглядел прелестно. Покупателей, правда, было мало. Когда он подошел, она сидела на траве рядом с ларьком и рассказывала сказки двум очаровательным малышам. Спустя некоторое время они закрыли ларек и пошли на лужайку танцевать. Когда взошла луна, они отделились от толпы и удалились под сень леса, забыв обо всем на свете...

Когда Джейн и Лейла пришли в театр, зал был уже полон. Они отыскали свои места в партере за несколько минут до начала спектакля. Наконец свет погас, и оркестр заиграл увертюру — приятную незатейливую музыку. Однако Джейн так волновалась, что не могла прислушиваться к ней. Она протянула руку Лейле, и та судорожно сжала ее. Обе уже жалели, что пришли, но вместе с тем понимали, что так поступить необходимо, ибо неведение было бы еще хуже.

Переходя от одной легкой мелодии к другой, оркестр наконец замолк, и занавес медленно пополз вверх. Общий вздох прокатился по залу и затих в задних рядах.

На сцене девушка, одетая в белое платьице с рисунком, состоящим из цветов и резвящихся амуров, лежала на зеленом берегу реки среди цветов и трав. Ее босые ноги были опущены в ручеек. Кто-то из зрителей, скорее зрительниц, то ли всхлипнул, то ли хихикнул, но в ответ тотчас зашикали, и тишина воцарилась снова.

Между тем девушка на сцене блаженно потянулась и улыбнулась, все еще не поднимая головы, так что прядь шелковистых волос падала ей на щеку. Публика затаила дыхание. Одинокий кларнет в оркестре начал наигрывать чувствительную мелодию. Теперь все глаза в зале были устремлены уже не на девушку, а в глубину сцены.

Молодой человек в зеленой рубашке и коричневых штанах появился из-за кулис. Он передвигался на цыпочках и в руках нес небольшой букет цветов.

При виде его огромный общий вздох облегчения пронесся по залу. Джейн перестала сжимать руку Лейлы с такой силой — это был совсем не тот человек.

Он приблизился к девушке, лежащей на бережку, нагнулся и положил букетик ей на грудь. Затем он сел рядом, облокотившись о колено, чтобы ему было удобнее смотреть на нее...

Именно в этот момент что-то заставило Джейн оторвать взгляд от сцены и повернуть голову, как будто ее притянул невидимый магнит. Сердце ее оборвалось, и она схватила Лейлу за руку.

— Смотри, смотри скорее туда! — прошептала она, указывая на одну из лож бельэтажа.

Сомнений быть не могло: она знала это лицо, пожалуй, даже лучше, чем свое собственное,— каждый завиток волос, каждая черта, каждая ресница вокруг карих глаз были ей предельно знакомы. Это был он. Она так хорошо знала эту улыбку, с которой он сейчас наблюдал за происходящим на сцене, что у нее защемило в груди. Да, она знала об этом человеке все, абсолютно все.

Затем, внезапно, она заметила, что взоры всех женщин в зале были также устремлены к ложе. Выражение, написанное на лицах, испугало ее, заставило еще сильнее прижаться к Лейле.

Еще несколько минут мужчина в ложе продолжал смотреть на сцену, не замечая, что происходит вокруг. Затем что-то,— может быть, напряженная тишина зрительного зала — заставило его повернуть голову. Увидев сотни женских глаз, устремленных на него, он перестал улыбаться.

Тишина была резко нарушена истерическими воплями, раздавшимися одновременно в нескольких местах зала.

Мужчина постоял в ложе еще пару минут, затем на его лице появилось выражение тревоги и, быстро отвернувшись, он решительно шагнул в глубь ложи. Из партера нельзя было видеть, что там произошло, но он вновь появился в ложе у всех на виду, отступая от двери и прижимаясь спиной к барьеру. Вслед за ним появилось несколько женщин. Их искаженные от ненависти лица заставили Джейн содрогнуться. Когда мужчина на минуту повернул голову к залу, было видно, что он смертельно напуган. Он оказался загнанным в угол, и женщины наступали на него, как разъяренные фурии.

Поколебавшись, он перебросил ногу через барьер ложи и выбрался наружу. Очевидно, он собирался перелезть в соседнюю ложу. Упираясь одной ногой в кронштейн светильника, он пытался ухватиться рукой за край барьера. В тот же момент две женщины из покинутой им ложи ухватили его за другую руку. Какой-то ужасный миг он висел между двух лож, стараясь сохранить равновесие, затем рухнул головой вниз в проход между креслами партера.

Джейн прикусила губу, чтобы не закричать, но даже если бы она и закричала, никто бы не заметил этого — такой крик и визг стояли кругом...

Вернувшись домой, Джейн долго сидела перед телефоном, прежде чем поднять трубку и набрать номер редакции своего журнала. Наконец она решилась.

— Это ты, Дональд? — спросила она дежурного репортера деланно равнодушным голосом.— Это Джейн. Ты случайно ничего не знаешь о том человеке, который сегодня упал с балкона в театре «Каунтесс»?

— Знаю, конечно; я как раз пишу о нем некролог. А что бы ты хотела знать?

— Да ничего особенного — просто кем он был и так далее...

— Его звали Дэзмонд Хейли. Тридцати пяти лет от роду. У него, оказывается, была масса всяких ученых званий — в основном в области медицины. Специализировался как психиатр, написал целый ряд научных трудов. Самая известная его книга — это «Психология толпы и эпидемия истерии». Не так давно опубликовал статью под заглавием «Гипноз и вызываемые им массовые галлюцинации» — довольно мудреная работа не для рядового читателя. Он жил в... эй, что там с тобой?

— Да ничего,— ответила Джейн, стараясь казаться спокойной.

— Ты часом не была с ним знакома?

— Нет,— сказала Джейн твердо,— нет, я никогда его не встречала.

Она аккуратно положила трубку на рычаг, внешне спокойно прошла в соседнюю комнату, так же спокойно и печально опустилась на постель и наконец позволила себе дать волю слезам.

А кто мог бы сказать, сколько еще горьких слез было пролито в ту ночь на бесчисленные подушки оттого, что волшебный сон не приснился вновь и не мог уж присниться никогда более?..

Перевела с английского
М. БИРМАН

Уважаемая редакция!

Был крайне удивлен, прочитав в номере 7 за 1991 год вашего журнала начало рассказа Лестера дель Рея «Тайная миссия» (раздел «Страна Фантазия», стр. 89). Дело в том, что в сборнике «Фантастика-84» (издание «Молодая гвардия», Москва, 1984 год) напечатан рассказ Айзека Азимова «Секретная миссия», написанный в 1940 году. И текст, и содержание рассказов практически совпадают вплоть до отдельных фраз.

Прошу объяснить, что это — ошибка одной из редакций в определении автора или плагиат одного из авторов? Положение-то довольно двусмысленное.

С уважением,
Ю. Сухов

От редакции

Совершенно верно. Только это не плагиат, а поразительная небрежность издательства «Молодая гвардия»: на самом деле известный и не однажды опубликованный рассказ Лестера дель Рея «Тайная миссия» был помещен Айзеком Азимовым в сборник фантастики, откуда, видимо, и попал на страницы «Фантастики-84», но уже под именем составителя.

Окончание. Начало — на стр. 68

дают друг другу работу, но не взаимно увеличивают благосостояние друг друга.

Ныне экономический реализм заставляет признать, что «в современной индустриальной системе материальное благосостояние нации пропорционально отражается на всех классах населения. Там, где больше миллионеров, — там и больше всего рабочих, владеющих машинами и домами» (В. Х. Чемберлен).

В XVIII веке экономический реализм признавал другое: «Невозможно, что число богатых увеличилось, если не увеличится число бедных рабочих. Там, где нет слуг, там нет и господ» (Дж. Беллерс).

Мандевиль описывает не индустриальное общество, уничтожающее нищету, а капитализм, из нищеты возникающий. И исторически он прав. Успехи технологии от 1500 до 1830 годов — это еще не экспансия благосостояния, но попытка уйти от давления нищеты, перенаселенности и истощения ресурсов. Мандевиль — реалист и выносит оправдательный вердикт капитализму на основе меньшего числа данных, нежели сейчас у нас на руках. Его анализ устарел для общества, где рынок — не система обманов, а система взаимовыгодных сделок для открытого общества.

Но он остается полностью пригодным для любого общества, где капитал закладывается мошенничеством и служит, ввиду неустойчивости общественной ситуации, не производству, а роскоши, где рынок — не система взаимовыгодных сделок, а система обманов.

Именно тогда, утверждает «Басня о пчелах», когда должности уже сделались объектом купли-продажи, а собственность еще не сделалась капиталом, — тогда-то и хочется превратить нравственные законы в государственные и национализировать если не производство, то хотя бы добродетель.

Но это — путь, уничтожающий самое общество, структуру для обмена, саму цивилизацию, сущность которой — не в том, чтоб довольствоваться имеющимся, а чтоб стремиться к редкому. ●

М. ЛЕБЕДИНСКИЙ (*Москва*): Уважаемая редколлегия! В вашем журнале были помещены статьи о советском авангардизме. Дело трактуется таким образом, будто бы начавшийся расцвет авангардного искусства двадцатых годов был искусственно прерван официальным, партийным искусством, а вот теперь он наконец вырвался из-под тяжких плит официоза. Но, как мне кажется, дело обстоит не совсем так.

Подъем искусства продолжался до начала тридцатых годов, его вершина была в середине тридцатых и в Великую Отечественную войну. Затем нарастал спад с конца сороковых по конец шестидесятых годов.

Спад искусства всегда сопровождает идеологический распад соответствующего строя. Причем на крайних точках идеологического распада обязательно сосуществуют натурализм в официальном искусстве и крайние формы абстракционизма в подпольном.

Для новой формации характерна пропаганда своих идей всеми доступными средствами, а для народа формалистические изыски непонятны, недоходчивы, и идеи, пусть самые прогрессивные; отсюда — постепенный переход к реализму. На примере уцелевших от репрессий художников можно наглядно проследить этот процесс, например Дейнека, Кончаловский, Корин. Расцвет советского искусства держался, как и весь строй, на энтузиазме масс.

Вот сейчас сетуют: мол, при наших «великих» свершениях искусство не выдает шедевров. Значит, ни в какое «светлое будущее» мы не движемся и даже намека нет на конструктивные прогрессивные идеи, одно только отрицание всего прошлого и гениальные планы перехода к практически пройденному во всем мире капитализму.

Корни нашего андерграунда — в современных процессах, а не в двадцатых годах. Сюрреалисты интересны тем, что мир вокруг них неисчерпаем и его необычайные сочетания рождают мысли о сущем и окружающем. А зачем еще искусство, если оно не будит мысль человеческую?

М. ГОСТЕВ (*Воронеж*): Я не согласен с теорией о пользе смешанных браков, к которым призывает А. Акифьев («Знание — сила», 1991 год, № 7).

В истории известны превосходные результаты таких браков, но, в общем, метисы все-таки нестойки. В результате безумных опытов Мичурина по скрещиванию разных пород и сортов погибли чистые линии российских яблок, а метисы быстро вырождаются...

Автор статьи полагает, что через четыре-пять поколений генофонд возродится. Это заблуждение. Исчез только один фактор, уничтоживший генофонд,— коммунистический террор,— но с каждым годом возрастает влияние экологического фактора. А чистоту воздуха, почвы и воды при нашей бедности нелегко обеспечить. Ученые считают, что природа севера Сибири, например, может залечить раны через... пятьсот лет. А Чернобыль? А полигоны? Сколько потребуется времени, чтобы спасти Волгу, Черное море, Ладогу? Ответа нет. Поэтому человеческий генофонд будет ухудшаться. Одновременно с ухудшением генофонда рыб, животных, насекомых... Не следует сбрасывать со счетов дальнейшую алкоголизацию и наркотизацию населения. В толпе все реже и реже встречаются нормальные человеческие симпатичные лица, не искаженные в результате поломок хромосом...

Что же делать? Призывать к межнациональным бракам ущербных людей — это бессмысленное занятие. Это ускорит вырождение. Мне думается, что сейчас самое время вспомнить о разруганной науке евгенике. Конечно, это может вызвать шок у читателей, но... Иного выхода я не вижу. Народ погибает. И надо россиян спасать немедленно.

Приезжайте на Урал!

Культурно - экологический центр «Ноосфера» (*Екатеринбург*): Начиная с 1990 года, мы приступили к созданию поселка, не нарушающего природного равновесия. Одновременно ставилась цель сформировать коллектив единомышленников, людей, симпатичных друг другу.

Сейчас пройден организационный этап и этап начала практической деятельности. Выработаны концептуально-уставные документы, сформирована и действует экономическая структура поселения — малое предприятие. Приехали первые семьи. Запущен собственными силами небольшой цех стройматериалов. Заложены основы будущего аграрного сектора. Проживаем мы в арендуемых помещениях закрывшегося пионерлагеря — накапливаем силы для собственного строительства.

Конечно, все нам дается с неимоверными усилиями. В финансовом отношении мы стартовали почти с нуля. Нам оказывают посильную помощь Всероссийское общество охраны природы и Уральский экологический фонд страны. Но сегодня эти организации сами нищие. Тем не менее мы не просим экономической помощи. Основным вопросом для нас был и остается отбор новых членов. Желающих немало, но не все выдерживают, не всех устраивают нормы взаимоотношений в поселении.

Неоценимая помощь, которую вы могли бы оказать нам,— это рассказать своим читателям, что есть на Урале такое место, куда можно приехать, пожить немного для знакомства. И, возможно, для многих наше поселение окажется именно тем, что они искали.

Итак, создается поселение, где нет места вредным привычкам, грубости и жестокости. Приглашаются кандидаты в новые члены с целью выяснения психологической и функциональной совместимости.

Адрес для справок: 620063, Екатеринбург, а/я 273.

К. Петров-Водкин. Богоматерь умиления злых сердец, 1914—1915 (Русский музей).

ВСЛЕД ЗА ВЕРНИСАЖЕМ

И. Уварова

Миф о Серебряном веке

«Русский модерн». Так называлась выставка, развернутая в залах Государственной Третьяковской галереи (что на Крымской) в конце тревожного московского лета 1991 года.

Эта выставка была открытием. Открытием неожиданным, не вяжущимся со стереотипным образом русского искусства предреволюционных десятилетий. Впервые искусство рубежа веков предстало как целостное явление, как отечественная разновидность большого стиля в многообразии его проявлений в живописи и скульптуре, книжной графике и бытовой вещи, театральной декорации и архитектуре.

Впервые за такими разными индивидуальностями, как художники К. Сомов и З. Серебрякова, скульпторы Н. Андреев и М. Диллон, архитекторы Ф. Шехтель и А. Щусев, можно было уловить единый духовно-мировоззренческий импульс, позволяющий нам безошибочно опознать тот особый стиль художественного мышления и самой жизни, который принято называть «модерном».

Все это мы увидели впервые, но не первыми. Первыми были жители Лондона. Именно им, а не нам, предназначались все эти сокровища, скрытые в «Сумерках царей» (так называлась лондонская выставка). Именно им направили свои экспонаты Третьяковка, Исторический музей, художественные музеи Санкт-Петербурга и Саратова. А уже потом в несколько ином составе — с сокращенными отделами архитектуры, графики и прикладного искусства — выставка попала в Москву. Так что для нас это была нечаянная радость, подарок судьбы.

Но зато именно мы, а не лондонцы, так остро пережили забытое и какое-то старомодное удовольствие от избыточности, щедрости форм, цвета, света и знакомое чувство утраты, невозвратности таких женских лиц, парковых аллей, милых изящных вещиц — всей этой атмосферы бескорыстного искусства, артистической капризности, прихотливости и свободы. Кому, скажите, кому все это мешало?

В мифах человеческая история предстает в трех эпохах: век золотой, потом серебряный, затем железный.

Золотым веком культуры была пора Пушкина, пора расцвета; на закате девятнадцатого столетия возник Серебряный век и продержался почти до семнадцатого года. Железный век громыхал, торопясь серебру на смену.

Серебряный век отметил своим знаком и программное зда-

Альберто Мартини. Обложка второго издания сборника В. Брюсова «Земная ось», Москва, «Скорпион», 1910 (ГБЛ).

*В. Борисов-Мусатов.
Весна. 1898 (ГТГ).*

*Ф. Рюккерт.
Ковш. Москва,
1908—1917 годы
(Исторический музей).*

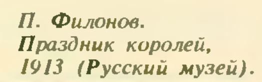
*Ю. Анненков. Эскиз костюма,
1915 (Русский музей).*

*В. Васнецов.
Коленопреклоненный
архангел Гавриил.
Эскиз для росписи
Владимирского собора в Киеве,
1893—1895 годы (ГТГ).*

*М. Сарьян.
Цветы саибские,
1914 (ГТГ).*

*П. Филонов.
Праздник королей,
1913 (Русский музей).*

*Неизвестный художник.
Афиша Театра миниатюр. СПб.*

*Фаберже.
Ковш в форме рыбы,
1908—1917 (Исторический
музей).*

*Ф. Шехтель.
Дом А. Морозовой, Москва.
(Эскизы панелей М. Врубеля.)*

О. Делла-Вос-Кардовская. Портрет Анны Ахматовой, 1914 (ГТГ).

ние Метрополя с принцессой Грёзой работы самого Врубеля, и пошлую пепельницу с нимфой, предающейся томной неге среди окурков.

Выставке в Третьяковке не хватило ни архитектуры, ни пепельницы. Но живопись, рисунок, свободно обживая пустынное пространство зала на Крымской, поведали свою версию Серебряного века.

Пропись века — стиль модерн, обвиняемый в расслабленном и болезненном декадансе, на самом деле был упруг, живуч и в творческом полете неуемен.

Стиль имел свою линию и линии служил, как божеству. Гибкой была знаменитая линия модерна — извивалась, вилась, как лоза. Или выстилалась на манер свистящего хлыста, в конце закручиваясь туго мелкой скобкой.

Она была готова обвить все на свете, прорасти везде, коснуться крыльев Демона и чешуи ящерицы (у Фаберже), очертить контуры древних пейзажей и проползти, змеясь, меж столиками кабаре, где сидит змееподобная дива Бакста.

Первые люди Серебряного века были символисты. Они явились в культуру, как серебряные рыцари, чтобы поразить чудище натурализма и выстроить великий хрустальный замок новой Вселенной. Натурализм был равен земному бытию, замкнувшемуся плоскими событиями слепой обыденной жизни, в которой нет «великой любви и великой нелюбви», как говорил Н. Я. Берковский.

Серебряный век восславил великую любовь и великий мир, отвергнув запреты и границы; символисты томились по вечной женственности и собирали звуки со всех клавиатур, краски со всех палитр. Пряная экзотика дальних стран оказалась рядом с пейзажем Левитана; угрюмый древний скиф разглядывал кокетливую парижанку в черном чулке «раскосыми и жадными глазами».

Художника влекло открытое пространство, светлое дыхание космоса касалось картин. Атмосфера прозрачна, взор художника углублен пространством зеркал, иные измерения угадываются в зазеркалье, здесь — предчувствие и прозрение того, что не дано увидеть смертным, но должен видеть Художник.

В живопись победоносно входит цвет. Цвет сам становится источником света. Цвет обретает свечение драгоценных камней. А более всего ценился цвет аметиста, цвет сапфира. И фиолетовый ирис, таинственный цветок, который сама природа определила в линиях модерна.

То были цвета небесных далей — лиловый, синий. В мгновения экстаза их прозревал Блок, из лилово-синих миров к нему спускался золотой луч, золотой меч. И явлен был небесный лик Прекрасной Дамы. Акт поэтического творчества Блок описал в категориях живописи своего века.

Н. Гончарова. Конь-блед, 1914 (Русский музей).

«И он к устам моим приник...» Но это Пушкин. В миг откровения его Пророку открылся мир. Данность этого пророческого видения возникает в образах художника серебряного века.

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Вездесущая линия модерна, эта «лоза», наверное, тоже плод откровения.

Не каждому художнику Серебряного века открылись небеса, не каждый смог узреть шесть крыльев серафима (да и не серафим являлся избранникам). Но тоска по высшему знанию вела художника, тоска по знаку посланному, по указанию услышанному. Ибо Серебряный век выковал образ художника-пророка. Пророк имеет миссию — спасти землю и погибнуть. Земля же соблазняла, тянула к своим утехам. Борьба натуры с исполинской целью была трагична. Но трагизм лучезарность творчества не затмевал. А служение великой идее, ради которой нужно погибнуть, готовило им всем участь жертвы: все они — заложники железного века.

Повышенная серьезность тотчас плодила своих антиподов. По пятам великих целей спешили стаи эпигонов, тиражируя высокие образцы в мертвых гипсовых слепках. От этих напастей Серебряный век защищался иронией. Иногда и легкомыслием. Судейкин нарочно писал гуляния, балаганчики, пустяки, кукол всяких — пародию на лучезарный лик. Серебряный век сам иронизировал над собою, отправляя свои великие идеи жизнетворчества в парковый павильончик с кривыми зеркалами.

Легкости — вот чего всегда не хватало России. Непринужденную легкость Серебряный век культивировал в стеклянных оранжереях, и там росли маски, гримасы, чепуха!

Никогда культура так не расширялась, ни одна культура столько в себя не вмещала. Модерн покорил Европу, касаясь всего вещного. Россия же, по милости модерна, после Петра переживала второй опыт тотальной перемены всего, что было,— от рисунка обоев до человеческой породы.

Краток был Серебряный век, краток и ослепителен, век художников, поэтов, прекрасных женщин. Когда явление культуры умирает, ему предначертано после забвения и гонений вернуться к нам в мифе.

Миф по имени Серебряный век приходит к нам в выставках, в перепечатках книг, в нашествии имен, чтобы еще раз напомнить, что красота может спасти мир.

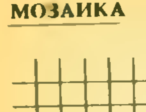
А. Головин. Женский портрет, 1910 (ГТГ).

К. Сомов. Султанша. Эскиз табакерки, 1899 (ГТГ).

В. Кандинский. Св. Георгий и Дракон, 1914—1915 (ГТГ).

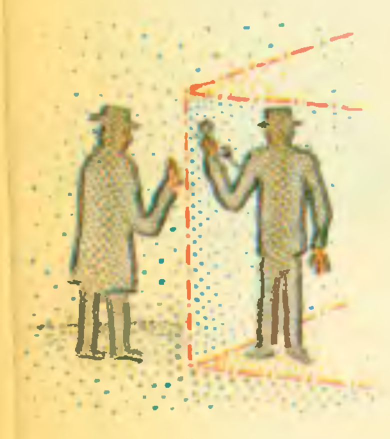

Рисунки В. Серафимова, Е. Силиной

Главное — формула

Портной-любитель из Варшавы Альфред Элерт скроил множество мужских костюмов и при этом ни разу не встречался со своими клиентами. Элерт — математик и вывел одну очень сложную формулу, в которую входят рост, вес, ширина плеч и окружность талии заказчика.

Телефонный инстинкт

Кому не случалось ждать на улице перед телефонной будкой! И нередко кажется, что говорящий умышленно затягивает разговор, дабы разозлить нас. «Это не кажется, а действительно так»,— утверждает американский психолог Бари Рубек. Он замерил продолжительность более двухсот разговоров в телефонных кабинах и обнаружил, что при отсутствии ожидающего разговор продолжается в среднем полторы минуты, а если перед кабиной кто-то ждет — целых четыре минуты.

По мнению Рубека, здесь на подсознательном уровне действует территориальный инстинкт, свойственный многим обезьянам. Не давая себе в этом отчета, говорящий считает будку своей территорией и стремится защитить ее от желающих вторгнуться.

Шланг для рыбы

Почему из шланга идет рыба, а не вода? Все очень просто. Таким способом биолог министерства рыболовства и охоты штата Аляска Лорен Флагг и помощник начальника Элмерндорфской инкубаторной станции Том Рутц выпускают молодь чавычи в небольшую речку Лоуэлл-Крик на полуострове Кенай. Дело в том, что из-за высоких порогов лососи не в состоянии войти в эту речку. Но чтобы местные рыболовы не остались без улова, приходится ежегодно выпускать десятки тысяч лососей, выведенных на инкубаторной станции.

Самое старое семейство

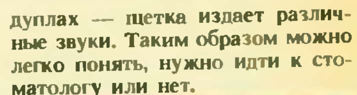
Жители Бретани отличаются исключительным долголетием. Кроме того, в этой части страны больше многодетных семей. Поэтому именно там проводятся конкурсы на самое старое семейство, где суммируют возраст всех его членов. В прошлом году победило семейство с общим возрастом 407 лет.

Попутный диагноз

Одна японская фирма выпустила в продажу зубную щетку, в которую вмонтирована диагностическая система с супермикрокомпьютером. При различных дефектах зубов — трещинках или

дуплах — щетка издает различные звуки. Таким образом можно легко понять, нужно идти к стоматологу или нет.

Р. Магрит. Объяснение

Фрукт или овощ?

С первого января прошлого года морковь, которую мы все считаем овощем, превратилась во фрукт. Это не игра слов, а решение Европейского экономического сообщества. Согласно этому решению, морковь называют плодом в том случае, когда ее используют для приготовления конфитюра. Это лингвистическая акробатика позволит португальцам производить и продавать конфитюр из моркови, не нарушая европейских норм, которые требуют, чтобы конфитюр делали из фруктов.

М. Врубель. Пророк, 1898 (ГТГ).